

Ю. Д. Апресян =====
(Москва)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРАВИЛАХ¹

Моими основными темами будут: 1) понятие нетривиального семантического правила, или правила взаимодействия значений; 2) типы контекстуальных факторов – условий применения правила; 3) типы смыслов, наиболее активных в правилах; 4) типы правил в зависимости от природы взаимодействующих значений; 5) типы правил в зависимости от самого механизма взаимодействия. Все эти темы рассматриваются преимущественно на глагольном материале.

1. Понятие нетривиального правила взаимодействия значений

В соответствии с принципом композициональности значение высказывания получается по определенным правилам из значений лексем, граммем, синтаксических конструкций, просодий и других значимых единиц языка. При этом простейшие семантические правила носят чисто аддитивный характер: прототипические толкования связанных друг с другом единиц языка просто складываются одно с другим, не претерпевая никаких изменений. По таким тривиальным правилам получаются, например, значения словосочетаний *мимо станции, прошел поезд, скорый поезд*, а также значение высказывания *Утром мимо станции прошел скорый поезд*.

В языке, однако, возможны и нетривиальные взаимодействия, когда прототипические значения языковых единиц или их компоненты, объединяясь во все более крупные семантические конфигурации, определенным образом влияют друг на друга – согласуются, снимаются, добавляются, переподчиняются, трансформируются и т. п. В дальнейшем рассматриваются только такие нетривиальные правила.

Пример 1: Глагол *налечь* в сочетании с акциональными существительными (*налечь на учебу <на тренировки>*) значит ‘начать интенсивно или более интенсивно делать то, что обозначено существительным’. Это прототипическое словарное толкование неприменимо при сочетании *налечь* с предметными существительными (чаще всего обозначениями пищи); ср. *налечь на закуску <на водку>*. Чтобы получить правильную интерпретацию таких метонимий, словарное толкование *налечь* надо модифицировать следующим образом: ‘начать интенсивно или более интенсивно использовать то, что обозначено существительным, в соответствии с его назначением’.

2. Типы контекстуальных факторов – условий применения правила

2.1. Формы слова и контекст

Пример 2: Глагол *спрашивать* в форме НЕСОВ в отрицательном императиве и в абсолютной конструкции, в отличие от своих синонимов *интересоваться* и

¹ Данная работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80361, гранта Президента РФ на поддержку ведущих школ № НШ-1576.2003.6 и гранта РГНФ № 04-04-00263а. В ней частично использованы материалы статьи [Апресян 2005].

любопытствовать, может дополнительно указывать на оценку ситуации как нежелательной: – *Как ты себя чувствуешь?* – *Не спрашивай* [‘плохо’]; – *Сколько денег у нас осталось?* – *Не спрашивай* [‘мало’]. Можно думать, что отрицательный абсолютный императив с глаголом *спрашивать* в какой-то мере фразеологизован. Ср. чистое отрицание в случае *Не любопытствуй* и *Не спрашивай его о здоровье*.

Пример 3: Интересные семантические особенности имеют краткие формы некоторых параметрических прилагательных. Речь идет прежде всего о прилагательных линейного размера, т.е. о словах *высокий – низкий*, *глубокий – мелкий*, *длинный – короткий*, *широкий – узкий*, а также о прилагательных «общего размера» *большой* и *маленький*.

Во-первых, прилагательные со значением большого полюса в контексте вопросительных слов *как* и *насколько* утрачивают присущий им в других конструкциях семантический компонент ‘больше нормы’ и становятся обозначениями всей шкалы соответствующего линейного измерения, т.е. семантическими эквивалентами слов *высота*, *длина*, *ширина*, *глубина* и т.п. Ср. вопросы типа *Насколько высок забор в этом месте?* ≈ *Какова высота забора в этом месте?*; *Насколько <как> длинны каналы Марса?* ≈ *Какова длина каналов Марса?*; *Насколько широк <глубок> ручей в нижнем течении?* ≈ *Какова ширина <глубина> ручья в нижнем течении?* В этом отношении краткие формы русских прилагательных сближаются с прилагательными размера в английском, немецком, французском и ряде других языков, где у них есть особое значение шкалы: англ. *ten meters high <deep>*, нем. *zehn meter hoch <tief>* ‘высотой <глубиной> в десять метров’, фр. *long de deux mètres* ‘длиной в два метра’.

Во-вторых, большинство параметрических прилагательных со значением линейного размера, включая и прилагательные малого полюса, равно как и оба прилагательных «общего размера», а также некоторые другие прилагательные со значением физических параметров претерпевают в краткой форме семантический сдвиг вида ‘больше нормы Р’ ⇒ ‘слишком большой по Р’. Ср. *Забор высок <низок>*; *Кровать широка (сюда не встанет)*; *Протока узка <мелка> (на катере не пройдешь)*; *Юбка коротка <длинна>*; *Ботинки малы <велики>*; *Мешки тяжелы (один человек не справится)* и т.п. Прилагательные других семантических классов сохраняют свои обычные значения и в краткой форме; ср. *Он был красив <умен, строен, глуп>*; *Толстой велик и как писатель, и как проповедник* и т.п.

Отметим еще два обстоятельства.

а) Этот сдвиг характерен для кратких форм при обычном порядке слов и вне контекста интенсификаторов. В положении перед подлежащим или при наличии интенсификатора краткие формы сохраняют свое словарное значение. Так обстоит дело в предложениях типа *Широка страна моя родная*; *Велика Россия, а отступать некуда*; *Мал золотник, да дорог*; *Иван очень высок*; *Мешки очень тяжелы* и т.п.

б) Смысл ‘слишком’ делает естественными дополнения или обстоятельства со значением агенса, предназначения, аспекта или множества, к которому принадлежит субъект; ср. *Ранец велик для ребенка* [агенс]; *Труба коротка для этого участка водопровода* [предназначение]; *Пиджак широк в плечах* [аспект]; *Джон высок даже для масаи <низок даже для пигмея>* [множество].

2.2. Модели управления и способы реализации валентностей

Пример 4: Глаголы моторно-кратного перемещения в «двунаправленном» значении имеют валентность цели; ср. *Мы ходили гулять <на прогулку>*. Если эта валентность метонимически выражается предметным именем в составе предложно-именной группы *за + ТВОР*, как в случае *Мы ходили за газетами <за хлебом>*, в высказывании возникает дополнительный смысл приобретения и доставки соответствующего предмета в определенное место. Это правило верно и для любых других глаголов перемещения, способных подчинять целевые дополнения или обстоятельства.

Пример 5: У глаголов со значением эмоциональных состояний типа *беспокоиться*, *бояться*, *радоваться*, *стыдиться* и т. п. есть валентность причины, которая стандартно и единообразно выражается при них придаточным предложением, вводимым союзом *что*: *Он беспокоился, что детей до сих пор нет*; *Она боялась, что не успеет на поезд*; *Все радовались, что экзамены уже позади*; *Я стыжусь, что состоял в вашей партии*. Метонимически та же валентность может выражаться предложно-именной группой вида *за X-а*, где позицию X занимает предметное существительное, чаще всего – имя человека: *беспокоиться* <*бояться*, *радоваться*, *стыдиться*> *за своего сына*. В таких условиях в контексте глаголов со значением положительной эмоции возникает дополнительное значение ‘причиной эмоции является что-то хорошее, что сделал X или что случилось с ним’, а в контексте глаголов со значением отрицательной эмоции – дополнительное значение ‘причиной эмоции является что-то плохое, что сделал X или что случилось с ним’.

3. Типы смыслов, наиболее активных в нетривиальных правилах

К их числу относятся: а) отрицание; б) кванторы; в) количественные смыслы; г) оценки; д) модальности (особенно желание, возможность и долженствование). Об отрицании см. пример 2 выше. Остальные типы смыслов коротко комментируются.

3.1. Кванторы

Пример 6: Ср. анализ фразы *Я первый тебя спросил* в [Богуславский 1985: 14]. В зависимости от того, как заполняются в ней семантические валентности кванторного слова *первый* (или в зависимости от того, как формируется множество выбора для выделения в нем первого человека по признаку ‘спросил’), она может иметь две интерпретации: ‘Тебе задало вопрос несколько человек, и среди них я был первым’ и ‘мы с тобой спросили друг друга, причем я спросил тебя раньше, чем ты меня’.

3.2. Количественные смыслы

Пример 7: Интересно ведет себя наречие *постепенно* во фразах типа *Гости постепенно разъезжались*; *Дерево постепенно засохло* в (см. ранние версии его анализа в [Апресян 1980: 80 и сл.] и [Гловинская 1982: 27-28, 75]). *Постепенно* – одноместный предикат, единственная семантическая валентность которого заполняется именем сложной ситуации. С помощью *постепенно* эта сложная ситуация членится на ряд более простых. Они упорядочиваются во времени так, что каждая следующая ситуация наступает вслед за предыдущей через более или менее равные друг другу и не слишком маленькие промежутки времени.

Представление о множестве простых ситуаций возникает либо за счет того, что в сложной ситуации есть не один участник, а несколько (так обстоит дело в случае *Гости постепенно разъезжались*), либо за счет того, что сама описываемая ситуация является не одномоментным событием, а развивающимся во времени процессом, членимым на ряд фаз (Так обстоит дело в случае *Дерево постепенно засыхало*). Если данную ситуацию нельзя расчленить на ряд более простых ни тем, ни другим способом, предикат *постепенно* неприменим; так, нельзя сказать **Иван постепенно разъезжался*; **Она постепенно забеременела*.

Из этого анализа вытекает одно интересное следствие для интерпретации предложений типа *Дома постепенно разрушились*; *Белье постепенно высохло* и т.п. В них *постепенно* синтаксически зависит от глагола со значением процесса. Его первый актанта выражается существительным в форме МН (*цветы*) или собирательным существительным (*белье*). В таких условиях становятся возможны оба способа членения сложной ситуации на ряд более простых. В частности, в случае *Дома постепенно разрушились* речь может идти

либо о том, что все множество домов разрушалось равномерно и окончательно разрушилось к одному и тому же времени, либо о том, что разные подмножества домов разрушались в разные моменты времени одно за другим, пока не разрушились все дома. Формально эта омонимия объясняется с помощью двух разных правил заполнения валентности предикатов, называющих более простые ситуации.

3.3. Оценки

Пример 8: Слова *вкус*, *класс*, фразема *Голова варит*, конструкция *X-у работается <поется>* и т.п. по умолчанию обозначают положительную оценку: *У нее есть вкус* [= 'тонкий вкус']; *Он снова показал класс* [= 'высокий класс']; *Голова у него варит* [= 'хорошо варит']; *Ей сегодня поется* [= 'легко поется'].

Выражаемая по умолчанию положительная оценка всегда образует слабый смысл, т.е. смысл, который в контексте явно выраженного противоположного смысла элиминируется. Ср. фразы: *У нее плохой вкус*; *Он снова показал очень низкий класс*; *Голова у него плохо варит*; *Ей сегодня что-то плохо поется*. Отметим мимоходом близость отрицательной оценки и отрицания в контексте таких предикатов: *У него плохой вкус ≈ У него нет вкуса*; *Голова у него плохо варит ≈ не варит*; *Ей сегодня плохо поется ≈ не поется*. Семантические различия между такими фразами очевидным образом меньше, чем различия между фразами типа *Она не поет ≠ Она плохо поет*.

3.4. Модальности

Пример 9: Некоторые словари выделяют у *хотеть* два самостоятельных значения – 'чистого желания' и 'намерения'; ср. *Я хочу есть* [чистое желание] VS. *По пути я хочу зайти на почту* [намерение]². Я предложу решение, которое позволяет трактовать 'намерен' не как самостоятельное лексическое значение глагола *хотеть*, а как употребление этого глагола, получаемое по определенному правилу семантической модификации из прототипического значения 'хотеть'.

У глагола *хотеть* значение чистого желания выражается в следующих условиях: а) при релативности *хотеть* (т.е. под главным фразовым ударением, под отрицанием, в контексте слов со значением интенсивности типа *очень*, *безумно*, *страстно*, *как*, *так*, *всеми силами души* и т.п.). Ср. *Коля ↓хотел жениться на ней (но мать была против)*; *Но я уже не хотел, чтобы она вернулась ко мне*; *Как он хотел спать!*; б) в контексте стативных глаголов; ср. *Я хочу знать, о чем вы с ним толковали*; *Люди так устроены, что хотят верить в разные чудеса*; в) при несовпадении субъекта желания и субъекта действия; ср. *Хочешь, дам тебе конфетку?*

По контрасту, значение намерения у глагола *хотеть* тематично, оно требует указания на планируемое действие, потому что состояние планировать нельзя (ср. неправильность **Я намерен радоваться <считать, что тебе повезло>*), не допускает градуирования (ср. **Я очень <безумно> намерен попасть на эту премьеру*) и возможно только при совпадении субъекта состояния и субъекта действия: нельзя намереваться, чтобы кто-то другой совершил какие-то действия. О значении намерения у глагола *хотеть* сигнализируют, при прочих равных условиях, следующие контекстуальные факторы: а) форма СОВ подчиненного *хотеть* акционального глагола, ср. *По дороге он хотел зайти в булочную*; б) контекст частиц *уже* и *было*, обозначающих отказ от почти предпринятого действия; ср. *Он уже хотел ложиться, но тут раздался звонок*; в) контекст временных слов и выражений типа *как раз*, *перед этим*, *после этого*, *потом*, *только что* и т.п.; ср. *Он как раз хотел ложиться, но тут раздался звонок*. Эти контекстуальные факторы и есть условия преобразования значения желания глагола *хотеть* в значение намерения.

² О двух значениях *хотеть* см. также [Зализняк 1992: 62].

Добавлю, что в значении чистого желания, особенно желания физического, *хотеть* сопрягается с актуально-длительным значением формы НЕСОВ. Ср. *Я безумно хочу есть <пить>; В этот момент он безумно хотел спать*. В значении намерения *хотеть* с актуально-длительным значением не сопрягается; ср. примеры типа *Я сейчас хочу пойти домой*, где *сейчас* по смыслу относится не к *хотеть*, а к *пойти домой* и значит не ‘в данный момент’, а ‘в самом скором времени’.

4. Типы правил в зависимости от природы взаимодействующих единиц

Здесь различаются следующие типы правил: а) взаимодействие лексических значений друг с другом; б) взаимодействие лексических значений с грамматическими; в) взаимодействие грамматических значений друг с другом.

4.1. Взаимодействие лексических значений друг с другом

Пример 10: Рассмотрим семантическое взаимодействие глагола *узнать* (*что / где / когда ...P*) ≈ ‘начать знать (что / где / когда ...P)’ с предлогами *у* и *от* в значении источника какой-то информации. Первый из них предполагает активного, инициативного искателя информации, или агенса, а второй – неинициативного получателя информации, или адресата. Это различие проявляется в парах типа *Отец узнал у проводника, где останавливается поезд* и *Отец узнал от случайных попутчиков, что поезд в Туле не остановится*. В первом предложении *отец* – агенс, а *узнать* – действие, как *Отец спросил у проводника, где останавливается поезд*. Во втором предложении *отец* – адресат, а *узнать* – начало информационного состояния, как *Отец знал это от случайных попутчиков*.

Сдвиги в сторону акциональности или стативности, возникающие у глагола *узнавать* в контексте предлогов *у* и *от*, лежат в основе еще нескольких правил его взаимодействия с другими лексемами в высказывании.

а) Если *узнать* употреблен в контексте предикатов со значением цели, например, глаголов типа *велеть*, *разрешать*, союза *чтобы*, наречия *с целью* и т. п., у него реализуется только значение действия и он управляет предлогом *у*; ср. *Он велел мне узнать у вас (не *от вас), когда откроется музей; Чтобы не продешевить при продаже машины, он узнал у меня (не *от меня) рыночную стоимость такой модели*.

б) Если *узнать* зависит от модального глагола *мочь*, то форма *у кого* совместима со всеми тремя значениями этого глагола – алетическим (объективной возможности), деонтическим (пермиссивным) и эпистемическим (вероятностным), а форма *от кого* – только с вероятностным; ср. *Вы можете узнать об этом у своего непосредственного начальника* (объективная возможность, разрешение, вероятность) – *Он мог узнать об этом от кого угодно* (только вероятностное значение).

4.2. Взаимодействие лексических значений с грамматическими

Пример 11: а) В актуально-длительном значении НЕСОВ возможно только акциональное значение *узнавать* и, следовательно, только контекст предлога *у*; ср. – *Что он там делает? – Узнает у диспетчера расписание поездов*. Неакциональное значение *узнавать* с актуально-длительным значением НЕСОВ не сочетается; ср. невозможность – *Что он там делает? – *Узнает от диспетчера расписание поездов*.

б) В форме ПОВЕЛ в прототипическом для нее значении побуждения тоже возможно только акциональное *узнавать*; ср. *Узнай у него, что там происходит*, но не **Узнай от него, что там происходит*. Оба правила касаются больших классов акциональных и неакциональных глаголов.

4.3. Взаимодействие грамматических значений друг с другом

Пример 12: Здесь речь пойдет о взаимодействии видовых значений НЕСОВ с категорией залога. Бытует мнение (см., например, [Храковский 1991: 162]), что «пассивные глагольные формы НСВ в общем обладают теми же аспектуальными свойствами, что и активные глагольные формы НСВ». Если включать в число аспектуальных свойств глагола различные допустимые при нем значения НЕСОВ, то это утверждение надо будет откорректировать: в форме СТРАД глагол сохраняет не все видовые значения, которые у него есть в форме действительного залога. В частности, синтетическая (возвратная) форма СТРАД сохраняет лишь следующие значения НЕСОВ: а) узуальное, ср. *Парадная дверь открывается привратником*; б) многократное, ср. *Рукопись перебелилась переписчиками несколько раз*; в) процессное, ср. *Дорога через перевал, которая прокладывается строителями в трудных условиях Заполярья, будет закончена только к сентябрю*; г) общефактическое двунаправленное, ср. *Ясно, что окно кем-то открывалось*.

Однако у формы СТРАД отсутствуют по крайней мере два свойственных центральной залоговой граммеме значения – потенциальное (*Этот тяжеловес поднимает пятьсот килограмм* ≈ ‘может поднять’) и значение непосредственно предшествующего действия (*Мама приглашает всех к столу* ≈ ‘уже пригласила’; см. о нем [Гловинская 2001: 191 и сл.]). Ср. невозможность **Пятьсот килограмм поднимается этим тяжеловесом*, **Все приглашаются мамой к столу*.

Может показаться, что оба правила опровергаются примерами типа *Парадная дверь открывается без труда*, *Все приглашаются к столу*. Однако в первой фразе форма НЕСОВ на самом деле имеет не потенциальное значение, а значение свойства, причем возвратный глагол представляет здесь самостоятельную лексему с медиальным значением. Превращение потенциального значения в значение свойства является закономерным следствием того, что первый семантический актанта глагола *открываться* выполняет роль пациенса, между тем как потенциальное значение требует, чтобы первый актанта выполнял роль агенса (см. [Гловинская 2001: 211]). Что до фразы *Все приглашаются к столу*, то она понимается скорее в перформативном смысле; ср., например, *Пассажиры приглашаются на посадку* и другие подобные формулы. Иными словами, идея предшествования извлекается здесь не из аспектуального значения формы НЕСОВ, а из общего значения перформативности, которое в русском языке совместимо с любой видовой формой глагола, в том числе формой СОВ; ср. *Попрошу ваши билеты*.

С большим трудом выражаются в синтетической форме СТРАД НЕСОВ еще два значения – актуально-длительное и настоящее предстоящее (запланированное будущее). Так, по меньшей мере сомнительны предложения типа *??Посмотри, дверь открывается привратником*, *??Завтра нашей группой сдаются экзамены по зарубежной литературе*. В конечном счете эти запреты, пусть не слишком сильные, объясняются тем, что оба значения связаны с представлением о цели; см. подробное объяснение в [Апресян 2005: 27 и сл.].

5. Типы правил в зависимости от механизма взаимодействия

По этому признаку правила делятся на три типа: а) правила согласования, б) правила семантической модификации и в) правила нетривиальной области действия.

5.1. Правила согласования

Правила семантического согласования всегда могут быть переформулированы в виде семантических условий реализации той или иной языковой единицы. В этом отношении они стоят особняком, представляя, в сущности, условия правильности определенной семантической структуры или подструктуры высказывания. Операцией такого правила является либо принятие данной семантической структуры в качестве правильной (если все

условия соблюдены), либо ее отклонение в качестве неправильной (если хотя бы одно условие не соблюдено).

Выше было рассмотрено несколько примеров таких правил. Ср. возможность актуально-длительного значения для акционального *узнавать* (у кого-л.) и его невозможность для неакционального *узнавать* (от кого-л.) или возможность актуально-длительного значения для *хотеть* в значении чистого желания, но не в значении намерения. Приведем еще один аналогичный пример.

Пример 13: Известно, что моментальные глаголы не сочетаются ни с какими процессными значениями НЕСОВ и, следовательно, не могут иметь обстоятельств со значением длительности. Можно сказать *Он подплывал к нам целую минуту*, но не **Он приплывал к нам целую минуту*. С другой стороны, у них хорошо развито двунаправленное общефактическое значение, в котором они обозначают либо один акт действия (*Он сегодня уже приходил*), либо несколько или много актов (*Летом он приходил к нам несколько раз на дню*).

Рассмотрим теперь фразу *Он приходил к нам два дня*. Она правильна (семантически согласована) при условии, что глагол употреблен в многократном общефактическом значении ('на протяжении отрезка времени, равного двум дням, несколько раз имело место событие его прихода к нам'), и неправильна (семантически рассогласована) при условии, что глагол обозначает всего один акт действия. В последнем случае навязывается понимание группы *два дня* как длительной: моментальное событие предлагается мыслить как длящееся во времени. Это и приводит к семантическому рассогласованию, т. е. аномалии.

5.2. Правила семантической модификации

Сюда относятся снятие, добавление или замена семантических компонентов, а также случаи ослабления, усиления и фразеологизации значений.

Пример 14: Интересный пример добавления семантического компонента в виде порождения новой семантической валентности дают глаголы с приставкой *до-* в ее основном значении 'доведения действия до его завершения', ср. *добежать, добросить, довести, доехать, дожить* и т. п. Они имеют ряд особенностей, которые ярче всего проявляются у глаголов перемещения. В форме СОВ ПРОШ такие глаголы имеют следующую схему толкования: *X добежал до Y-а* \approx 'X бежал по направлению к Y-у и в момент T_1 был на расстоянии P от Y-а [пресуппозиции]; в более поздний момент T_2 X находился в / на Y-е или рядом с Y-ом'.

Из приведенного толкования следует, что в утвердительном предложении глаголы перемещения с приставкой *до-* не имеют и по природе вещей не могут иметь семантической валентности 'расстояние до объекта Y': указание на расстояние до Y-а, на котором находился агенс в какой-то начальной, срединной или конечной фазе своего перемещения, входит лишь в пресуппозицию толкования, но не в его ассерцию.

Под отрицанием, в полном соответствии с ожиданиями, пресуппозиция остается неизменной, однако ассерция ощутимо меняется. Посмотрим на примеры типа *Он не добежал <не дошел> до дерева*. В них глагол легко присоединяет зависимую группу типа *пять шагов <пяти шагов>* (ср. *Он не добежал до дерева всего пять шагов*), обозначающую расстояние до объекта, которое он по той или иной причине не преодолел. Из них следует, что в отрицательных предложениях прототипическое словарное толкование *до-*глаголов претерпевает следующий системный сдвиг: *X не добежал P до Y-а* \approx 'X бежал по направлению к Y-у и в момент T_1 был на расстоянии P от Y-а; на расстоянии P от Y-а X остановился или изменил направление перемещения'. Иными словами, отрицание открывает в толковании таких глаголов новую семантическую валентность расстояния до объекта, которое X не преодолел.

Замечательно, что эта валентность открывается у них и в условиях имплицитного отрицания, например, в контексте глагола *оставаться* в значении ‘нет ничего другого, кроме Р’: *Остается только поставить подпись; Оставалось написать заключение; Все уроки были сделаны, остался только французский*. Если глагол рассматриваемого класса зависит от *оставаться* в указанном значении, он претерпевает тот же системный сдвиг: *Ему оставалось доплыть до берега десять метров, когда он услышал крик о помощи*.

5.3. Правила нетривиальной области действия

Поясним понятие области действия вообще и нетривиальной области действия в частности. Тривиальной областью действия лексемы А называется та лексема В данного высказывания, с которой А непосредственно связана и синтаксически, и семантически. Так, например, обстоит дело с отрицанием *не* и прилагательным *обязан* в высказывании *Вы не обязаны выполнять его приказы*: синтаксически *не* зависит от *обязан* (наличие нулевой связи в данном случае дела не меняет) и семантически воздействует на него же.

Нетривиальная область действия имеет место в тех случаях, когда это соотношение нарушено. Наиболее интересны следующие две ситуации:

а) Лексема А синтаксически связана с лексемой В, а семантически – с какой-то другой лексемой высказывания. Так, например, обстоит дело с отрицанием *не* и глаголом *следовать*, синонимичным прилагательному *обязан*, в высказываниях типа *Вам не следует выполнять его приказы* ≈ ‘Вам следует не выполнять его приказы’. Здесь *не* синтаксически зависит от *следовать*, а семантически воздействует на подчиненный ему инфинитив (ситуация так называемого смещенного отрицания).

б) лексема А синтаксически связана с лексемой В, а семантически – с каким-то смысловым компонентом в ее толковании, который не является вершиной толкования.

Пример 15: Проиллюстрируем этот последний тип взаимодействия на материале лексемы *ждать*²: *Х ждал², что Р* = ‘Человек Х считал, что в относительно близком будущем произойдет событие Р’. Здесь вершиной ассерции является компонент ‘считать’. Во фразах типа *Я ждал тебя завтра* наречие *завтра*, как было показано в [Богуславский 1996: 103], имеет «внутреннюю сферу действия». Оно не может связываться с вершинным компонентом толкования *ждать*² (ср. неправильность сочетания ‘считал завтра’) и присоединяется к «вложенному» компоненту ‘(прибытие) произойдет завтра’. Именно поэтому фраза с глаголом в форме ПРОШ в контексте наречия «будущего времени» не воспринимается как грамматически неправильная.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1980 – *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.

Апресян 2005 – *Апресян Ю.Д.* Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005, № 9. С. 7-45.

Богуславский 1985 – *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.

Богуславский 1996 – *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Гловинская 1982 – *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Гловинская 2001 – *Гловинская М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.

Зализняк 1992 – *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

Храковский 1991 – *Храковский В.С.* Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб. 1991. С. 141-180.

М.Я. Гловинская =====
(Москва)

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА В РУССКИХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ¹

Выражение «неконвенциональная» оценка в названии доклада следует понимать как такую оценку, которая не входит в лексическое значение тех единиц, которые тем не менее ее выражают. Я хочу продемонстрировать в докладе одно необычное явление в русском языке, а именно, возникновение оценочных смысловых компонентов, прагматически возникающих при использовании не оценочных РА-глаголов. Этот вопрос будет обсуждаться на материале «информационных» глаголов **заявлять** и **объявлять**.

Начну с рассмотрения нескольких примеров.

Пример из разговорной речи: *Слышишь, она **заявляет**, что в этот вечер не была в театре.*

В отличие от той же фразы с глаголом *сказать*, которую мы поймем скорее в чисто информативном смысле (*Слышишь, она **говорит**, что не была в театре*), фраза с **заявить** содержит если не указание, то во всяком случае намек на то, что говорящий (автор всего высказывания) в чем-то не одобряет субъекта речевого действия **заявлять**. Скорее всего, он сомневается в истинности слов субъекта (как говорили некоторые информанты, которым предъявлялась эта фраза, «она врет»). Во всяком случае, какие-то аспекты данного речевого акта ему неприятны. То же самое обнаруживается в другом примере:

*Когда о. Михаил Дударев пришел в редакцию «Восхода» с требованием опубликовать его ответ на клевету против РПАЦ, главный редактор Белявцева **заявила**, что «единственная законная церковь в России» – это Московская патриархия, ведь ее поддерживает президент Путин (Московские новости, 3-9 июня 2005, А. Солдатов).*

И здесь очевидно, что автор никак не разделяет мнения Белявцевой.

Аналогичные употребления встречаются и у глагола **объявлять**.

*В научной литературе мы нередко сталкиваемся не только со смещением имплицитного и фиктивного читателя, но и с полным отказом от такого разделения <...>. Ссылаясь на М. Тулана, Е. Падучева **объявляет**, что в таком дублировании нет необходимости (В. Шмид, Нарратология. М. 2003, с. 98).*

Употребление здесь этого глагола, в отличие от нейтрального *пишет*, также является сигналом как минимум несогласия автора со словами субъекта. И действительно, сам автор придерживается противоположной точки зрения. Тем самым здесь тоже имеет место отрицательная истинностная характеристика слов субъекта РА **объявлять**.

Между тем, в огромном большинстве случаев глаголы **заявлять** и **объявлять** оценочно совершенно нейтральны. Ср.:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», разд. 5.16, проект «Языковая и социокультурная специфика русских речевых актов».

Хозяин с вежливым достоинством осадил ее: если мадам не нравятся порядки отеля, он не смеет ее задерживать; и твердо **заявил**, что тело должно быть вывезено сегодня же на рассвете (И. Бунин, Господин из Сан-Франциско); Преподаватель словесности <...>, отдавая тетрадь Такаджиеву и лукаво постреливая глазками, **заявил** ему, что, несмотря на то, что сочинение написано прекрасно и что в сочинении имеется лишь одна незначительная ошибка – неправильно поставленная запятая, он, Семенов, принужден именно за эту-то ничтожную ошибку поставить Такаджиеву кол (М. Агеев, Роман с кокаином); Она **заявила**, что внешний облик человека свидетельствует как-никак о его внутреннем мире (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

В этот момент мягко, бархатом по бархату, прозвучал гонг и милейший голос **объявил**, что самолет Стокгольм – Симферополь заходит на посадку (В. Аксенов, Остров Крым); После этого он **объявил**, что будто бы только что родился, и изъявил желание пить чай с лимоном (М. Булгаков, Белая гвардия).

Очевидно, что в значение данных глаголов никак не входит указание на неистинность слов субъекта или на какое-то неодобрение со стороны говорящего. Откуда же возникает такое ощущение в первых примерах?

Чтобы ответить на этот вопрос, присмотримся ближе к значению этих глаголов в их типичных нейтральных употреблениях. Употребление этих глаголов пестро и разнообразно.

Эти глаголы сходны в том, что часто вводят сообщение, ориентированное на многих адресатов. Даже если реально субъект обращается к одному человеку, он преподносит свое сообщение так, как если бы оно предназначалось для более широкой аудитории. Можно **заявить** <**объявить**> о чем-то во всеуслышание <открыто>, но не ^{??} **заявить** <**объявить**> о чем-то по секрету <тайно>, в отличие, например, от других глаголов, обозначающих передачу информации; ср. нормальность *тайно сообщать* <*уведомить, известить, оповестить*>. Услышав, что в другом конце гостиной шла речь о Бобохове, Порфирий Павлович **объявил** тотчас же во всеуслышание, что знает как нельзя лучше этого Бобохова (Григорович, БАС).

Заявлять и **объявлять** часто вводят информацию о самом субъекте – о его намерениях, о неизвестных фактах из его жизни.

Примеры на сообщение о намерении: Он **заявил**, что будет управлять страной по законам своей бабки Екатерины (С. Сыров, Страницы истории); Он **заявил** о своем уходе из института – не вдаваясь в объяснения, не смущаясь всеобщим шумливым изумлением (А. Дмитриев, Закрытая книга); Левий, осмыслив сказанное, утих, но **заявил**, что он никуда не уйдет и желает участвовать в погребении (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); Но он **заявил**, что бы ты думал, Коля? Я, – говорит, – теперь за молекулы принимаюсь, а потом за атомы возьмусь (Ю. Алешковский, Кенгуру). В первом часу Марк Иванович **заявил** вам о своем желании ложиться спать (А. П. Чехов, Шведская спичка); Мою девушку зовут Марина – в честь Марины Мнишек, как **заявила** мне она еще тогда, при нашей первой встрече (А. Дмитриев, Закрытая книга).

Анна Васильевна внезапно **объявила**, что она послезавтра намерена ехать в Царицыно (Тургенев, МАС); Лара **объявила** Паше, что наотрез отказывается от него, потому что не любит (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Комиссия **объявила** Никанору Ивановичу, что рукописи покойного ею будут взяты для разборки (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Объединяет **заявлять** и **объявлять** также то, что с их помощью часто делается явным положение дел, которое прежде либо скрывалось, либо имеет такой характер, что могло бы скрываться. Ср. смело **заявить** о своем несогласии с решением руковод-

ства; Даниэль и [принцесса] Стефания открыто **объявили** о своей связи в интервью нескольким европейским журналам («Известия», 06.06.92).

Оба глагола часто предполагают субъекта, облеченного полномочиями, специальным статусом, чтобы *заявлять* и *объявлять*: *На вечернем заседании глава делегации вновь заявил <объявил>, что дальнейшие переговоры возможны только при условии вывода войск из зоны конфликта.* Поэтому слова такого субъекта звучат особенно веско.

Кроме того, существуют некоторые официальные ситуации (например, судебное заседание), где *заявлять что-то* (в отличие от *объявлять*), может любой участник, независимо от своего статуса. Например, *заявлять* нечто могут и судья, и прокурор, и адвокат, и подсудимый, и свидетели. *Объявлять* же что-либо в этой ситуации может только судья.

Важное различие между двумя глаголами состоит в том, что *объявить* тяготеет к обозначению объективных фактов, а *заявить* – к обозначению позиции субъекта. Ср.:

Как всегда в лагерях, в деревнях, в глухих поселках, презирая зрителей, не объявляли названия [кинофильмов] загодя (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); “Я еще одного артиста подобрала!” – объявила утром тетя Тося (В. Астафьев, Курица – не птица); Зал замер. “Восемнадцать тысяч долларов и кольцо в сорок тысяч золотом, – торжественно объявил артист, – хранил Сергей Герардович в городе Харькове в квартире своей любовницы” (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); Фагот, сладко ухмыляясь, объявил, что фирма совершенно бесплатно производит обмен старых дамских платьев и обуви на парижские модели и парижскую же обувь (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) –

*“Мой дом – моя крепость, – заявил он камердинеру, – захочу спать” (А. Битов, Преподаватель симметрии); Тогда он заявил Марье Степановне: “Если они не прекратят эти безобразия, Марья Степановна, я уеду за границу” (М. Булгаков, Роковые яйца); Представляет, мальчики, мама мне заявила: или в медицинский, или к станку (В. Аксенов, Звездный билет). Правда, в случае, когда РА имеет официальный характер, *заявить* в равной мере может относиться к фактам: *В полицию пришел бледный трепещущий человек и заявил, что его хозяина убили.**

В связи с этим высказывание *Министр объявил о создании в Москве нового экспериментального театра под руководством Анатолия Васильева* (Уппсальский корпус) мы поймем как сообщение о совершившемся факте, о том, что театр уже создан, а то же высказывание с глаголом *заявить* – как сообщение о намерении создать театр.

Кроме того, *объявлять*, в отличие от *заявлять*, отражает часто ситуацию, когда от субъекта ожидают его сообщения; ср. естественность *Наконец он объявил о своем решении* при странности *Наконец он заявил о своем решении*. Ср. также: *“Ну-с, приступим!” – объявил Иван Васильевич, и все глаза уставились на меня, отчего меня передернуло (М. Булгаков, Театральный роман).* При неожиданном, внезапном действии уместны оба глагола; ср. *Кот сидел насупившись во время этого опыта со стрельбой и вдруг объявил: “Берусь перекрыть рекорд с семеркой” (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).* Возможно и *вдруг заявил*.

Следует еще отметить, что оба эти РА выполняются особым тоном: поскольку они ориентированы на многих или как бы многих адресатов, они произносятся более отчетливо и громко, чем, например, просто *сказать*. Особый тон делает сообщение более веским.

Почему же говорящий выбирает именно эти глаголы для введения слов субъекта, с которыми он не согласен, и что же есть в этих глаголах такого, что

позволяет нам ощутить недовольство говорящего?

Рассмотренные выше особенности значения *заявлять* и *объявлять* создают впечатление некоторой дистанции между субъектом и адресатом РА. Это проявляется по-разному у этих глаголов и приводит к несколько разным эффектам при их оценочном употреблении.

У *заявить* главным оказывается его типичное использование для обозначения позиции субъекта. Позиция обычно занимает в противовес чьей-то другой позиции, которая может быть эксплицитно и не выражена, но этот глагол отражает какое-то противостояние сторон. Поэтому во втором примере было бы не вполне уместным, странным использование глагола *заявить* при таком продолжении этой фразы, которое снимало бы это противостояние: *Главный редактор заявила, что полностью с ним согласна и что ответ будет опубликован. В то же время сказала, что...* допустимо. Это могло бы означать, что прежняя публикация не отражает ее личной позиции, что это сделали без ее ведома и т.д.

В первом примере с *заявлять* неофициальный, домашний характер диалога сужает возможность употребления этого глагола. Он вводит здесь сообщение о факте, в то время как понимается в соответствии со своим типичным употреблением как сообщение о занятой субъектом позиции. Если говорящий представляет чьи-то слова не просто как информацию, а как занятую субъектом позицию, то он обычно имеет в виду и другую сторону. Поскольку этой другой стороной (адресатом) является здесь он сам, то естественно, что позиция субъекта противопоставлена его собственному представлению о ситуации, которое он считает истинным. Отсюда вытекает оценка слов субъекта как неистинных.

Что касается второго примера, то автор полностью на стороне о. Михаила, и *заявляет* указывает на то, что слова субъекта отражают противоположную позицию (действительно, абсурдную).

В обоих случаях оценка слов субъекта как неистинных является прагматическим следствием из этого противопоставления, отраженного в семантике глагола.

Приведу еще несколько примеров:

А мой внук заявил мне на прощание, что солидные профессии пусть приобретают мещане (В. Аксенов, Звездный билет); Как возможно, что интеллигентный академик Р. публично заявляет, что сталинские репрессии были оправданы, а невинные пострадали, поскольку "лес рубят – щепки летят"? (Новый мир, 1999, №1); Он, разумеется, экуменист, заявляет, что конфессиональные перегородки "до неба не доходят", а разницу между Православием и Католичеством видит в области не догматической, а этнографической (Михаил Ардов, Архив НГ).

Однако несовпадение позиций – недостаточное условие для возникновения данного прагматического эффекта. Необходимо личное эмоциональное безразличие говорящего (автора) либо его эмпатия к адресату. Ср. примеры, где неистинность слов субъекта РА очевидна для читателя, однако глагол *заявить* в данном случае не указывает на истинностную оценку этих слов говорящим вследствие “бесстрастной” передачи РА: *Набожная, а откровеннее сказать – суеверная Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); Как-то раз и я встретил человека, заявившего, что и вся Россия – не более чем мой комплекс (А. Битов, Ясность бессмертия [воспоминания непредставленного]).*

Говорящий может совпадать или быть солидарным не только с адресатом, как в вышеприведенных случаях, но и с субъектом. Проверим, возникает ли какой-нибудь прагматический шлейф в этом случае – когда фоном является позиция, не близкая

говорящему, а **заявлять** вводит слова субъекта, не противоречащие его мнению. Например: *Хулиганы угрожают новыми погромами на рынках; мэр заявил, что не допустит этого безобразия; Она решительно заявила, что цена эта неслыханная и чтобы больше зелененькой я бы не смел ему давать* (М. Агеев, Роман с кокаином). Можно было бы ожидать, что глагол будет здесь симметрично намекать на какое-то положительное отношение говорящего к словам субъекта, но этого нет: его употребление совершенно нейтрально.

Видимо, в данном случае проявляется известная асимметричность языка при выражении положительных и отрицательных оценок. Сообщение, в истинности, правильности которого говорящий не сомневается, воспринимается языком как норма и его истинность никак специально не маркируется.

Перейдем к глаголу **объявлять**.

Приведу еще пример, когда **объявлять** сигнализирует о неистинности слов субъекта: *В № 4 альманаха “Черновик” (1990) он, помнится, объявил, что наскальные рисунки – “это не рисунки”* (НМ, 9, 1998).

Для ввода научных тезисов обычно используются другие глаголы: *доказывает, показывает, демонстрирует, обосновывает, устанавливает* и под., указывающие на наличие ментальных или экспериментальных операций, которые подтверждают тезис, делают его убедительным или неопровержимым. Нейтральные *пишет* или *говорит* не исключают такого понимания (присутствия аргументов), особенно когда подчиненная пропозиция оформляется как валентность темы, а не содержания; ср. *В своей статье он пишет о том, что глагол “гарцевать” пришел в русский язык из венгерского через польский*.

В отличие от них глагол **объявить**, в соответствии со своим основным употреблением (сообщение о факте), предполагает только провозглашение тезиса, притом поданного именно как сообщение о факте. Поэтому применительно к научным тезисам **объявлять** вносит коннотации голословности, нескромности, безапелляционности, сближаясь с глаголами *вещать, изрекать*. Это усиливается упомянутыми выше употреблениями **объявлять** в ситуации, когда многие **ждут** информации (*По радио объявили о приземлении самолета*) и особым “внушительным” тоном данного РА, с помощью которого охватывается много адресатов (как если бы субъект воображал, что многие жадно ловят его слова). Употребляя этот глагол, говорящий в целом создает впечатление неистинности слов субъекта РА.

Поэтому применительно к бесспорно установленным и признанным научным законам и фактам этот глагол не применяется. Странно звучало бы *Пьер Кюри объявил, что магнитная восприимчивость зависит от температуры*.

Итак, были рассмотрены некоторые оценочные смысловые наращения у глаголов передачи информации **заявлять** и **объявлять**, возникающие при определенных языковых и прагматических условиях.

Это лексические факторы (именно данные глаголы), семантические (наращения опираются на определенные компоненты значения), текстовые условия (определенное содержание подчиненной пропозиции для **объявлять** – такой тезис, который необходимо доказывать, обосновывать, а не просто объявлять), наконец, прагматические факторы (небезразличное отношение говорящего к данному РА, ситуация общения – когда по статусу говорящего или речевому жанру говорящему не требуется делать заявления и объявления и др.).

Таким образом, сомнение в истинности чужих слов в данном случае выражается совокупностью многих факторов, за исключением грамматических.

В других языках, как известно, для выражения дистанцированности от чужих слов используются и морфологические средства.

Например, в немецком языке при не прямой передаче чужой речи (т.н. косвенная речь) в придаточном предложении употребляется конъюнктив. Правда, существуют разные точки зрения на то, какое значение имеет в данном случае сослагательное наклонение. Так, в одной из немецких грамматик [E. Hentschel, H. Weydt. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York 1990. S.108] говорится: «Конъюнктив в не прямой речи, по мнению некоторых авторов, должен быть употреблен в разговорной речи тогда, когда говорящий отчетливо дистанцируется от приводимого высказывания:

Er hat gesagt, daß er die Grippe hätte.

Sie hat behauptet, daß sie euch gestern begegnet sei.

В противоположность этому Helbig / Buscha указывают, что связь между дистанцированностью от последующего высказывания и употреблением конъюнктива недоказуема».

Что касается пересказывательного наклонения в болгарском языке, то, насколько я могу судить, правила его употребления и смысловой интерпретации тоже достаточно сложны, и я надеюсь, что при обсуждении доклада болгарские коллеги выскажутся о том, когда идея «чужого голоса» выражается в обязательном порядке, а когда – нет, и в каких случаях семантический объем данной морфологической формы исчерпывается указанием на авторство другого, а при каких условиях возникают модальные нарушения (недоверие, сомнение, дистанция).

Е.Ю. Иванова =====
(Санкт-Петербург)

ПРЕДМЕТНЫЕ ИМЕНА КАК ЗНАКИ СИТУАЦИЙ

1. О событийном прочтении предметных существительных говорят в тех случаях, когда они способны без внешней поддержки глагола служить знаком целой ситуации: *Она пришла несмотря на горло; Он всегда читает газеты за кофе; Я опоздал из-за Кати; Ты уже знаешь про Андрея?* В трактовке семантического синтаксиса данные употребления рассматриваются как конструкции с имплицированным предикатом [Арутюнова 1976: 122-124], при этом замена событийных имен предметными может быть связана с различными семантическими процессами.

1.1. Импликация предиката бывает обусловлена взаимопроникновением семантических компонентов глагола и его объекта [Арутюнова 1976: 125-130; Гак 1992: 80 и др.]. Так, многие предикаты физического действия, требующие предметных дополнений, находятся в устойчивой семантической связи с объектом: *готовить* (что-н. из еды), *пахать* (землю), *есть* (какую-н. пищу), *читать* (книгу, газеты), *стирать* (одежду, белье). Под действием процессов смыслового стяжения или включения глаголы могут поглощать семантически однотипное дополнение [Акимова 1990: 26]: *Она хорошо готовит; Ты ел?; Опять стирать!*

Наличие итеративных сем в глаголе и дополнении создает также возможность опущения глагольного компонента с выдвижением объекта как единственного маркера ситуации: *Прошло у вас горло?; Телефон слышал?; Ну что, может быть, мороженое?*¹ Такие случаи в традиционной лексикологии рассматриваются как один из видов метонимических переносов, но такой, в результате которого не происходит формирования самостоятельного значения. По мнению Д.Н.Шмелева [1977: 101], речь можно вести лишь об «общей возможности аналогичного метонимического применения» для определенных семантических групп слов.

1.2. Иным способом формируется событийное значение предметных имен, когда они занимают позиции, типичные для событийной лексики, например позицию объекта после глаголов пропозициональной установки: *Он уже знает о сыне?; Мне уже рассказали об Андрее.* В лингвистической литературе давно замечен и хорошо описан возникающий при этом семантический эллипсис и трансформации смысла, которые получаются при замене предметных имен событийными (см. обзор работ и выводы в [Арутюнова 1976: 122-167]). Отмечено также, что имена предметов в такой позиции оказываются информативно менее определенными, чем слова пропозитивной семантики, ср. *Он уже знает о сыне? – Он уже знает об увольнении / назначении / отъезде / болезни сына?*

Конкретная лексика может появиться и в синтаксических позициях, связанных с выражением темпоральных и разного рода логических отношений, где также необходимо участие только пропозитивных смыслов. Отметим лишь самые употребительные построения.

Наиболее часто предметные имена занимают позиции с причинным значением (на уровне синтаксиса или предложений), напр.: *Я всю ночь не спала из-за соседей; Я*

всю ночь не спала: опять соседи! Легкость «восстановления» имплицированного предиката зависит от наличия/отсутствия устойчивых смысловых связей данного объекта с той или иной жизненной ситуацией, ср. нарастание многозначности: *Я долго не могла заснуть из-за кофе. – Я долго не могла заснуть из-за соседей. – Я долго не могла заснуть из-за Наташи.*

В рамках отношений обусловленности хорошо известны предметные замены пропозиций в придаточных нереального условия с *если бы не*: *Если б не ты, я бы пропал; Если бы не Катя, все было б хорошо.* Именно действия объекта, названного в придаточной части, приводят к неосуществленности ситуации, обозначенной в главной части.

При выражении темпоральных отношений конкретная лексика прочитывается событийно после временных предлогов (*После ношты боль утихла*), а также в первой части сложносочиненных предложений со значением быстрой смены действий: *Чай с малиной – и в кровать; Утром душ, бутерброд – и на работу; Безупречная чебуречная... и – вперед!* (В.Попов); *Холодная тряпка на голову да кисленькое питье – и все обошлось* (Б.Екимов).

2. Конкретная лексика может претендовать на замещение событийных существительных даже в позиции **номинативного** (в современной трактовке – безглагольного бытийного) предложения. Напомним, что в номинативных предложениях могут употребляться имена разной природы: и событийные (*Щелчок; Удар; Смех; Шаги*), и предметные. Типичная роль последних – обозначение объектов бытия (точнее, объектов, находящихся в пространстве, которое задано сдвинутым в предтекст локализатором [Иванова 2003: 46-82]): *Она выдвинула ящик. Тетради, чертежи, заметки* (И.Грекова); *Я поднимаю сумку, заглядываю внутрь. Осколки бутылок, вода, во всем этом плавает хлеб и пачки масла* (В.Токарева). Опускание предиката наличия в бытийных предложениях не меняет предметного значения существительного. Далее будут рассмотрены другие случаи – когда предметные имена выступают знаками иной, не бытийной ситуации.

В каких условиях конкретная лексика может выступить эквивалентом события в позиции номинативного предложения? Насколько важна здесь однозначность имплицированного предиката? Каков тот особый контекст, который может «активировать» событийную трактовку и сориентировать воспринимающего на событийное прочтение?

2.1. Прежде чем обратиться к анализу контекстных условий, способных «поддержать» событийность предметных имен в столь шаткой для них синтаксической позиции, перечислим основные группы предметной лексики, выступающей эквивалентом событийных существительных в позиции номинативного предложения.

2.1.1. Среди **нарицательных** предметных имен преобладают те, для которых характерно регулярное метонимическое применение (п.1.1). Благодаря предсказуемости «поглощенного» предиката «информативный голод» [Арутюнова 1976:123] при их событийном употреблении наименее ошутим.

Легко вычитываются имплицитные предикаты при названиях одежды: *Пиджачок... теперь беретка... Он готов!* (В.Маканин); *«Батарея, подъем!» Все происходит мгновенно: кальсоны, галифе, ботинки...* (Б.Окуджава).

Регулярное пропозитивное употребление характерно для названий пищи, напитков, лекарств, предполагающих предикат потребления: *Началось с симпатичной французенки Коллет. Той понадобилось починить мебель. Ира... привела меня. Кофе, печенье, светский разговор...* (А.Каштанов); *Джуреки из желудей, пареная свекла, пустые щи, тыква... И работа, работа, работа... Вот и вся жизнь* (Б.Екимов); *Наш день в Варне обычно протекал так: пиво, ракия, ракия, мастика, ракия, коньяк. А*

утром – **изумительная болгарская простокваша “кисело мляко”**, и день вновь сиял и обещал много приятного (газ.).

Событийно прочитываются названия транспортных средств как маркеры передвижения, осуществляемого с их помощью: *Вот самолет трахнул, затрясся, покатился... **Троллейбус**. И вдруг уже все другое...* (В.Попов); *От Города до центральной усадьбы еще Бог знает сколько добираться – опять **автобус**, а там уже неизвестно на чем* (И.Кочергин).

Метонимически употребляются названия материальных результатов ментальной деятельности человека (*роман, книга, труд* и пр.), имплицитно предикаты «публиковать», «писать» и под.: *Зарядка, прогулка и – **научные труды!** Я бы так жил, если было б возможно* (В.Попов).

Названия некоторых органов человеческого тела часто используются для обозначения болезней, с ними связанных: *...уши иногда закладывало и слышал гораздо хуже – последствия контузии. Суставы болели – ходить трудно. Камни в почках. **Желчный пузырь**. Но сердце ничего, крепкое* (Е.Шкловский); – *Что с ним? – **Сердце***. Без семантически соотносительного предиката могут обходиться названия некоторых частей тела: (*поднять*) *бровь*, (*коснуться, толкнуть*) *рукой/локтем*, напр.: *У меня есть все основания думать, что ни вы, ни я не пожалеем... Улыбка, **бровь**. – Вы даже не знаете, как меня звать* (В.Набоков); *Сзади – чья-то **рука**. Я обернулся: отец*.

Значения звуковых эффектов могут принимать на себя некоторые предметные имена, которые являются источником звука: *телефон, радио, телевизор, пишущая машинка* (редко – имена лиц, как *машинистка* в следующем примере): *Шаги, голоса. Открывается дверь какого-то кабинета. Вновь все оживает. **Телефон. Машинистка**. Наверное, уже отпечатывает приказ о нем* (О.Ермаков).

В целом можно утверждать, что регулярно употребляются в пропозитивном значении имена тех предметов, которые включены в обыденный, ежедневный ритуал жизни человека. Это две основные группы объектов:

а) те, за которыми закреплено определенное, типичное функциональное предназначение, напр.: *Была дисциплина, но было весело. **Кино, баня, патефон*** (А.Найман); *Первую половину дня у ХаВээСа... съедал дрейф по этажам с возбуждением разговоров на тему: а чего бы такое сделать? Затем обед, обход подведомственных помещений, **чай-кофе, шахматы, свежие газеты**, поход в дирекцию* (В.Ларин); *Температура, головная боль, **носовые платки**. С начала октября в районные поликлиники ежедневно обращаются по 4000 человек* (газ.);

б) те, которые требуют от людей регулярного внимания и заботы: *У меня три младших брата, надо за ними следить, воду носить (а она никуда ведь не вытекает – сколько ведер принес, столько и вынести придется, уже в виде помоев). Ну и **корова, сенокос, дрова**...* (Н.Горланова); *Словом, все пункты надо выполнять и новые туда просят всякий день. А еще, каждодневное: **скотина, птица, огород, картофельник, плодовый сад** – хуторская жизнь, в которой день начинается на белой заре* (Б.Екимов), ср. и в разговорной речи, напр. о домашних заботах учительницы: *Каждый день одно и то же: **посуда, грязное белье, ребенок и тетрадки, тетрадки, тетрадки**...*

В иных случаях существительное может обозначить событие через предмет, который стоит в центре этого события и с которым ассоциируется конкретная (пусть не всегда отчетливо восстанавливаемая) прошедшая или повторяющаяся ситуация: *Какой-то там случай был с ней во время блокады. Кстати, связанный с Соней. **Какой-то стакан, какие-то письма**, какая-то шутка* (Т.Толстая); *Отечественные колонки рассчитаны на один режим: холодная или горячая. Нинон это знает. Но для здоровья и удобства ей нужно смешать воду, и значит, все остальное не идет в расчет: **хозяйка**,*

ремонт колонки, деньги водопроводчику (В.Токарева). Такие предметные имена не связаны однозначно с каким-л. предикатом и допускают варианты толкования.

Совершенно особое место среди предметных имен занимают существительные потенциально признакового значения [Арутюнова 1976: 144]: *солнце, снег, дождь, пот, грязь, слезы*. Выступая как номинативные предложения, они чаще обозначают не предметы, а ситуации: *Был теплый апрельский день. Солнце. Весна. Мы сидели с Верой на Тверском бульваре, на скамейке* (Г.Бакланов); *И прикрыла глаза: – Какие вы все хорошие... И слезинки, слезинки сквозь сомкнутые веки...* (Г.Новожилов), ср. предметное, «вещественное» прочтение при пространственном детерминанте: *На глазах слезы; Над головой – солнце*. По-видимому, это единственная группа предметных имен, способная употребляться событийно вне поддержки контекста.

2.1.2. **Имена собственные** способны служить маркером целой ситуации в том случае, если они связаны с устойчивым комплексом ассоциаций. Здесь наиболее употребительны названия географических объектов, где происходили или происходят общеизвестные события: *Ни для кого не секрет, что по ряду причин последние полтора-два года между нашими странами наблюдается значительное охлаждение. Прежде всего это связано с финансовым крахом в августе 1998 года... Ну и, наконец, Чечня* (газ.). Но событийные коннотации могут получать и имена объектов и лиц, известных лишь узкому кругу: – *Вы опять опоздали! – Ты же знаешь – Катя!* Подобные употребления оказываются вполне информативны для тех, кто располагает «мысленным досье» [Булыгина, Шмелев 1997: 505] данного лица. В художественных текстах имена собственные как знаки ситуаций обычно используются при имитации свернутой внутренней речи (речи «для себя»): *Потом будет настоящее утро, за окнами поезда – чистенькие автозаправочные площадки, пестрые домики, аккуратные газончики. Затем – жизнь. И в ней – слабое, хрупкое воспоминание. Чуть грустное, небольшое: Иван* (И.Кудесова).

Важно отметить, что смысловая достаточность предметного имени как знака ситуации не определяет сама по себе возможности его событийного использования. Она лишь с большей или меньшей однозначностью подсказывает, какой предикат или какое событие скрывается за конкретным существительным. Конечно, степень «предсказуемости» предиката выше у метонимически употребленных предметных имен, ниже – у тех, которые не имеют устойчивых коннотаций. Но и для тех, и для других оказывается необходима внешняя событийная поддержка.

2.2. Итак, для того чтобы предметное имя в позиции номинативного предложения получило событийное прочтение, нужен **особый контекст**. Проанализируем, в каких условиях допускается замена событийных имен предметными.

2.2.1. Легче всего предметное имя приобретает событийные коннотации, когда включается в **событийную цепочку**.

2.2.1.1. Если это цепочка предметных имен, то ее событийный смысл задается в предшествующем предложении через некоторый **общий динамический компонент** (далее подчеркнут): *Мы, конечно, кутили. Петушки на палочках, воздушная кукуруза, сахарная вата, карусель, катер до Зеленого острова... и обратно* (И.Полянская); *Чайник вскипел. Заварю покрепче. Несложная пьеска на чайном ксилофоне: крышечка, крышечка, ложечка, крышечка, тряпочка, крышечка, тряпочка, тряпочка, ложечка, ручка, ручка* (Т.Толстая). При этом в цепочке уже оказываются не важны семантические роли, выполняемые данными актантами в развернутой пропозиции; предмет выдвигается в центр события, имплицитно все возможные действия, с ним связанные.

2.2.1.2. Событийность предметного имени может быть обеспечена и его **рядоположенностью с именами действия или глагольными сказуемыми** (далее подчеркнуты): *Шум, споры, гитара, песни* (И.Грекова); *Детвора тоже при деле. Или в счастливых заботах на речке, в лесистом займище: рыбалка, купанье, грибы да ягоды* (Б.Екимов); *Диван, стакан, лимон... одиннадцать минут любви, можно сверять по часам, – и чувство полнейшей защищенности, когда устраиваешь голову на обросшей кудлатой шерстью широкой груди...* (Л.Улицкая); *Диагноз. Аптека. Больница. Профессор. Операция. Или просто лечение. Как финансово справляться со всем этим желанием жить?* (газ.); *Выкопали ямищу, туда не заглянешь. И повезли. Днем и ночью машины рычат. Все гырочет. Проектора* (Б.Екимов).

2.2.1.3. Отметим, однако, особые типы контекстов, при которых, несмотря на наличие событийного окружения, предметная цепочка не преобразуется полностью в событийную.

Во-первых, это контекст, предполагающий перцептивную ситуацию, в том числе квазиперцептивную – сон, бред, воспоминания, воображаемые образы. В типичном случае перцептивная ситуация предполагает, что перечисляемые в номинативном предложении предметы являются объектами восприятия говорящего, иначе говоря, локализуются в его пространстве восприятия [Иванова 2004]: *Положил весло, оглянулся. Мост. Охранник в оранжевой куртке* (О.Ермаков); *Я выхожу за ворота. Нарядный снег. Тихие избы* (В.Токарева). Но если такая цепочка помещается в событийное окружение, происходит контаминация событийных и предметно-статичных смыслов: событийный контекст задает динамический семантический компонент, а перцептивный контекст задерживает осмысление предметного имени на уровне «зрительной картинки»: *Почти ежевечерно... он бывал в доме у Драйера... Всегда было то же самое: жужжание калитки, фонарь, освещающий тропу, сырое дыхание газона, хруст гравия, звонок, улетающий в дом в погоню за горничной, белый свет, спокойное, лошадиное лицо Фриды, – и вдруг – жизнь, нежный гром музыки из трубы радио...* (В.Набоков). Подобное использование предметных маркеров особенно удобно для достижения эффекта «мелькания кадров» («калейдоскопичности» цепочки) или изображения спутанности сознания: *В голове у нее и вправду мешалось: какой-то грохот стоял, стройки ли, разоренья, Виктор, черная «Волга» с милицией, красавец дом, пустая земля...* (Б.Екимов).

Во-вторых, сохранение предметного значения существительных в событийной цепочке бывает связано с известным правилом семантической организации номинативных рядов, которое заключается в смене пространственных координат событийными. Поэтому внутри цепочки происходит распределение семантических ролей: начальные элементы берут на себя функцию локализатора для последующих событий. Таким образом, первые субстантивы прочитываются предметно (как обозначение пространства), в то время как последующие обозначают события, происходящие в этом пространстве. Если в эту событийную цепочку попадают и предметные имена, они организуются соответствующим образом, ср. экспозиционность (локативность) выделенных номинативов при событийном прочтении последующих элементов цепочки: *Рванный текст Маркин склеивал так и эдак и наконец вспомнил: ноябрь прошлого года, Ленинград, гостиница «Европейская», последний день отпуска, знакомство в ресторане с забубенным штурманом, коньяк, заказанный в номер и принесенный смазливой горничной, длинная пьяная ночь, стихи, стреляющие в уши пробкою из шампанского...* (А.Азольский).

С другой стороны, локативная функция, которую принимает на себя первый номинатив, может сама провоцировать событийное прочтение следующих за них

предметных имен: *Пляж, девочки, загар, аптека* (заголовок газетной статьи о вреде длительного пребывания на пляже).

2.2.2. Событийность предметного имени может быть задана **непредметностью его текстового кореферента**. Это происходит в случае, если предметному субстантиву предшествует конструкция с рематизатором (интродуктивом), предполагающим событийное продолжение: *Был у него и еще один талант, правда, прямого отношения к карьере уже не имеющий. Женщины!* (В.Попов); *Но тогда у меня была другая цель. Фаля* (Г.Щербакова). Вне широкого контекста конструкция допускает разные толкования (*увлекался женщинами? нравился женщинам?; добиться расположения Фали? заботиться о Фале?*), а потому чаще всего далее толкуется в развернутой предикативной конструкции: *Увешанный датчиками и мечущимися туда-сюда микротоками, я был озабочен, пожалуй, только одним: Аня... Она не может оставить меня здесь одного* (В.Маканин); *Единственный гвоздь стоял в сердце: Аля. Когда Ирина ела на обед малосольную норвежскую семгу, невольно думала о том, что ест сейчас Аля... Когда ложилась спать на широкую удобную кровать в комнате с раскрытым окном, невольно думалось: на чем спит Аля? И главное – где? Должно быть, на раскладушке в коридоре* (В.Токарева).²

2.2.3. Динамическое прочтение предметных имен поддерживается **пропозитивными определителями**: *Я знал, сегодня все, собираясь на сабантуй, сгорали от любопытства: что за жену выбрал себе капитан? Верили, не ошибусь и тут. И вот опущенные глаза, сочувствие* (В.Тендряков).

2.2.4. Событийную семантику проявляют в предметном имени **временные детерминанты**: *Одиннадцать... Теперь чай, лепешка... благодать* (А.Волос); *Вот в какую преисподнюю может занести прилично человека. Еще недавно – умные книги, утонченная музыка, а сейчас... Все потому, что прописанные врачом таблетки я съел в огромном количестве (газ.); Сначала письмо, полученное на днях “Экспертизой” (газ.); *Я получу в конторе зарплату, буду три дня ждать машину обратно до Аирташа. Потом снова автобус до Города* (И.Кочергин).*

Следует отметить, однако, что событийные коннотации предметного имени регулярно возникают лишь при временных детерминантах, указывающих на расположение действий на временной оси: *потом, сразу, недавно*, как в примерах выше. Если же предметное имя сопровождается временным детерминантом с экспериенциальной составляющей, возможно не только событийное употребление субстантива. Так, наречие *опять*, способно, сохраняя предметное значение существительного, вводить в номинативное предложение фигуру наблюдающего субъекта – скрытого участника бытийной ситуации, напр. в следующих предложениях *опять* указывает на повторение перцептивной ситуации: *Затем четыре года еще в одной шараге «оборонного комплекса»... Господи, во имя чего? **Опять** небритая вохра, с сонно-подозрительными взглядами, решетки на окнах КБ, колючая проволока поверх забора* (В.Ларин); *За окном стороной прошумела ранняя машина ... И **опять** напористая машина как дальний буревой порыв ветра* (В.Тендряков), см. о подобном эффекте, например, в [Золотова 1971: 88]. Значение неожиданности появления объекта в поле зрения наблюдателя вносят наречие *вдруг* и некоторые его синонимы [Падучева 1996: 263, 281]: ***Вдруг** тучка* (Г.Новожилов); ***Вот сейчас** откуда-нибудь – остро-насмешливый угол поднятых к вискам бровей, и темные окна глаз...* (Е.Замятин).

При этом *вдруг* и *опять* различаются по своей способности активировать событийное прочтение предметного имени: наречие *вдруг* не вызывает трансформации конкретной лексики в событийную, в то время как *опять* способно работать в обеих функциях, а именно: указывать либо на повторение события, либо на повторение перцептивной ситуации. Таким образом, предложение ***Опять аптека*** может быть

прочитано двояко: (1) *Опять грипп, опять аптека*, т.е. «*опять поход в аптеку / опять идти в аптеку*», где *аптека* применена событийно, и (2) *Повернули за угол. Опять аптека*, где *аптека* имеет предметное значение, обозначая объект в поле зрения воспринимающего. Впрочем, поэтический текст предлагает и другие, более тонкие толкования. Вспомним отклик Анны Ахматовой на блоковскую строчку *Ночь, улица, фонарь, аптека, Бессмысленный и тусклый свет...* (А.Блок): *Он прав – опять фонарь, аптека, Нева, безмолвие, гранит...* (А.Ахматова). Здесь несколько иная семантика *опять* («все так же», «неизменно») создает переливы перцептивных и событийных смыслов в номинативной цепочке.

Таким образом, имена существительные с предметным значением могут замещать событийные существительные и соотносительные с ними глагольные конструкции даже в позиции самостоятельного предложения, но при этом они нуждаются в значительной поддержке контекста. Событийное прочтение предметных имен в номинативных предложениях «активируется» сочетанием с некоторыми временными детерминантами и пропозитивными определителями, а также включением в событийные цепочки или соотносительностью с непредметным текстовым кореферентом.³ Существуют, однако, типы контекстов, блокирующие событийную трактовку конкретной лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср. примеры незавершенности процесса стяжения с сохранением закрепленной при предикате грамматической формы существительного: *Ну что, кофейку – и за работу!*; *Я вернулся в отель. Сейчас – кипятильничек, чайку!* (В.Петров).

2. Специфическая интонация номинативного сегмента и наличие последующего местоименного коррелята сближает такие конструкции с именительным представлением, который вообще не имеет предикативного статуса: *Аля... Как часто я вспоминаю ее!*

3. В данной статье рассматривались только безглагольные предложения. Заметим, что при наличии бытийного глагола основным условием для (возможного) событийного прочтения предметного имени является отсутствие пространственного локализатора: *Затем **был стол, водка, после танцы*** (П.Алешковский); *Он один знал в этом доме, что **были площадь и картель** – чуть не с тридцати шагов* (Б.Голлер). Подобные предложения, помимо событийного, могут иметь и локативный смысл, сообщая о месте, в котором разворачиваются события, см. наблюдения в [Арутюнова 1976: 78]: *Однако Соколов настаивал на своем заказе. И его пришлось выполнить. **Была каюта Ника. Ничего не подозревающая Юлия. И взгляд старика*** (В.Токарева); *Почти через двадцать лет **опять была пустая квартира в начале июня** и гулкий звонок в ней* (В.Ларин).

ЛИТЕРАТУРА

Акимова 1990 – *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Гак 1992 – *Гак В.Г.* Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Золотова 1971 – *Золотова Г.А.* О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова / Отв. ред. В.Г.Костомаров. М., 1971.

Иванова 2003 – *Иванова Е.Ю.* Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации. СПб., 2003.

Иванова 2004 – *Иванова Е.Ю.* О перцептивности номинативных предложений // Вопросы языкознания. 2004, № 1.

Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Шмелев 1977 – *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Силвия Петкова =====

ОБРАЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА

Речевые действия коммуникантов могут быть направлены как на объекты внеязыковой действительности, так и на разные элементы/стороны самой речевой коммуникации. К последним, наряду с особенностями речевого кода, организацией его единиц и коммуникативными установками говорящего, следует отнести и адресата речи.

Специфика фактора адресата состоит в том, что для говорящего адресат является одновременно и элементом коммуникативной ситуации (коммуникативным партнером), и элементом внеязыковой действительности (человеческим индивидуумом). Следовательно, реализуя речевой акт обращения к собеседнику посредством его номинации, субъект речи сообщает информацию, в которой переплетаются семантические и прагматические компоненты. При этом следует подчеркнуть, что в выборе формы обращения (вокатива), подходящей для конкретной коммуникативной ситуации, прагматика доминирует над семантикой.

Как известно, учет прагматических факторов предполагает ссылку на релевантные аспекты ситуативного контекста, такие как:

а) аспекты, характеризующие участников коммуникации с точки зрения их:

- коммуникативных установок;
- межличностных отношений;
- социального статуса;

б) условия, в которых протекает коммуникация:

- тип обстановки: официальная / неофициальная, институциональная / неинституциональная;
- канал коммуникации: наличие / отсутствие визуального контакта, контактное / дистантное расположение коммуникантов.

Акт номинации адресата посредством обращения не указывает на его индивидуальные характеристики, а маркирует тип отношений, на основе которых, по мнению говорящего, должно строиться речевое взаимодействие. Необходимый тип коммуникативных отношений, называемых еще “коммуникативным коридором” [Андоньева 2004], определяется говорящим в результате учета вышеназванных прагматических параметров. Заявляя при помощи обращения о своем желании использовать тот или иной тип “коммуникативного коридора”, адресант призывает адресата к совместному осуществлению речевой интеракции на базе уже выработанного и утвердившегося в данном лингвокультурном социуме сценария.

Обращение является важным средством речевого воздействия на собеседника. Поскольку использование той или иной формы адресации мотивировано намерениями говорящего относительно сценария диалогического взаимодействия, то его можно рассматривать как “иллокутивное вынуждение” [Баранов, Крейдлин 1992] адресата построить свое коммуникативное поведение согласно заданному сценарию. По сути,

сам факт обращенности речи к какому-либо индивидууму следует рассматривать как форму воздействия на него, поскольку предполагается ответная реакция с его стороны.

Тактика речевого поведения, маркированная говорящим посредством обращения, реализуется успешно только в том случае, если адресат выбирает стратегию содействия. В стратегическом плане диалог можно уподобить игре, в которую участники вступают с разных позиций, и в ходе этой игры возможно как поддержание баланса, так и его нарушение [ср. Федорова 2005]. Динамика речевого взаимодействия, в частности, смена тактических приемов, осуществляющих намеченную речевую стратегию, обуславливает варьирование средств адресации собеседника в рамках диалогического единства.

Итак, если рассматривать текст диалога как двухуровневое образование, состоящее из собственно речевого уровня, направленного на отражение внеязыковой действительности, и метаречевого (метатекстового [А. Вежбица 1978]) уровня, касающегося самого процесса речи, то обращения необходимо отнести ко второму уровню. Они обслуживают метакоммуникативный пласт метаречи, выступая в роли регуляторов вербальной интеракции.

Формы обращения не только выражают призыв к адресату и маркируют выбранный тип “коммуникативного коридора”, но и содержат информацию о самом говорящем как языковой личности. Следовательно, анализ этих единиц речи выявляет и некоторые специфические черты коммуникативного поведения представителей различных социальных групп в рамках конкретного лингвокультурного социума.

Как известно, вокативные единицы весьма неоднородны по своему лексическому составу. В формальном плане разграничиваются два больших разряда – антропонимические и неантропонимические обращения – в зависимости от принадлежности вокативной лексики к именам собственным или нарицательным.

Существенный признак неантропонимических вокативов – их релятивность. Они не являются постоянно присущими определенному субъекту, выступающему в роли адресата, а варьируются в зависимости от динамических аспектов ситуативного контекста. Именно это обстоятельство делает их столь интересными с точки зрения лингвистической прагматики.

В рамках анализа неантропонимических обращений важным представляется вопрос о способности того или иного нарицательного имени выступать в функции обращения.

Объектом данного исследования являются обращения, используемые в общении между лицами мужского пола, носителями русского языка. В частности, наше внимание привлекли особенности употребления вокативных единиц, семантически мотивированных номинациями человека по таким тривиальным признакам, как:

1. возрастно-гендерная характеристика: *мужик, ребята, старик* и др.;
2. вид межличностных отношений:
 - 2.1. родственные: *брат, братец, братан, сынок, папаша, дед* и др.;
 - 2.2. дружеские: *друг, дружок, приятель* и др.

В лексикографических источниках не всегда можно найти указания на то, что данные лексемы употребляются в речи в качестве средств адресации. Анализ соответствующих словарных статей в двух из наиболее авторитетных современных толковых словарей – Большом толковом словаре русского языка под редакцией Кузнецова (БТС) и Словаре Ефремовой (СЕ) – обнаруживает непоследовательность в отражении информации данного типа. Она может быть эксплицирована либо в виде отдельного значения (например, *дружок* 2. Ласковое обращение (к лицу мужского или женского пола) [БТС]), либо в качестве оттенка значения (например, *ребята* 2. Группа лиц мужского пола // Употребляется как обращение к группе лиц мужского пола [СЕ]).

В некоторых случаях в толковании значения не содержится информация об употреблении данной лексемы как обращения, но внимательно читающий пользователь словаря может извлечь ее из иллюстративных примеров (например, в БТС к значению *ребята* 2. Разг. Молодые люди, парни приводится несколько примеров, среди которых фигурирует и пример с обращением: *Ребята, вперед!*). В других случаях, однако, информация о функционировании лексемы в качестве обращения полностью отсутствует.

Так, если судить по данным БТС, можно прийти к заключению, что слово *мужик* (которое имеет значение 2. Разг.-сниж. О любом мужчине), в отличие от своего семантического коррелята *баба* (также относящегося к разговорно-сниженной лексике и противопоставленного ему лишь по гендерному признаку), не способно выступать как средство адресации. В толкованиях обоих слов нет указаний на их употребление в функции обращения, но среди иллюстративных примеров к слову *баба* фигурирует: *Шабаш, бабы! Кончай работу!*, в то время как нигде в словарной статье слова *мужик* не приводится иллюстративный материал, свидетельствующий о его принадлежности к классу вокативных единиц.

Между тем, анализ собранного нами языкового материала рисует совершенно иную картину. В результате поиска по корпусу русских анекдотов нами не было обнаружено ни одного случая употребления формы *бабы* в функции обращения, в то время как было установлено широкое употребление формы *мужики* в качестве средства адресации по отношению к группе мужчин – знакомых либо незнакомых. При этом речевой регистр характеризуется сниженностью.

Адресатами, обозначенными данным обращением, часто являются мужчины, с которыми говорящего связывает дружба (*Важнейший вопрос в кругу друзей: Мужики! Ну что, пить будем или вечер безвозвратно пропал?*) или принадлежность к общему профессиональному микросоциуму (*Начальник пожарной охраны вразвалочку, руки в карманах, заходит в комнату, где в ожидании вызова сидит бригада, и спокойно так говорит: "Мужики, давайте, собирайтесь потихоньку! Здание налоговой инспекции горит"*). Посредством использования этого вокатива говорящий подчеркивает непринужденный / неофициальный характер речевого действия, направленного на коммуникативных партнеров.

В определенных ситуативных контекстах при употреблении вокатива *мужики* для адресации незнакомых актуализируется функция ссылки на общую принадлежность к обществу “мужиков”, которые по презумпции должны проявлять мужскую солидарность, понимать друг друга и реагировать соответственно. Это видно из следующих примеров конфликтных ситуаций, в которых потерпевший посредством обращения *мужики* призывает слушающих отнестись с пониманием к его объяснениям:

1) *В Одессе на перекрестке останавливаются “Жигули”. Подходят к водителю трое:*

– *А ну, вылезай из ворованной машины!*

– *Да вы чего, мужики, это моя машина!*

– *Вылезай, вылезай! Была твоя, а теперь уже ворованная;*

2) *<Новый русский обращается к милиционерам, задержавшим его после того, как он стрелял из автомата на оживленном рынке>:*

– *Мужики! Да вы чего? У меня же разрешение есть! <...>*

Здесь вокатив *мужики* выступает в качестве прагматического средства, при помощи которого говорящий пытается изменить развертывающийся сценарий коммуникации. Он намеревается трансформировать типичный сценарий демонстрации власти (со стороны своих контрагентов) в “более выигрышный” для себя сценарий,

основывающийся на социальной симметрии, солидарности (о социолингвистических измерениях власти и солидарности (power and solidarity) см. [Даунс 1998: 266-270]).

Что касается формы единственного числа *мужик*, то она также может употребляться как обращение, но только по отношению с незнакомому мужчине, как правило, предшествуя директивному или вопросительному речевому акту. В данном случае реализуется функция привлечения внимания адресата (апеллятивная функция) с целью обязательно получить ответную реакцию (о разных функциях обращения см. [Петкова 2005]). Приведем два отрывка из анекдотов:

1) – *Мужик, дай спичку!*

– *Пожалуйста.*

– *Давай уж заодно и папиросу.<...>*

2) *Заходит заика в бар и говорит бармену:*

– *П-п-пожалуйста, п-п-пива.*

– *Слышь, мужик, ты вроде заика? <...>*

Если адресат речи – друг или знакомый говорящего, употребление вокатива *мужик* невозможно. В таких коммуникативных ситуациях чаще всего используются антропонимические вокативные единицы или же такие обращения, как *старик* и *дружище*.

Отсутствие в толковом словаре информации об активном функционировании форм *мужик/мужики* в качестве обращения в разговорно-сниженном речевом регистре составляет проблему для носителей болгарского языка. Поскольку для ближайших семантических соответствий этих форм в болгарском языке (*мъж/мъже*) не характерна функция вокатива, болгарский пользователь словаря, не найдя в нем никаких указаний относительно этой функции, сделает вполне логичный вывод, что это правило распространяется и на русский язык.

Это еще раз подтверждает необходимость более адекватного отражения в лексикографических источниках прагматической информации, в частности, информации, касающейся наличия у словарных единиц способности выступать как средство адресации.

Оставляя в стороне функционирование рассматриваемых вокативов в рамках их прямого предназначения (*брат* по отношению к своему брату, *друг* по отношению к близкому человеку), остановимся на типичных для некоторых из них употреблениях в сфере, не свойственной их первичному значению.

В составе группы 1 выделяется вокатив *старик*, который употребляется сравнительно редко в своем прямом значении – по отношению к мужчине пожилого возраста. В таком употреблении данный вокатив расценивается как невежливый и маркирует неблизкие отношения между коммуникантами. Например:

<Незаконный торговец оружием обращается к своему новому клиенту, мужчине лет семидесяти>: – Смотри, старик, не промахнись! (к/ф “Ворошиловский стрелок”)

Гораздо чаще посредством вокатива *старик* или его варианта *старина* говорящий маркирует близкие отношения с адресатом. Эти слова используются в качестве фамильярно-ласковых обращений к давнему другу или приятелю и не имеют никакого отношения к возрасту коммуникантов. Об этом свидетельствует их частотность в речи молодых людей, которые обращаются так к своим сверстникам. Такое употребление воспринимается как шутливое, но тем не менее стандартное. Основная роль обращений *старик* и *старина* состоит в том, что они придают диалогу непринужденную, дружескую тональность: *Привет, старик! Как дела?; Где ты пропадаешь, старина?*

Частным случаем является использование вокатива *старик* в целях налаживания теплых, близких отношений в ситуации знакомства с ребенком. Такое употребление нам встретилось в рассказе М. Шолохова “Судьба человека”. После того, как Андрей Соколов призывает своего нового сынишку познакомиться со случайно встретившимся им рассказчиком, происходит следующий обмен репликами:

...мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил:

*– Что же это у тебя, **старик**, рука такая холодная? На дворе теплень, а ты замерзаешь?*

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно приподнял белесые бровки.

– Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные – снежки катал потому что.

Говорящий употребляет шутливо данный вокатив, превратившийся в своего рода клише в речи взрослых, с тем чтобы нейтрализовать существующую возрастную асимметрию и создать непринужденную атмосферу общения. Однако мальчик не знаком с этим речевым стереотипом и не понимает коммуникативные интенции говорящего, в результате чего возникает коммуникативная неудача.

Слово *ребята* также отличается способностью употребляться в не совсем типичной для своего первичного значения коммуникативной ситуации. В качестве первичной рассматривается его роль средства адресации: 1) группы детей (обычно школьников); 2) молодых людей, парней. Например:

1) На другой день Анастасия Дмитриевна пришла в класс пораньше и сказала ребятам так:

*– Лебедева Римма еще не приходила?.. Вот, **ребята**, пока ее нет, я хочу вас предупредить: девочка эта, может быть, много пережила... (Л.Кассиль);*

2) <Прохожий спрашивает группу парней:>

***Ребята**, здесь к метро можно пройти?*

Но наряду с этим возможно и функционирование обращения *ребята* в общении между взрослыми и даже пожилыми мужчинами, если между ними существуют неформальные, близкие отношения. Чаще всего это отношения, основывающиеся на общем прошлом, т.е. коммуниканты либо товарищи по учебе, либо вместе служили в армии, либо просто давние друзья. В таких коммуникативных условиях данный вокатив приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок, подчеркивая, что время ничуть не изменило характер тех теплых, дружеских чувств, которые связывали говорящего и адресатов в молодости. Например:

<Пожилый фронтовик обращается к группе своих товарищей на традиционной встрече ветеранов 9-ого Мая:>

***Ребята**, вы не видели Витю Кручинина? Мне надо с ним поговорить.*

Из обращений, принадлежащих к группе 2.1., следует отметить слово *брат* и его производные.

Русское обращение *брат* редко употребляется в высказываниях, которые говорящий адресует своему родному брату. (Для такой коммуникативной ситуации характерно обращение по имени). Основным контекстом функционирования этого вокатива – реплики, обращенные к другу или знакомому. Например:

*Сысоев (...) семенил по зловещему берегу, исчезал во тьме, возникал вновь и наконец окликнул меня из смутной плоскодонки: "Давай тюки, Шалч!" Это восклицание прозвучало, как "Дай руку, **брат!**" (Б. Окуджава).*

Дериват этого вокатива *браток* принадлежит к разговорно-сниженной лексике и употребляется преимущественно в общении между незнакомыми мужчинами. Например:

Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика (...). Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

– Здорово, браток (М. Шолохов).

При помощи вокативов *брат* и *браток* говорящий включает адресата в свою личную сферу (об этом понятии см. [Апресян 1986]).

Особой социальной окрашенностью в современной русской речи отличается вокатив *братан*. Он характерен для речи “новых русских” и воспринимается как неотъемлемая часть их коммуникативного поведения (ср. аналогичные болгарские вокативы *брато* и *браточка*, типичные для речи членов преступных группировок). Данное производное слово существовало и до “эпохи новых русских” как ласково-фамильярный производный вариант слова *брат*, но не отличалось частотностью. Его активизация объясняется тем, что суффикс *-ан* пользуется особым уважением среди новых русских (ср. антропонимы *Вован, Толян, Борян*, употребляемые в этом социальном кругу вместо немаркированных *Вова, Толя, Боря*) [Шкапенко, Хюбнер 2005: 73].

Данный вокатив употребляется как в общении новых русских между собой, так и в их репликах, адресованных представителям других социальных групп. Продемонстрируем это на примере двух анекдотов:

1) *Встречаются два новых русских. Один другого спрашивает:*

– Скажи, братан, а что такое "деноминация"?

– Ну, деноминация – это когда лишние нули убирают.

– Не понял... . Это я сейчас на шестисотом езжу, а буду на шестерке, что ли?

2) *Встречаются два бывших одноклассника. Один – новый русский, а другой – программист. Первый спрашивает второго:*

– Ну что, братан, как дела?

– Да вот, уже почти год сижу на Яве, пишу всякие приложения.

– Ну ты крут! Впрочем, я тоже в этом году на Кипре две недели пробыл.

Обращение *братан* отличается столь яркой социальной спецификой, что часто используется в анекдотах как элемент языковой маски нового русского. В языковую маску героя анекдота входят клишированные формулы и условные сигналы, делающие героя легко узнаваемым даже в тех случаях, когда он не назван [Шмелева, Шмелев 2000]. На употреблении языковой маски (включающей в себя излюбленный вокатив *братан*, наряду с чрезвычайно частотными в речи новых русских клише *в натуре* и *ты че наезжаешь*) построен следующий анекдот:

Корреспондент спрашивает мэра Петербурга:

– Правда, что Санкт-Петербург стал криминальной столицей России?

– Ну, ты че, братан, в натуре, наезжаешь! – отвечает мэр [там же].

Информация о говорящем, которую передает вокатив в данном анекдоте, понятна лишь тем, кто обладает не только лингвистической, но и социокультурной компетенцией, что свидетельствует о необходимости изучения разнообразных форм обращения как культурно маркированных языковых единиц.

Несомненный интерес с точки зрения прагматики диалогического общения представляет и функционирование форм *братец/братцы*.

Форма ед.ч. *братец* реализует интимизирующую функцию, так как она несет оттенок фамильярности, доверительности. Иногда к нему добавляется и оттенок

снисходительно-иронического отношения к собеседнику, например: *Ты, братец, зря так со мной разговариваешь; Ну и наломал ты дров, братец*. Для данной формы вокатива не характерно употребление в препозиции к основному высказыванию, так что она не может выполнять функцию аттрактора внимания (апеллятивную функцию).

В отличие от нее, форма мн.ч. *братцы* употребляется преимущественно в начальной позиции, совмещая апеллятивную и интимизирующую функции. Например, герой юмористического рассказа М. Зощенко “Страдания молодого Вертера” использует три раза обращение *братцы*, пытаясь убедить в своей невиновности группу возмущенных граждан во главе со сторожем парка, которые твердо намерены оштрафовать его за езду на велосипеде по аллее, запрещенной для велосипедистов: *Братцы, да что вы, обалдели!?!...; Братцы, я не знал, что здесь нельзя ехать!...; Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь...*

В наши дни эта форма обращения употребляется преимущественно по отношению к людям того же социального круга, к которому принадлежит говорящий. В тех случаях, когда говорящий – интеллигент, данная вокативная форма используется шуточно или “цитатно” [Апресян 1988]. Например: <Сотрудник НИИ средних лет обращается к своим коллегам:> *Братцы, вы не поверите, что мне Марья Васильевна поведала!*

Для общения между незнакомыми в условиях асимметрии по возрастному признаку также характерно употребление вокативов, чья цель – сокращение социальной дистанции. Так, пожилые люди, являющиеся носителями просторечия, широко используют вокатив *сын* при адресации людей моложе себя: *Сынок, помоги мне улицу перейти!* [Земская 1979: 222]. Со своей стороны, люди молодого или среднего возраста, желающие подчеркнуть непринужденность общения с адресатом, который старше них, используют разговорно-сниженное обращение *папаша*. Этот вокатив имеет оттенок ласковой уважительности [там же], о чем свидетельствует обычно сопутствующая ему *вы*-форма: *Папаша, вам помочь?*

Вокатив *дед* может быть использован в разговорной речи в репликах, адресованных незнакомому человеку пожилого возраста. Приведем в качестве примера начало анекдота:

Старик говорит регулировщику:

– Привет, служивый, как служба?

– Здорово, дед. Служба как служба, не жалуюсь. <...>

По сравнению с возможным в данном типе ситуации обращением *старик*, которое, как было отмечено выше, расценивается как неуважительное, обращение *дед* в большинстве случаев маркирует уважительное отношение к адресату. Иногда оно может приобретать оттенок снисходительности.

В коммуникативной ситуации поиска содействия у незнакомца типично употребление вокативов *друг*, *дружище* и *приятель* (группа 2.2). Посредством данных обращений, как и в случае с вокативами *брат* и *браток*, говорящий включает адресата в свою личную сферу. Цель говорящего – сократить социальную дистанцию между собой и незнакомым, на которого он возлагает роль своего коммуникативного партнера. Сравним два высказывания, реализующие речевой акт просьбы:

(1) *Простите, закурить не найдется?*

(2) *Друг/дружище/приятель, закурить не найдется?*

В высказывании (1) отсутствует попытка сокращения социальной дистанции, говорящий делает ставку на стратегию нейтральной вежливости. В высказывании (2) говорящий выбрал иную речевую стратегию – именуя незнакомца словом, предназначенным для называния близкого человека, он рассчитывает на интимизацию, чтобы добиться желаемого перлокутивного эффекта. Обращения данной группы

сочетаются с *ты*-формой и воспринимаются как фамильярные (иногда с оттенком грубоватости) [ср. Земская 1979: 222]. Примеры: *Дружище, не скажешь, где тут аптека?*; *Пряатель, дай пятак!*; *Эй, друг, не подбросишь до центра?*

Следует отметить, что вокатив *друг* редко употребляется в нейтральном речевом регистре как обращение к человеку, с которым говорящий связан дружбой. Он, как правило, встречается в репликах, отличающихся известной приподнятостью (*Не стоит предаваться унынию, друг мой!*) или иронией (*Ну что ж, спасибо, друг!* <говорящий расценивает поведение друга как предательство>). Что касается слова *приятель*, то оно вообще не используется как обращение к близкому знакомому. Только слово *дружище* одинаково активно используется как при адресации незнакомого, так и в функции маркера реально существующих близких отношений между коммуникантами. Приведем пример второго употребления: *Ах, Сеня, Сеня, до чего же я тебя люблю, как горжусь дружбой с тобой... Сенька, дружище, ведь ты меня, можно сказать, в люди вывел!* (Л. Ленч).

В заключение подчеркнем, что перевод исследования обращений из фокуса семантики в фокус лингвистической прагматики позволяет выявить важные стороны их функционирования в речи, которые до сих пор оставались незамеченными. Анализ прагматических аспектов употребления вокативных форм способствует также выяснению механизмов учета фактора адресата в процессе вербальной коммуникации в целом.

Обращение входит в разряд прагматических маркеров, реализующих речевые стратегии и тактические приемы воздействия на адресата. Оно принадлежит к основным языковым средствам, при помощи которых коммуниканты договариваются о распределении дискурсивных ролей и тех отношений, на которых строится диалоговое взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

- Андоньева 2004 – *Андоньева С. Б.* Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 2004.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28, 1986.
- Апресян 1988 – *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Вежбицка 1978 – *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. // Новое в лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
- Даунс 1998 – *Downes W.* Language and Society. Cambridge, 1998.
- Земская 1979 – *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Петкова 2005 – *Петкова С.* Комуникативно-прагматични функции на обръщението в руската диалогична реч // Езикът и литературата: Методически парадигми и образователни политики. С., 2005.
- Федорова 2005 – *Федорова Л. Л.* Грамматика диалога: Основные категории // Материалы международной конференции *Диалог 2005*. М., 2000.
- Шкапенко, Хюбнер 2005 – *Шкапенко Т. М., Хюбнер Ф.* Русский “тусовочный” как иностранный. Калининград, 2005.

Шмелева, Шмелев 2000 – *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Клишированные формулы в современном русском анекдоте.// Материалы международной конференции *Диалог 2000*. Том 1. Теоретические проблемы. М., 2000.

СЛОВАРИ

БТС – Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С.А.Кузнецов). СПб., 1998.

СЕ – Словарь Ефремовой - *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Стефания Амириди =====
 (Комотини, Греция)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РУССКОЙ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Выделение последних десятилетий XX века (80-90-ые годы) и начала XXI века как особого этапа развития русского литературного языка обосновано значительными изменениями в его функциональном статусе, в его функционально-стилевой системе, в его взаимодействии с народно-разговорным языком, в системах его лексики, фразеологии, словообразования, грамматики, в его стилистических ресурсах, в речевом этикете, изменениями коммуникативно-прагматического характера и т.д. [Филкова 2001: 11]. В этих изменениях находят выражение существенные изменения в общественном сознании русского народа и в общественной жизни России в указанный период, который обозначается некоторыми авторами термином “постсоветский период” по аналогии с распространенным раньше термином “советский период” [Костомаров 1994: 23]. Отдельные авторы считают даже, что русский литературный язык в данный период “переживает почти революционные потрясения” [Ермакова 1996: 32]. В.Г. Костомаров справедливо отмечает: “Перед нами новое состояние русского литературного языка – в смысле очередного этапа эволюции. Язык переходит на следующий срез своей истории, отчего, конечно же, не перестает быть самим собой и не теряет функциональные потенции (скорее наоборот: он приспособляет их к новому состоянию общества)” [Костомаров 1994: 227].

Существенные изменения в русском литературном языке находят особенно яркое выражение в газетно-публицистической речи. Это обусловлено тем, что русская публицистика конца XX – начала XXI века стала основной трибуной общественной мысли и противостояния в общественных отношениях в России. Е.А. Земская специально подчеркивает, что в постсоветский период средства массовой информации стали высоко популярными, “газеты читают больше, чем любые другие виды письменности, телевидение смотрит и слушает весь народ”, вследствие чего “язык газет стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка [Земская 1996: 10, 91].

В газетно-публицистической речи наряду с различными изменениями в русском языке находит выражение процесс активизации формирования и использования окказиональных, незуальных единиц. Некоторые авторы объясняют подобную активизацию раскрепощенностью языка газет, журналов и других подобных изданий [Земская 1996: 128]. Другие считают, что формирование и активное употребление подобных единиц является результатом постоянной игры со словом: “Во все времена и всюду игровой инстинкт может проявиться вновь и вновь в полную силу, вовлекая как отдельную личность, так и массы” [Хьюзинга 1982: 62]. Отдельные исследователи обращают внимание на стремление к стиливой новизне, которое “носит всеобъемлющий характер” [Кокорина 1996: 175], на стремление к “свежей выразительности и обновлению” [Костомаров 1994: 31]. Независимо от причин активизации процесса образования и использования окказиональных единиц важна

сама констатация того, что “конец XX века иногда даже называют веком окказионализмов” [Земская 1996: 128].

При определении понятия и термина “окказионализмы” мы будем исходить из понимания, что в актах коммуникации используются главным образом два разряда единиц: а) **узуальные**, которые относятся к языковым нормативным средствам, закрепившимся в системе языка, получившими распространение и ставшими употребительными; они регулярно воспроизводятся и выполняют прежде всего номинативную, коммуникативную и информативную функции, например: *приватизация*, *демократия*, *Хиросима*, *бунтарь*, *олимпиада* и т.п.; б) **неузуальные**, окказиональные, которые относятся к речевым ненормативным средствам, которые не закрепились в системе языка, не стали широко употребительными; они не воспроизводятся регулярно, выполняют прежде всего экспрессивную функцию и образуются обычно на основе существующих в системе языка моделей, например: *прихватизация* (прихватить и приватизация), *дымократия* (дым и демократия), *Америсима* (Америка и Хиросима), *хунтарь* (хунта и бунтарь), *фельетониада* (фельетон и олимпиада) и т.п.

В научной литературе речевые единицы второго разряда обозначаются различными терминами: “индивидуально-стилистические неологизмы” [Винокур 1943], “сатирические образования” [Наумов 1968], “слова-самоделки” [Ханпира 1966], “эголизмы” [Аржанов 1968] и др.

Содержательная характеристика подобных образований дана в следующих определениях:

“окказиональное слово – это речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами непроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности” [Лыков 1976: 36];

“окказионализмы – это индивидуальные средства, присущие только данному отрезку речи, данному контексту, создаваемые (а не воспроизводимые) именно в этом контексте, созданные “по случаю”, однажды” [Лопатин 1973: 63].

К сожалению, предложенные определения, на наш взгляд, не являются полными. Во-первых, окказионализмами являются не только слова, но и значения слов, словосочетания, устойчивые словосочетания, например: *Наше общество скатывается в пропасть индифференции или охунтения* (Известия, 11.04.1996); *Красные цены на красную рыбу* (Огонек, 21/1995); *В России возникает выборная монархия в момент приближения смены лидера* (Комсомольская правда, 19.08.1998); *Милости просим, не вываливайте дурака* (Интернет, ср. не валяйте дурака); *Гранаты в мешке не утаишь* (Комсомольская правда, 19.08.1998, ср. шла в мешке не утаишь). Во-вторых, в некоторых случаях окказионализмы получают распространение и выходят за рамки только определенного контекста, например: *Развернулась макдональдизация культуры* (Слово, 11/1999); *Кругом сплошная макдональдизация. Не пропади, нация!* (Е. Евтушенко, Тринадцать).

Принимая во внимание предложенные различными авторами дефиниции окказионализмов и дополняя их, мы предлагаем более полное определение. Окказионализмы – это неузуальные индивидуальные речевые единицы (слова, значения слов, словосочетания, устойчивые словосочетания, фразы), которые в большинстве случаев остаются незакрепленными в системе языка и которые выполняют прежде всего экспрессивную функцию, являющуюся результатом изменения регулярно употребительных подобных узуальных единиц.

Окказионализмы использовались и раньше в стилях художественной, публицистической и разговорной речи. Достаточно вспомнить такие единицы, как

кюхельбекерно, огончарован (у А.С. Пушкина), умонелепствовать, институтско-опереточное воспитание (у М.Е. Салтыкова-Щедрина), выпивон, деньгеед и т.д.

В настоящее время активизируется не только употребительность окказионализмов, но изменяется характер их базовых основ. Во многих случаях базовыми основами стали служить ключевые единицы, “обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания” [Земская 1996: 92], например: *Мы скатываемся к третьемирству* (Правда, 17.10.1995, ср. *третий мир*); *Сраматургия. Это то, что случится с театром завтра* (Независимая газета, 86/2000, ср. *срам и драматургия*); *Без эффективной оппозиции демократия может превратиться в демократуру* (Московский комсомолец, 14.02.1997, ср. *демократия и диктатура*); *Это секс-генерал Мордехай* (Российская газета, 55/2000, ср. *экс-генерал*); *Либералиссимус Жириновский выступал десять раз* (Огонек, 17/1997, ср. *генералиссимус*).

Источниками окказионализмов могут служить:

– единицы (слова, словосочетания, фразы) русского литературного языка, например: *На то и “Память” в России, чтобы еврей не дремал* (Россия, 2, 1998); *Истерические решения Съезда* (Литературная газета, 21/1991 ср. *исторические решения*); *Кто мы? Откуда мы? Куда мы? Страна внутреннего сгорания!* (Независимая газета, 86/2000, ср. *двигатель внутреннего сгорания*);

– единицы русского народного творчества, например: *Не перепились еще на Руси богатыри, добры молодцы* (Интернет, ср. *Не перевелись еще на Руси богатыри, добры молодцы*); *Дело мастера – напиться* (Интернет, ср. *Дело мастера боится*); *У пьяного в глазах девица* (Интернет, ср. *У пьяного в глазах двоится*); *Что посеешь, то и украдут* (Новые известия, 135/1999, ср. *Что посеешь, то и пожнешь*);

– жаргонные и просторечные единицы, например: *Политическая тусовочка на верхах получилась хилой* (Московский комсомолец, 12.09.1993, *тусовочка* в зн. ‘размещение кадров’); *В пансионате ветеранов войны появились лихие бомжихи* (Известия, 14.09.1994, *бомжиха* в зн. ‘женщина без определенного места жительства’); *В наших гостиницах вы найдете стервис на высоком уровне* (Московский комсомолец, 02.11.1994, ср. *сервис и стерва*);

– названия книг, журналов, газет, фильмов и т.п., например: *Часто стали читать о “Выступлениях и наказаниях”* (Огонек, 2/1997, ср. *“Преступление и наказание”*); *Об этом писал “Московский сексомолец”* (Огонек, 10/1996, ср. *“Московский комсомолец”*); *О бедном диспансере замолвите слово* (Литературная газета, 12/1999, ср. *“О бедном гусаре замолвите слово”*);

– имена известных деятелей, литературных героев, писателей и т.п., например: *Правительство сознательно бурбулит и гайдарит* (День, 43/1992, ср. имена политических лидеров Бурбулиса и Гайдара); *Мифы о Кошмаровском* (Вечерняя Москва, 18.08.1994, ср. *Кашиповский*); *Мадам Бартерфляй снова показалась* (Интернет, ср. *“Мадам Баттерфляй”*);

– цитаты из русских книг, стихов, песен и т. п., например: *Рожденный брат – упасть не может* (Интернет, ср. *рожденный ползать – летать не может*); *Валюта нам строить и жить помогает* (Комсомольская правда, 49/1999, ср. *нам песня строить и жить помогает*); *Свежо издание, а ксерится с трудом* (Литературная газета, 16/1991, ср. *свежо предание, а верится с трудом*);

– заимствования из библейских текстов, например: *Там было мало званых, но много избранных* (Известия, 100/1998, ср. *много званых, но мало избранных*); *Сначала были Деньги* (Литературная газета, 41/1999, ср. *в начале было слово*); *Вот вам и гласность вопиющая в пустыне* (Известия, 84/1997, ср. *глас вопиющего в пустыне*); *По лозунгам вы их узнаете* (Известия, 41/1998, ср. *по делам вы их узнаете*);

– заимствования из иностранных литературных источников, например: *Осень тревоги нашей* (Аргументы и факты, 37/1994, ср. Дж. Стейнбек “Зима тревоги нашей”); *Пилюля, которая потрясла мир* (Аргументы и факты, 29/1998, ср. Д. Рид “Десять дней, которые потрясли мир”); *Брить или не брить* (Аргументы и факты, 45/1997, ср. Шекспир “Быть или не быть”); *Здравствуй, оружие* (Литературная газета, 27/1999, ср. Э. Хемингуэй “Прощай оружие”); *Все течет и не изменяется* (Известия, 06.04.2000, ср. Гераклит “Все течет, все изменяется”).

Вопрос о способах образования окказионализмов достаточно подробно рассматривается в работах Е.А.Земской [Земская 1996], В.З.Санникова [Санников 1999], Л. Цоневой [Цонева 2000] и др., поэтому мы его не обсуждаем.

Следует обратить внимание на **функции окказионализмов**. Было подчеркнуто, что они выполняют прежде всего экспрессивную функцию, которая сопровождается обычно коммуникативной, информативной, когнитивной и др. Их связь обнаруживается “всякий раз, когда наше внимание обращено на форму высказывания, на то, как выражена мысль” [Шмелев 1977: 35]. Но эта связь обусловлена и значением выраженной мысли, и оценкой, и отношением к ней. Поэтому можно считать, что окказионализмы используются преимущественно для выражения экспрессивной (эмоционально-экспрессивно-оценочной) функции. З.И.Хованская подчеркивает, что, когда языковые единицы обогащаются экспрессивными, эмоциональными и оценочными компонентами, которые дополняют соответствующий семантический потенциал, тогда реализуется экспрессивная функция языка и стилистическая функция речевых единиц [Хованская 1984: 210].

Стилистическая функция означает в основном назначение, роль, выполняемую единицами языка при их воспроизведении в речи с целью достижения определенного коммуникативного эффекта. В зависимости от характера такого эффекта можно указать на следующие случаи:

– использование окказионализмов в целях выражения шутливости, доброжелательного комизма, при котором отсутствует негативное отношение, например: *Это я говорю, честное пенсионерское* (Литературная газета, 21/1993, ср. *честное пионерское*); *Главное занятие стариков – хождение по внукам* (Известия, 83/1997, ср. *хождение по мукам*); *Участников конференций магнитом влекли пятый и шестой пункт. Пятый – это “разное”, который исчерпывал повестку дня. Шестой исчерпывал запасы водки* (Огонек, 6/1992);

– использование окказионализмов в целях выражения иронического, неодобрительного отношения, например: *Власть – это жизнь **власть*** (Аргументы и факты, 35/1993); *Белый Билл – черные слухи* (Литературная газета, 23/2000, ср. *Белый Бим – черное ухо*); *Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью* (Комсомольская правда, 49/1999, ср. *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью*);

– использование окказионализмов в целях выражения пародии, резко отрицательного отношения, например: *На селе укореняется уже **капиталистический патриотизм*** (Советская Россия, 81/1998, ср. *социалистический патриотизм*); *Нынешний **ельцинизм** не в горбачевизм ли корнями уходит?* (Правда, 30.07.1993, ср. *Ельцин*); *Ну не мэр, а **кош-мэр** Владивостока* (Литературная газета, 48/1997, ср. *кошмар*).

Краткий анализ окказионализмов в русской газетно-публицистической речи постсоветского периода дает основание для некоторых выводов.

Окказионализмы являются важным средством выражения экспрессивной функции.

Их употребление активизировалось особенно в постсоветский период, когда существенные изменения в общественной жизни России и в общественном сознании

русских обусловили необходимость в более ярких эмоционально-экспрессивно-оценочных средствах.

Источниками окказионализмов служат различные ресурсы русского литературного и народно-разговорного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Аржанов 1968 – *Аржанов Л.* Закон есть закон // Журналист. 1968, № 3.
- Ермакова 1996 – *Ермакова О.П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
- Земская 1996 – *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
- Кокорина 1996 – *Кокорина Е.В.* Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика, стилистика. Язык и культура. М., 1996.
- Костомаров 1994 – *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Лопатин 1973 – *Лопатин В.В.* Рождение слова. М., 1973.
- Лыков 1976 – *Лыков А.Г.* Современная русская лексикография (русское окказиональное слово). М., 1976.
- Санников 1999 – *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Филкова 2001 – *Филкова П.* Русский литературный язык конца XX века // Болгарская русистика. 2001. № 1.
- Ханпира 1972 – *Ханпира Э.* Окказиональные элементы в современной речи // Лингвистические исследования. М., 1972.
- Хьойзинха 1982 – *Хьойзинха Й.* Homo ludens (Изследване на игровия елемент на културата). С., 1982.
- Хованская 1984 – *Хованская З.И.* Стилистика французского языка. М., 1984.
- Цонева 2000 – *Цонева Л.* Езиковата игра в съвременната публицистика. С., 2000.
- Шмелев 1977 – *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Ангелина Вачева =====

**“... Я СТРАШНО ЛЮБЛЮ ВЕРХОВУЮ ЕЗДУ”.
ТОПОС АМАЗОНКИ В АВТОБИОГРАФИИ ЕКАТЕРИНЫ II**

Романная топка¹, связанная с амазонкой, играет исключительно важную роль в концепции собственного образа в автобиографии Екатерины II. Русская императрица, которая славилась в своей молодости страстью к верховой езде, заимствует у романа значение мотива амазонки в вырабатывании новой идентичности романной героини. Воздействие этого мотива не было бы столь сильным, если бы езда верхом не была одним из малочисленных дозволявшихся движений, помимо танца, в жизни благородной дамы. Верховая езда занимала важное место среди светских умений аристократок. Поэтому она становится средством самовыражения ряда известных своей яркой индивидуальностью женщин. До того как верховая езда становится важным мотивом в жизнеописании Екатерины II, она действительно имела решающую роль в выработке ее характера, став своеобразным символом в ее жизни. Красноречивым доказательством этого является поведение императрицы во время переворота, возведшего ее на престол: она завоевывает свою власть верхом, сидя по-мужски, в мужском офицерском костюме.

“Большая часть романов представляет женщину статически или же ее движения ограничены – в салоне, будуаре, замке, тюрьме, монастыре – там, где ее мобильность и свобода действий недостаточны” [Simmons 1980: 1919], – эта констатация справедлива не только в отношении поведения романских героинь; она отражает вообще жизнь тогдашней женщины. Поэтому движение, спорт в воспитании девочек становятся в XVIII веке предметом оживленной дискуссии сначала в Европе, а затем и в России [см. Лотман 1994: 305-306].

Романы становятся фактором распространения новых для того времени взглядов на необходимость физической активности прекрасного пола. Такие мотивы были особенно характерны для немецкой романистики XVIII в., из которой они проникли и в другие литературы. В немецких романах того времени одним из основных женских типов является “Machtfrau” (буквально “властная женщина”). Характеристиками этого типа являются сила характера, смелость, обширные познания и высокая интеллигентность, самостоятельность в принятии решений, сравнительная независимость в семье, презрение к общественному мнению. Machtfrau ездит верхом по-мужски и охотно надевает мужскую одежду, но в то же время сохраняет все атрибуты женственности, вплоть до слез. Обычно это женщина, принадлежащая к высшим слоям общества, это “тепличное растение, которое бы зачахло в низких слоях социальной атмосферы” [Fauchery 1972: 613; 612-619].

Чрезвычайно интересна в этой связи роль верховой езды в воспитании девиц, на которой ставит акцент французская писательница г-жа д’Эпине в своем педагогическом романе “Разговоры с Эмилией” (“Conversations d’Emilie”, 1-е издание 1774). Это произведение являлось своеобразным ответом на теорию воспитания, изложенную Жан-Жаком Руссо в романе-трактате “Эмиль, или О воспитании” (1762). Г-жа д’Эпине

вносит известные коррективы в концепцию девического воспитания женевского гражданина, исходя из своего личного женского опыта дочери и матери.

В отличие от Руссо, г-жа д'Эпине поддерживала идею равнопоставленности мужского и женского воспитания, а не подчинения второго первому. По-прежнему считая, что благородные девушки должны воспитываться в светских умениях, она отстаивала необходимость углубленных знаний в серьезных науках, которые девочки должны получать наравне с мальчиками. В отличие от Руссо, отдававшему приоритет роли наставника, французская писательница считала, что вся семья должна заботиться о воспитании девочки. Первое место в этом деле она сохраняет за матерью, которая должна была стать основной наставницей своей дочери. В IV разговоре (редакция текста 1788 г.) г-жа д'Эпине высказывает исключительно смелую для своего времени идею [Badinter 1983: 203]: отец также участвует в воспитании дочери, наравне с матерью (вставная повесть об “амазонке” Аделаиде Штольценберг). Роман “Разговоры с Эмилией” принес г-же д'Эпине в 1783 г. премию Французской академии. Он был многократно переиздан на разных языках (очарованная им Екатерина намеревалась заказать русский перевод), оставаясь актуальным вплоть до второй половины XIX века, а реминисценции из него можно установить у Жорж Санд. Учитывая эволюцию своего опыта воспитательницы, г-жа д'Эпине до самой своей смерти в 1783 г. вносила в текст большие или меньшие изменения. Последняя, собственноручно подготовленная писательницей IV редакция текста вышла в 1788 г. и была посвящена Екатерине II, принимавшей по настоянию Ф.-М. Гримма, долголетнего сожителя автора “Разговоров”, живое участие в судьбе близкой к кругу энциклопедистов г-жи д'Эпине и ее внучки Эмили де Белзунс (та самая “Эмилия”). Именно в тексте этой редакции находится новелла об амазонке, в которой французская писательница изложила свои передовые взгляды. Мотив верховой езды является ключевым для их раскрытия.

С одной стороны, г-жа д'Эпине настаивает на необходимости физических упражнений, должных обеспечить “здоровый дух в здоровом теле” юной девушки. С другой стороны, мотив верховой езды становится поводом для изложения своей концепции равной роли обоих родителей в воспитании их дочери. С третьей, – писательница выражает свое глубокое убеждение в необходимости и полезности сочетания типично “женских” занятий, связанных со статикой (чтение, музицирование, рисование, рукоделие), с динамическими “мужскими” (езда верхом, охота, работа в саду), при том последние совершаются под руководством отца, а девушка одета в дающем свободу мужском платье. Результат такого “разумного” воспитания, осуществляемого при взаимном согласии обоими родителями, вне всякого сомнения: героиня вставной повести Аделаида Штольценберг в шестнадцать лет достигла гармонии в осознанности и разумности своих поступков и мыслей, добилась утонченности манер и благодаря своему очарованию и физической грации стала “одной из самых интересных личностей своего пола” [Mme d'Épinau 1996: 468]. Эти качества приходят на смену необузданному характеру девушки. Сознвая необычность и странность предлагаемой модели девического воспитания, г-жа д'Эпине обратилась к чужому для ее родной культуры немецкому контексту. Место действия повести об амазонке, которую маленькая Эмилия читает и комментирует со своей матерью, – Германия, а герои – немцы; сам текст представлен как переводная немецкая повесть. Таким образом, немецкие мотивы в романе г-жи д'Эпине в значительной степени соотносятся с “немецким” поведением будущей российской императрицы, не совсем привычным для окружавших ее людей. Нельзя определенно сказать, нет ли какого-то реверанса перед высочайшей покровительницей Эмили де Белзунс в этих поздних изменениях, сделанных ее бабушкой в тексте педагогического романа, которые публикует сама Эмили с прибавлением посвящения Екатерине. Не ясно, содержали ли

эти мотивы какие-то аллюзии на пример самой российской императрицы, личность которой сочетала в себе так же гармонично элементы “женского” и “мужского” поведения и которая показала себя убежденным адептом нового женского воспитания, или же это всего лишь совпадение, порожденное обращением к одной и той же романной топике. Все вышеупомянутые положительные черты свойственны созданному Екатериной II мифологизированному автообразу в ее автобиографии. Сюжет другого разговора – насколько Екатерина II знала интерпретации этого женского типажа в своей родной литературе,² который, однако, встречается достаточно часто и в других больших литературах того времени: французской, английской, итальянской, а чуть позже занимает подобающее место и в русской.³ Так или иначе, в большинстве случаев участие девочки в подвижных играх, особенно наравне с мальчиками, а также интерес девушки или молодой женщины к верховой езде, охоте воспринимались в то время как свидетельство непокорного и сильного характера.

Мотив безудержной страсти к *верховой езде* присутствует во всех редакциях автобиографии Екатерины II. Его интерпретация, однако, эволюирует во времени.

В первоначальном варианте текста 1771 г. у этого мотива есть своя “предыстория”, свидетельствующая о живости маленькой Фике, как называли в семье будущую царицу:

“Моя живость была чрезвычайна в то время; меня укладывали спать очень рано <...>. Я делала вид, что засыпала сразу, чтоб они (гувернантка и служанки, – прим. мое, А.В.) поскорее ушли, и, как только оставалась одна, садилась верхом на подушки и скакала в кровати до изнеможения. Помню, что поднимала в постели такую возню, что мои прислужницы прибегали посмотреть, в чем дело; но тогда они находили меня уже лежавшей, и я притворялась спящей; ни разу меня не поймали и никогда не узнали, что я носилась на почтовых у себя в постели верхом на подушках” [Екатерина II 1989: 15 (Б)].⁴

Это детское воспоминание о “мальчишеских”, неуместных даже для маленькой девочки, проделках юной Софии-Фредерики должно подготовить читателя к встрече с незаурядным, не укладывающимся в общепринятые рамки характером, дававшим о себе знать даже в невинных забавах.

Первая же настоящая езда верхом связана в первой редакции со знаменательной для четырнадцатилетней принцессы встречей. Во время визита к своим родственникам София-Фредерика познакомилась с необычной и считавшейся скандальной женской личностью – графиней Бентинк. Это была одна из первых и редких женщин того времени, которые не хотели считаться с общественными условностями: “Эта дама нашумела в свете; я думаю, что если бы она была мужчиной, это был бы человек с достоинствами, но, как женщина, она слишком пренебрегала тем, что скажут” [Екатерина II 1989: 23 (Б)]. Графиня Бентинк – одна из “бунтовщиц”, которые не хотели мириться с необходимостью жизни с нелюбимым супругом. Одной из первых в Европе она решилась на дерзость потребовать у своего мужа⁵ судебного развода. Она даже осмелилась официально иметь ребенка от своего любовника низкого происхождения. Дерзкая графиня обладала такими качествами, которые позволяли будущей мемуаристке идентифицировать себя с ней и превратить ее в свой образец для подражания: “Наружностью она походила на мужчину и была некрасива, но обладала умом и знаниями” [там же]. Их знакомство происходит эффектно, графиня встретила юную Софию и ее родителей на коне, при том сидя по-мужски: “Бентинк выехала к нам навстречу верхом; я еще никогда не видела женщин верхом и была в восторге при виде ее: она ездила, как берейтор” [Екатерина II 1989: 23 (Б)]. Очарование этой женщиной в глазах четырнадцатилетней девушки вызвано ее неконвенциональным поведением: “она ездила верхом, танцевала, когда ей вздумается, пела, смеялась, прыгала, как дитя,

хотя ей было уже за тридцать; она была уже в разводе с мужем” [там же: 24]. С графиней связаны и первые уроки верховой езды:

“... она мне обещала, что я покатаюсь верхом после обеда, но главная трудность состояла в том, чтобы получить на это позволение отца; без него бы я не осмелилась поехать. Графиня взялась вести переговоры и своей назойливостью добилась разрешения; она посадила меня на лошадь, и я несколько раз объехала двор замка. С той минуты это упражнение стало моей господствующей страстью в течение очень долгого времени; как только я видела своих лошадей, я все для них бросала” [Екатерина II 1989: 24 (Б)].

Производит впечатление параллель с вставной повестью об амазонке в романе г-жи д’Эпине: нетрадиционные занятия дочери происходят с санкции отца, хотя в этом случае Екатерина не отводит ему роль наставника. Несмотря на то, что мемуаристка отмечает скорый отъезд своей семьи, главным образом из-за опасений своих родителей насчет возможного отрицательного влияния на их дочь (“чтобы вырвать меня из когтей этой женщины: она давала слишком много воли моей врожденной живости” [Екатерина II 1989: 25 (Б)]), встреча с графиней Бентинк является для принцессы первым уроком эмансипации. Важное место здесь занимает верховая езда, которая повторяется как лейтмотив в содержании всего обширного эпизода. Езда верхом, причем по-мужски, – неслыханная дерзость в то время. Как можно понять из приведенных цитат, даже сам вид женщины на коне является неожиданным сюрпризом для четырнадцатилетней девушки, которая до тех пор ничего подобного не видела, несмотря на светские контакты своей семьи, и при том, что это был один из немногих доступных для женщин аристократических видов спорта. Это корреспондирует с неконвенциональным поведением супруги, матери и дамы высшего общества и является знаком яркого и необычного женского характера. Как ни старается “умудренная опытом” мемуаристка внушить своему предполагаемому читателю долю негативного отношения к этому персонажу, подчеркивая “назойливость” графини и оправдываясь впечатлительностью и “живостью” своего юного возраста, очевидно сильное влияние, которое оказала на свою юную поклонницу эта дерзкая и необыкновенная личность, одна из первых европейских эмансипе. Пожилая Екатерина действительно поступает мудро: как и следовало ожидать, в более поздних редакциях текста этот эпизод вовсе отсутствует. Он не упоминается даже в виде краткой ретроспекции. Автор меняет даже место своих первых уроков верховой езды и из Германии переносит его в Россию. Они происходят в имении графини Румянцевой, первой “надзирательницы” молодой великой княгини и доверенного лица императрицы Елизаветы Петровны [Екатерина II 1989: 233 (CP3)]. Причины такой смены можно легко найти в скандальной славе самой Екатерины и ее явном нежелании увеличивать домыслы воспоминанием о компрометирующем влиянии графини Бентинк.

В двух редакциях екатерининских мемуаров 90-ых годов топос амазонки, страстно любящей верховую езду, последовательно развертывается. В редакции 1790 г. одно из “наказаний” великой княгини – не пригласить ее на охоту, “хотя знали, что я страшно люблю верховую езду” [Екатерина II 1989: 93 (Ч)], и это одна из причин ее ипохондрии. В позднейшей “герценовской” редакции езда верхом, особенно по-мужски, может толковаться недоброжелателями Екатерины не только как моральная неустойчивость. В глазах императрицы Елизаветы, которая также любила передеваться в мужской костюм и ездить верхом по-мужски, это – причина отсутствия детей у великой княгини, т.е. это помеха тому, чтобы она исполнила свой долг перед государством и дала ему наследника престола [Екатерина II 1989: 332 (CP3)].⁶

В конце текста редакции 1791 г. езда верхом интерпретируется уже как один из элементов свободы в резиденции великокняжеской четы Ораниенбауме: “Там мы, и я в

числе других, проводили весь день с утра до вечера на охоте. Помнится, в этом году я несколько раз проводила верхом на лошади по тринадцати часов из двадцати четырех. Я страстно любила это занятие и была неумоима” [Екатерина II 1989: 192 (Ч)]. Там же, в заключительном эпизоде “черкасовской” редакции, рассказывается о безудержном веселье мемуаристки в стиле уроков графини Бентинк. Различие в том, что переполох, который поднимает великая княгиня, происходит в “домашней” обстановке, только перед церберами Чоглоковыми, которые даже вынуждены улыбнуться [Екатерина II 1989: 193 (Ч)]. Этот поступок также можно интерпретировать как своеобразную демонстрацию смелости автора перед шпионами императрицы.

В позднейшей редакции мемуаристка отказывается от привычных констатаций своей страсти к верховой езде. Это ее умение становится последовательно развернутым элементом в становлении ее характера, а на смену детским шалостям приходят дерзкие маскарадные переодевания и всевозможные приключения.

В “Собственноручных записках” подчеркивается ловкость и искусство всадницы. Это удобный повод проявить свое женское превосходство, показать свою грацию в своеобразной “дуэли” с другой женщиной. Таково содержание эпизода “соревнования” с суетной г-жой Арним, супругой саксонского посла:

“Арним пришла ... одетая с головы до ног в мужской костюм из красного сукна, обшитого золотым галуном; куртка была зеленая гродетуровая, тоже вышитая золотом. Она не знала, куда девать шляпу и руки и показалась нам довольно неуклюжей. Так как я знала, что императрица не любит, чтобы я ездил верхом по-мужски, то я велела приготовить себе английское дамское седло и надела английскую амазонку из очень дорогой материи, голубой с серебром, отделанную хрустальными пуговицами, которые до неузнаваемости походили на брильянты, и черная шапочка моя была окружена шнурком из брильянтов. Я спустилась, чтобы садиться на лошадь; в эту минуту императрица пришла к нам в комнаты посмотреть, как мы поедем. Так как я была тогда очень ловка и очень привычна к верховой езде, то, как только я подошла к лошади, так на нее и вскочила; юбку, которая у меня была разрезная, я спустила по бокам лошади. Мне передали, что императрица, видя, с каким проворством и ловкостью я вскочила на лошадь, изумилась и сказала, что нельзя быть лучше меня на лошади; она спросила, на каком я седле и, узнав, что на дамском, сказала: “Можно поклясться, что она на мужском седле”. Когда очередь дошла до Арним, она не блеснула ловкостью перед Ее Императорским Величеством. Эта дама велела привести свою лошадь из дому; то была старая вороная кляча, очень большая и тяжелая, и, как уверяли наши придворные, упряжная из ее кареты. Ей понадобилась лесенка, чтобы влезть. Все это сопровождалось всякими церемониями, и наконец с помощью нескольких лиц она уселась на свою клячу, которая пошла довольно неровной рысью, так что порядком трясла даму, которая не была тверда ни в седле, ни в стременах, и которая держалась рукой за лук” [Екатерина II 1989: 304-305 (СРЗ)].

В этом эпизоде красноречиво демонстрируется разница между увлечением модой, желанием женщины выглядеть модно, эффектно и элегантно (злосчастная г-жа Арним, чьи злоключения не закончились на описанном: она теряет то свою шляпу, то стремяна, а в конце, уже сойдя с лошади, растягивается во весь рост в луже и становится посмешищем двора и всего города на целую неделю) и настоящей страстью, превратившейся уже в мироощущение. Настоящий поединок ведется не с претенциозной саксонской дамой, которая, по-видимому, не учитывает собственные возможности, а с запретами и завистью императрицы Елизаветы, не менее ловкой наездницы и любительницы имитировать мужское поведение.

Очень важна семантика одежды в приведенном эпизоде. Мотив костюма в принципе тесно связан с мотивом верховой езды. Элегантный мужской костюм Арним в сочетании с ее неловкостью и неуклюжестью воспринимается как карнавальным. Вынужденный выбор Екатериной “дамского” костюма, соответствующего принятой манере одеваться в таких случаях, и способа езды (платье-“амазонка”, дамское седло) говорят о воспринятом ею “другом” стиле женского поведения, успешно сочетающемся

с ловкостью и смелостью, от которых мемуаристка испытывает даже вопреки временной дистанции нескрываемое удовольствие (“я поехала вперед, а за мной кто мог, тот и успевал” [Екатерина II 1989: 305 (СРЗ)]. Страсть к верховой езде пробуждает в великой княгине присущее мужчинам, по тогдашним меркам, качество – инвенцию. Ее платья-”амазонки”, между прочим, сшитые только из добротной и дорогой шелковой материи (возможно, дань “женской” суетности), – чрезвычайно находчивый и оригинальный для своей эпохи “андрогиный” костюм, сочетавший видимость и благоприличие дамской модели одежды (включавшей в себя обязательное требование большей статики, даже когда речь шла об этом виде спортивного платья) с удобством и большей свободой мужской. Другая мелкая, но красноречивая деталь – количество этих самых платьев и постоянная необходимость в их частой смене, что даже вызывает удивление портного:

“... однажды, когда я возвращалась домой вся промокшая, я встретила своего портного, который мне сказал: “Как вы себя отделали; не удивляюсь, что едва успеваю шить амазонки и что у меня постоянно требуют новых”. Я носила их только из шелкового камлота; от дождя они садились, от солнца выгорали, а следовательно мне и нужны были все новые” [Екатерина II: 306 (СРЗ)].

Отношение к одежде (“от дождя они садились, от солнца выгорали”) выдает сущность повествовательницы. Ее небрежность скорее “мужская”: для нее важна функциональность, удобство платья. Количество вышедших из употребления амазонок не есть выражение суетности (хотя нотка самолюбования есть в описании голубой амазонки – материя, пуговички, шапочка – в эпизоде с г-жой Арним), а выражает ее стиль жизни: странный, динамичный, несвойственный знатной даме. Исключительное значение имеет тот факт, что костюм для верховой езды, предшественник современной юбки-брюк, – изобретение самой Екатерины; так же, как плодом ее воображения⁷ является другой, не менее важный для всадницы аксессуар – седло. Оно не менее “андрогино”, чем костюм:

“В это время я придумала себе седла, на которых можно было сидеть как угодно; они были с английским крючком и можно было перекидывать ногу, чтобы сидеть по-мужски <...> Когда спрашивали у берейторов, как я езжу, они отвечали: “на дамском седле, согласно с волей императрицы”; они не лгали; я перекидывала ногу только тогда, когда была уверена, что меня не выдадут, и так как я вовсе не хвасталась своей выдумкой и все были рады мне угодить, то я и не имела никаких неприятностей; великому князю было все равно, как я езжу; что касается берейторов, то они находили, что для меня менее риску ездить по-мужски, особенно гонясь постоянно на охоте, нежели на английском седле, которое они ненавидели, боясь всегда какого-нибудь несчастного случая, за который, может быть, их потом обвинят. По правде сказать, я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду; чем это упражнение было вольнее,⁸ тем оно было мне милее...” [Екатерина II 1989: 306-307 (СРЗ)].

Последовательно развернутый в автобиографии Екатерины II мотив амазонки символизирует отказ мемуаристки от соблюдения лишних, подчиненных предрассудкам и находящихся в противоречии со здравым смыслом общественных условностей (реакция егерей, доказывающая ее правоту), как и ее склонность к риску и необычное для тогдашней женщины деятельное “мужское” поведение, основанное на вызове, смелости, инвенции. Условная андрогиность амазонки предшествует амбиции великой княгини доказать себя во власти, символическое завоевание которой Екатерина совершит снова на коне, но на этот раз в настоящем мужском костюме.

Миф об амазонках занимает ведущее место в мифологии екатерининского правления. Знаменательно то, что символическое присутствие амазонок – знаковый сюжетный мотив в сценариях некоторых торжественных церемоний в екатерининскую

эпоху. Рядом с гендерно амбивалентным образом Минервы [см. Уортман 2002: 154]⁹ в коронационных торжествах, и прежде всего в программном маскараде “Торжествующая Минерва”, в сценариях многих праздников и написанных по их поводу литературных текстах присутствуют образы амазонок или же русские женщины ассоциируются с древними мифическими обительницами Скифии. Такую образность применяет в “Оде на великолепный карусель”¹⁰ (1766) поэт Василий Петров. Ода была написана по поводу придворного костюмированного праздника “карусель”, в котором также присутствуют аллегорические персонажи и есть определенный сценарий, полный символических посланий. В оде Петрова, представляющей значительный текст в истории одического жанра в русской поэзии, царица амазонок Пентезилея, видя, как “природные Российски дщери ... Оспорить тщатся лавр мужам” [Петров 1990: 174], сожалеет, что такие девы-воины не приняли участия в защите Иллиона; если бы в рядах троянцев находились бы подобные героини, то не удалась бы хитрость “Уликса и Диомида”, а Ахилл пал бы от рук прекрасного пола, и “Поднесь стояло б Трои царство / И гордый стен Пергамских вид” [Петров 1990: 175]. В праздниках, устроенных Потемкиным во время знаменитого путешествия Екатерины II по новоприсоединенным южным территориям и Крыму, последовательно проводятся ассоциации с мифом об амазонках [Зорин 2002: 95-122]. Русская императрица в компании австрийского императора была встречена ротой экзотически одетых амазонок, которые были носительницами скифской темы в историко-культурных ассоциациях, связанных с путешествием [там же: 110]. А. Зорин указывает, что, согласно древним мифам и “Истории” Геродота, именно Северное Причерноморье – земля амазонок, которые вступили в брак со скифами. С другой стороны, в официальной историографии того времени скифы воспринимались как прародители славян, соответственно русских [там же]. Такую же концепцию развивает сама Екатерина II в своем историческом труде “Записки касательно российской истории”, вышедшем в том же 1787 г., когда состоялось и ее путешествие в Тавриду. В нем она отмечает, что скифские женщины сражались наравне с мужчинами во время войны [там же]. Таким образом, миф об амазонке становится важной составляющей как в персональном мифе российской императрицы, так и в государственной мифологии Российской империи. Концептуальность топики, связанной с амазонкой в екатерининских мемуарах, является вариантом мифологии ее царствования и реализует один из главных компонентов персонального екатерининского мифа: сочетание “мужских” качеств характера и личности мемуаристки с ее женственностью, а также выявляют силу и твердость мемуаристки, презирающей предрассудки и утверждающей дорогие ее сердцу идеи и в первую очередь – о воспитании просвещенных и независимых женских личностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин “топика” употребляется в значении “общие повторяющиеся мотивы”, а не в смысле совокупности пространственных топосов.

2. Известно, что Екатерина знала хорошо “Библиотеку немецких романов” Николаи, но не проявляла интереса к первым произведениям своего великого современника Гете. Трудно предположить, что именно достигло до высочайшей читательницы, чьи интересы были все же более направлены на французскую литературу и, через ее посредство, на английскую. Комментируемый тип более характерен для литературы немецкого предромантизма, для произведений движения “Буря и натиск”, к которому, по всей видимости, пожилая уже российская императрица была безразлична. Так что немецкие сюжеты и мотивы в ее автобиографии – интересная и неразработанная тема, ждущая своего исследователя.

3. Например, Наталья из повести “Наталья, боярская дочь” Н.М.Карамзина, анонимная повесть “Русская амазонка” (о ней: Tosі 2002); житейская судьба и автобиография Надежды Дуровой и др.

4. Все цитаты из текста даются по этому изданию. Буквами в скобках отмечены разные его редакции: Б – редакция 1771 г., посвященная графине П.А.Брюс; Ч – редакция начала 90-х гг. XVIII века, посвященная барону А.Черкасову; СРЗ – Собственноручные записки императрицы Екатерины II, редакция 1793-1796 гг., опубликованная Герценом в 1858 г.

5. “который казался (судя по его портрету – А.В.) очень красивым мужчиной. Графиня говорила, глядя на него: “Если бы он не был моим мужем, то я любила бы его до безумия [Екатерина II 1989: 24 (Б)]. В этом случае производит впечатление применение характерного для XVIII века романного топоса невозможности любви в браке, который является одним из ведущих в автобиографии Екатерины II.

6. Сходные предрассудки “медицинского” характера были свойственны массовому сознанию даже во второй половине XIX в. Известный цензор А.В.Никитенко, комментируя в 1864 г. в своем дневнике новшества в поведении молодых современниц, отметил: “Эмансипаторы женщин требуют равенства ее с мужчиною... Женщине полагается ехать верхом только боком. И на то есть основательные физиологические причины” [Никитенко 1955, II: 423].

7. По-видимому, Екатерина II имела талант к сходным вещам, отражавшим оригинальность ее мышления. Хорошо известно, что для своих внуков Александра и Константина она придумала новый тип свободной детской одежды, которая не стесняла движений маленьких детей. Благодаря высокому общественному статусу “дизайнера”, они произвели небольшую “революцию” в моде для детей, которых до тех пор одевали как взрослых в неподходящие для их динамического возраста костюмы [см. Plavinskaia 2003]. Сохранены портреты маленьких великих князей Александра и Константина в таких костюмчиках, в которых реализовалось на практике восприятие новаторских тогда идей Ж.-Ж. Руссо о роли движения и игры в развитии детей.

8. Болгарскому читателю хорошо известен порыв амазонки к свободе по прекрасному одноименному стихотворению Елисаветы Багряны: “Вее утринна прохлада/ в моето лице – / аз съм млада, млада, млада / с огнено сърце. // Моят вихрен кон лети / бодро и безспир – / пред очите ми цъфти / неогледен мир...” [Багряна 1973: 32].

9. Автор подчеркивает, что гендерная амбивалентность была привнесена в образ российской императрицы еще в Петровскую эпоху в связи с личностью Екатерины I [Уортман 2002: 101], а позднее была продолжена и в образе Елизаветы Петровны. Метафорический образ Екатерины II – Минервы продолжает эту традицию в символике русской государственности. Юбилейные медали по случаю коронации изображали ее в виде вооруженной древнегреческой богини в шлеме и кольчуге. Популярными были также изображения Екатерины в мужском гвардейском мундире.

10. Благодарю Андрея Зорина за подсказку.

ЛИТЕРАТУРА

Багряна 1973 – *Багряна Е.* Амазонка. Избрана лирика. Т. 1. С., 1973.

Екатерина II 1989 – Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. Орбита, Моск. филиал, 1989.

Зорин 2002 – *Зорин А.Л.* “Кормя двуглавого орла...” Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2002.

Лотман 1994 – *Лотман Ю.М.* Две женщины // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

Никитенко 1955 – *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955, т. II.

Петров 1990 – *Петров В.П.* Ода на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года // Русская литература. Век XVIII. Т. 1. Лирика (Отв. ред. Н.Д. Кочеткова). М., 1990, с. 174.

Уортман 2002 – *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002, с. 154.

Badinter 1983 – *Badinter E.* Emilie, Emilie. L’ambition féminine au XVIII siècle. Paris, 1983.

Fauchery 1972 – *Fauchery P.* La destinée féminine dans le roman européen du 18e siècle: 1713 – 1807. Essai de gynécomythie romanesque. Paris, 1972.

Mme d'Épinay 1996 – Mme d'Épinay. *Les Conversations d'Emilie*. Texte présenté par R. Davison. *Studies on Voltaire & the Eighteenth Century*, t. 342, Oxford, Voltaire Foundation, 1996.

Plavinskaïa 2003 – *Plavinskaïa N.* Catherine II et le grand-duc Alexandre Pavlovitch: l'institution du prince russe au siècle des Lumières, in: *L'Institution du prince au XVIII siècle. Actes du VIII colloque franco-italien des sociétés française et italienne d'étude du XVIII siècle* (Grenoble, octobre 1999), édités par G. Luciani et C. Volpilhac-Augier, Centre International d'Étude du XVIII siècle Ferney-Voltaire, 2003, pp. 175-180.

Simmons 1980 – *Simmons S.* Héroïne ou figurante? La femme dans le roman du XVIII siècle en France. In: *Studies on Voltaire & Eighteenth Century*, N 193 (Transactions of the V Congress on the Enlightenment, t. IV), Oxford, Voltaire Foundation, 1980.

Tosi 2002 – *Tosi A.* L'amazone russe: les traits subversifs d'une héroïne sentimentale. In: *Revue des études Slaves*, T. 74, Fasc. 4 (Le sentimentalisme russe), Paris 2002 – 2003, pp. 819-834.

Димитрина Лесневска =====

ДЕЛОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Изучение деловой корреспонденции при обучении русскому языку в высшей и средней болгарской школе обеспечивает овладение деловым подъязыком в его письменной форме, что особенно важно в настоящий период международной интеграции, интернационализации и глобализации общественной жизни. Интернет максимально облегчает осуществление коммуникации: сейчас можно вести деловую переписку, не выходя из кабинета. С увеличением возможностей прямого общения, деловая корреспонденция (далее ДК) не утратила своего значения. Наоборот, еще больше укрепилась главная функция делового письма: фиксировать служебные положения, кодифицировать правовые установки, быть необходимым документом при осуществлении деловых связей, переговорах, заключении контрактов и дипломатических конвенций.

В настоящий период русская и болгарская ДК находятся на этапе ускоренного развития, синхронизации и гармонизации отечественных деловых стандартов с ведущими западными стандартами (американским, английским, общеевропейским): утвердившиеся жанры ДК обновляются и обогащаются, появляются **новые жанры и жанровые разновидности**, заимствованные из американской / европейской практики. Так, традиционный жанр *автобиография* получил свое дальнейшее развитие в принятии новой общей европейской структуры в марте 2002 г. в Брюсселе: *Общего европейского формата автобиографии (CV)*, в связи с чем в болгарском и российском делопроизводстве начинают утверждаться современные модели *профессиональной автобиографии (curriculum vitae)* – новые для нас жанровые разновидности автобиографии. К документам для поступления на работу, к которым относится вышеупомянутая *автобиография*, сейчас необходимо приложить и т. наз. *мотивационное письмо – "новый"* для нас жанр письма. Другими новыми жанрами ДК в нашей практике являются *письма, связанные с благотворительностью и спонсированием, меморандумы* во внутриведомственной практике и др.

Особенно чутко на перемены в экономике (установление рыночной экономики в Болгарии и РФ) реагируют коммерческие письма. Так, в русской и болгарской коммерческой корреспонденции (ТК) появились такие новые жанры, как *рекламные письма, рекомендательные письма, специальные письма "доброй воли"*, письма, связанные с *агентскими услугами*, и др.

Осуществление деловых связей в основном через Интернет требует практических знаний основных структурных моделей деловых писем, свободного владения речевыми штампами, характерными для болгарского / русского / английского и др. деловых подъязыков. Поэтому в современную эпоху глобализации изучению ДК при обучении иностранным языкам придается большое значение.

ДК составляет письменную форму административно-канцелярского подстиля ОДС, устной формой которого является устная деловая речь. В рамки ОДС входят также законодательный и дипломатический подстили.

Характерной особенностью ОДС по сравнению с другими функциональными стилями (научным, публицистическим, художественным, разговорным) является его

прямая связь с экстралингвистическими факторами. Именно эта зависимость обусловила настоящее обновление и расширение ОДС в рамках русского и болгарского языков.

ОДС характеризуется такими основными стилевыми чертами, как официальность, безличность, стандартность, императивность, безэмоциональность, предписующе-долженствующий характер изложения. В качестве ядра ОДС выделяются правовые документы – законы и договоры. Для ОДС характерна неоднородность, проявляющаяся во внутренней стилевой дифференциации, наличии большого жанрового разнообразия, причем конкретный жанр имеет относительную самостоятельность как в структурно-композиционной форме, так и в смысловом содержании. Так, канцелярская речь отличается большей конкретностью и более личным характером по сравнению с законодательными актами.

Среди других функциональных стилей ОДС отличается также качественным признаком гибридности (наличием возможности его смешения / диффузии / слияния с другими стилями), который имеет место на периферии ОДС (напр., смешение с публицистическим подстилем в *посланиях* дипломатического подстиля и *рекламных письмах* в коммерческой переписке; приобретение некоторых черт разговорного стиля в деловых письмах полуоличного характера и частных письмах официального характера, в частности в *поздравлениях, приглашениях, соболезнованиях*).

ДК занимает периферию ОДС, что предполагает более слабое выражение основных стилевых черт. Характерными вторичными стилевыми чертами ДК являются конкретность, официальность, лаконичность, повышенная этикетность. Стиль ДК ясный, четкий; используются формулы вежливости. Часть ДК (жанр писем) входит в рамки эпистолярного подстиля – периферийного подстиля, характеризующегося разностилевыми чертами и переходными явлениями. Качественный признак "этикетность" деловых писем (в том числе коммерческих) обусловлен именно эпистолярным подстилем [Лесневска 2002].

Вышеупомянутая гибридность особенно ярко проявляется в жанре деловых писем в связи с диффузией ОДС и эпистолярного подстиля. Так, *рекламные письма* отличаются такими нерелевантными для ОДС качественными признаками, как отсутствие стандартности и наличие субъективной оценочности. Данные признаки обусловлены экстралингвистическим (коммуникативным) фактором целей общения *рекламных писем* – убеждения, привлечения внимания.

Другим образцом диффузии ОДС и эпистолярного подстиля являются *поздравительные письма*, для которых характерна эмоциональность и субъективная оценочность.

Своеобразие ДК, которое необходимо учитывать при обучении, состоит в следующих основных характеристиках:

- жанры и жанровые разновидности ДК имеют свою собственную структуру и свой набор реквизитов;
- отдельные жанры и жанровые разновидности ДК характеризуются специфическими устойчивыми выражениями и речевыми клише;
- переходные явления (совмещение стилистических черт делового стиля с другими стилями) имеют место в определенных жанрах ДК (деловые письма полуоличного характера, рекламные письма и др.); диффузия делового стиля с другими функциональными стилями проявляется на лексическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом языковых уровнях.

При изучении русской ДК в рамках обучения русскому языку обязательным, на наш взгляд, является сопоставительный принцип преподнесения учебного материала: необходимо сопоставлять русские и болгарские структурные модели писем, наборы

реквизитов, речевые штампы. Стандартизация формы и содержания способствует эффективному сопоставительному анализу русских и болгарских деловых писем, причем нужно учитывать тесную близость русского и болгарского государственных деловых стандартов. Учет родного языка необходим для того, чтобы разграничить составление деловых писем на русском языке: использовать положительную интерференцию и избежать отрицательной интерференции.

При преподавании материала, связанного с ДК, нужно исходить прежде всего из жанровой принадлежности данного делового письма, поскольку именно конкретный текст воплощается в уникальной структурной модели и реализуется посредством специфического комплекта реквизитов и устойчивых выражений.

Будучи письменной формой административно-канцелярского подстиля ОДС, ДК охватывает подъязык административных и хозяйственно-правовых документов. Ввиду жанрового многообразия моделей деловых писем в основе их типологии лежат различные подходы к их классификации.

В зависимости от характера сферы общения ДК подразделяется на следующие жанровые стили (термин Г.Я. Солганик [Солганик 1997: 172]):

- административная корреспонденция;
- коммерческая корреспонденция;
- корреспонденция в сфере туризма;
- дипломатическая корреспонденция (только эпистолярная форма).

Необходимо учитывать, что дипломатическая корреспонденция, являясь одним из элементов гибридного эпистолярного подстиля наряду с другими жанрами писем (деловых, коммерческих), примыкает к дипломатическому подстилю ОДС.

В свою очередь вышеуказанные жанровые стили подразделяются по тематическому признаку на жанровые подстили.

Так, административная корреспонденция подразделяется на следующие жанровые подстили:

- деловые письма общего характера;
- документы для поступления на работу;
- внутриведомственная корреспонденция.

К бизнескорреспонденции относятся следующие жанровые подстили:

- простые коммерческие письма;
- коммерческие документы-письма;
- финансовые документы (различные формы платежей);
- юридические документы (условно выделяемый тип документов в рамках торговой деятельности – *договоры, контракты*, – примыкающий к законодательному подстилю ОДС);

- торговые документы, сопровождающие товар;
- бухгалтерские документы.

Корреспонденция в сфере туризма состоит из деловых писем общего характера в области туризма, писем-документов, финансовых и юридических документов.

К дипломатической переписке относятся личные и вербальные ноты, памятные записки, меморандумы, телеграммы глав государств / правительств, верительные и отзывные грамоты, Non rarer, частные письма полуофициального характера.

В зависимости от функции деловые письма подразделяются на инициативные письма и письма-ответы.

В зависимости от числа адресатов деловые письма бывают обычными (предназначенные одному адресату / получателю) или циркуляционными (предназначенные многим адресатам).

Самыми распространенными жанровыми подстилями ДК являются деловые письма общего характера и простые коммерческие письма.

В зависимости от повода написания и коммуникативной задачи, стоящей перед автором письма, выделяются следующие жанры деловых писем общего характера: информационное письмо, письмо для выражения просьбы, благодарственное письмо, приглашение, извинение, поздравление, подтверждение, препроводительное (сопроводительное) письмо, напоминательное письмо, письмо для выражения сочувствия, письмо для выражения соболезнований.

В зависимости от содержания речевой ситуации деловые письма общего характера входят в следующие тематические группы:

- деловые встречи;
- установление / восстановление / поддержание деловых контактов и связей;
- резервирование (бронь);
- благотворительность;
- спонсирование.

Простые коммерческие письма – это деловые письма общего характера в сфере торговой деятельности. Они подразделяются в зависимости от повода написания на перечисленные выше жанры: письмо-сообщение, письмо-просьба, свободный запрос, письмо-благодарность, препроводительное письмо, письмо-подтверждение, письмо-поздравление / пожелание / извинение / сочувствие / соболезнование / напоминание.

Простые коммерческие письма отличаются от коммерческих документов-писем тем, что они не имеют юридической силы, в то время как коммерческие документы-письма (конкретный запрос, оферта, заказ, рекламация, ответ на запрос, ответ на заказ, ответ на рекламацию) исполняют роль документов при заключении сделки и обладают юридической силой.

Существует большое разнообразие тематических групп и жанровых разновидностей простых коммерческих писем. Так, простые коммерческие письма-сообщения оформляют такие тематические группы, как учреждение фирмы, наем помещения, установление контактов, развитие сотрудничества, восстановление прежних связей, бронирование мест в гостинице, отношения с сотрудниками / коллегами / партнерами, изменение цен, просроченные платежи, назначение новых сотрудников / нового директора, гостеприимство и др.

Особый интерес представляют собой простые коммерческие письма по контракту (предконтрактная, контрактная и постконтрактная переписка), связанные с различными этапами исполнения сделки. Здесь выделяются следующие тематические группы:

- реклама / промоция (рекламное письмо);
- агентские услуги;
- рекомендации (рекомендательное письмо);
- количество и качество товара;
- цена;
- упаковка и маркировка;
- поставка товаров;
- транспорт (экспедиция товаров);
- виды оплаты;
- страхование;
- гарантии (гарантийное письмо).

При ознакомлении учащихся с деловыми письмами необходимо начать с изучения общей структурной схемы делового письма и набора его обязательных реквизитов.

Типология структурных схем и общее оформление ДК (набор необходимых реквизитов) определены государственными стандартами Болгарии и РФ.

Болгарское и русское деловое / коммерческое письмо имеет следующие общие реквизиты (необходимые компоненты):

1. Адрес отправителя (адресант);
2. Адрес получателя (адресат) /внутренний адрес/;
3. Регистрационные индексы:
 - а) индекс / номер и дата составления исходящего письма (Наш знак);
 - б) индекс / номер и дата письма, на которое отвечают (Ваш знак);
4. Аннотация (Краткое указание на содержание письма);
5. Обращение;
6. Текст;
7. Приложение; Копия;
8. Формула вежливости;
9. Должность составителя. Личная подпись. Инициалы и фамилия составителя.

При преподавании русской ДК необходимо учитывать изменения, которые были утверждены новым российским ГОСТ-ом:

- а) адресат расположен на правой половине бланка;
- б) инициалы имен ставятся перед фамилией;
- в) приложение расположено перед формулой вежливости и подписью;
- г) должность, личная подпись и имя составителя расположены последовательно на нижнем ряду.

При ознакомлении болгарских студентов со структурой русского делового письма необходимо сделать акцент на следующие "трудные" моменты:

- а) в *адресанте* и *адресате*:
 - написание названий улиц: болг. ул. "*Чехов*", ул. "*Славянска*"; рус. ул. *Чехова*, *проспект Калинина*, *шоссе Энтузиастов*, ул. *1 мая*, ул. *Октябрьской революции* (улица / шоссе кого?, чего? – род. пад.); но *Невский проспект*, ул. *Железнодорожная*, ул. *Заводская*, *Бронницкое шоссе*, ул. *Фабричная*, ул. *Вокзальная* (проспект какой?, улица какая? – им. пад.);
 - склонение мужских и женских собственных имен (дат. пад.: *Н.П. Петрову*; *П.Р. Федоровой*);
- б) в *аннотации* возможны варианты: *Касательно (Кас.) рекламации* (род.пад.); *О заказе* (предл.пад.); формулировка аннотации должна быть краткой и ясной, а не пересказом содержания;
- в) *обращение* пишется на отдельной строке; если имя указано, в *адресате* возможны два варианта:
 - официальное обращение *Уважаемый/-ая Г-н / Г-жа* + фамилия: *Уважаемый Г-н (Господин) Иванов*; *Уважаемая Г-жа (Госпожа) Иванова*;
 - менее официальное обращение *Уважаемый/-ая* + имя, отчество: *Уважаемый Иван Петрович*; *Уважаемая Татьяна Федоровна*; если имя не указано, в *адресате* пишется *Уважаемые Господа*; обращение выделяется восклицательным знаком или запятой и расположено на отдельной строке;
- г) *текст* письма состоит из введения, изложения и заключения, которые начинаются с новой строки;
- д) *приложение* имеет несколько вариантов:
 - при указании в тексте: *Приложение: согласно тексту*;
 - при приложении только одного материала: *Приложение: Каталог*;
 - при приложении нескольких материалов:
Приложение: 1. Каталог; 2. Прейскурант; 3.

При преподавании ДК необходимо рассматривать инициативные письма параллельно с письмами-ответами, имеющими свои особенности в общей структурной схеме.

При изучении композиционной модели делового письма-ответа необходимо обратить внимание на обязательное заполнение *Вашего знака*, состоящего из регистрационного индекса (входящего номера) письма, на которое отвечают, и даты его составления: рус. *На № 6553А от 21.11.2005*; болг. *Ваш №32/ 11.12.2005*.

Текст делового письма-ответа начинается с обязательного упоминания получения письма: рус. *В ответ на Ваше письмо от 5 мая 2005 г.*; *В ответ на Ваше письмо от 5 мая с.г.*; болг. *В отговор на Вашето писмо от 5 май 2005 г.*; *В отговор на Вашето писмо от 5 май т.г.*

Нужно обратить внимание на возможное употребление при указании даты канцеляризма в форме аббревиатуры: *с.г. (сега года)* – болг. экв. *т.г. (тази година)*.

Важно также подчеркнуть, что при указании времени составления документа на русском языке используется предлог *от* + род. пад., напр.: *рекламация от 5.09.2005 г.*; *письмо от 7 декабря* и т.п.

Письмо-ответ обычно имеет несколько вариантов: согласие, отказ, уточнение условий, предъявление требований (определенных условий) и т.п. Так, письмо-ответ на просьбу о спонсировании имеет несколько вариантов:

- подтверждение спонсирования;
- отклонение спонсирования;
- подтверждение спонсирования при определенных условиях.

Особой значимостью обладает письмо-ответ при коммерческих документах-письмах. Так, ответ на оферту имеет три возможных варианта, каждый из которых обладает своей спецификой в композиции:

- принятие оферты (акцепт);
- уточнение условий оферты (контроферта);
- отказ от оферты.

Установлены три ответа на рекламацию (претензию):

- принятие претензии;
- отклонение претензии (необходимо перечислить мотивы отказа);
- частичное отклонение претензии.

Высокая стандартизованность и регламентированность текстов ДК позволяет установить определенный запас языковых средств (слов /терминов/, выражений, конструкций), составить перечень композиционных моделей – образцов деловых писем, знание которых максимально облегчило бы ведение деловой переписки [Самуэльян 2000].

В современную эпоху глобализации и интернационализации общественной жизни владение деловым иностранным языком, умение вести деловую переписку на иностранном языке имеют важное значение для профессиональной реализации современной личности.

ЛИТЕРАТУРА

Лесневска 2002 – *Лесневска Д.С. Търговска кореспонденция на руски и български език. С., 2002.*

Самуэльян 2000 – *Самуэльян Н.А. Настольная книга секретаря-референта. М., 2000.*

Солганик 1997 – *Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.*

Сун Яньсуй
(Китай)

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ «ОБРАЗОВ МНОЖЕСТВА» И ПРИЧИНЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

В современном русском языке в силу своей всевозрастающей значимости в языковой действительности довольно широкое распространение нашли генитивные конструкции со стержневыми словами, метафоризирующими значение множества: *армия строителей, бездна лет, воз новостей, ворох проблем, гора лжи, легион друзей, море фейерверков, океан голов, пропасть денег, шквал страстей, калейдоскоп мыслей, волна дум* и др. Характерными чертами этих конструкций является своеобразие семантико-грамматических отношений, фразеологическое единство составляющих их компонентов, определенная структура, экспрессивно-стилистическая окраска. Подобные конструкции широко представлены в художественном и публицистическом стилях, а также в разговорной речи как средства выразительно-образного изображения.

Как одна из структурно-семантических разновидностей именных метафорических сочетаний эти генитивные конструкции представляют собой один из продуктивных способов выражения метафорического множества в языке и речи. А реализация этого количественного значения есть не что иное, как результат пережитого употребления лексических значений стержневых слов данных конструкций. И, следовательно, значения метафорического множества стержневых слов анализируемых генитивных конструкций являются производными, выступают как относительные по отношению к их номинативным значениям; стержневые слова отличаются семантической несамостоятельностью, неспособностью к абсолютному употреблению в переносном значении и обязательной сочетаемостью с названием определенной субстанции в родительном падеже, выполняющим функцию слова-актуализатора. Отражая специфику избранного подхода к изучению этих стержневых слов, лингвисты по-разному их называют. В языке одних лингвистов – это слова со значением «неопределенной множественности», в представлении других – это «существительные с количественным значением», третьи именуют такие единицы «образами множества». В статье мы также будем называть эти стержневые слова «образами множества».

Не ставя своей задачей рассмотрение всех специфических особенностей вышеупомянутых генитивных конструкций в целом, о них вдаваться в подробности мы и не будем.

Статья посвящена систематизации типичных ошибок китайских студентов-русистов при употреблении «образов множества», а также анализу основных причин их возникновения, причем преимущественно тем случаям языкового употребления, где наблюдаются типичные отклонения от нормы. Проблема нарушения языковой нормы нерусским студентам-русистам представляется в ином свете, чем эту проблему видят носители русского языка, что особенно существенно для обучения русскому языку иностранцев-русистов. Кроме того, нарушения нормы иностранцами-русистами разнообразны и мало освещены. Так что истолкование и типологизация ошибок при употреблении «образов множества» представляет известный интерес.

В своей русскоязычной деятельности китайские студенты-русисты нередко встречаются генитивные конструкции со значением метафорического множества, и такие выражения, собственно говоря, они хорошо чувствуют и понимают. Но когда они сами используют такие словосочетания, то зачастую допускают ошибки. Так, например, у них появляются такие неуместные словосочетания, как **плеяда машин*,

**вереница творчества, *поток атак, *гора покупателей, *клубок надежд, *полчище ученых* и т.д. Эти и подобные ошибки во многом объясняются незнанием и слабым усвоением семантики «образов множества», их лексической сочетаемости, экспрессивно-стилистической окраски. А неверное употребление «образов множества», к сожалению, делает речь иностранца непонятной, неграмотной. Такое употребление искажает смысл высказывания и мешает как письменному, так и устному общению. Поэтому борьба с ошибками при употреблении «образов множества» является одной из актуальных задач при обучении русскому языку как иностранному.

В свете вышеизложенного проанализируем типичные ошибки, вызываемые нарушением как внутренней валентности (в самой данной генитивной конструкции), так и внешней валентности (в составе предложения).

1. Ошибки, вызванные неточным знанием или слабым усвоением семантики «образов множества»

Студенты-русисты часто пишут: **армия нефти* вместо *море нефти*, **легион песку* вместо *гора песку*, **полчище снегу* вместо *пропасть снегу*, **поток забастовок* вместо *волна забастовок* и т.д. Вследствие этого у них появляются и неуместные предложения:

*Вот здорово! *Выпала армия снегу;*

**Сильный ветер в пустыне смел легион песку;*

**Поток бунта откатывался в тишину.*

В таких случаях говорят об употреблении «образов множества» без учета их семантики. А это объясняется тем, что неисчисляемые существительные (*нефть, песок, снег* и др.) обозначают количество измеримое, а не исчисляемое, тогда как в структуре номинативных значений слов *армия, легион, полчище* и др. содержатся компоненты «определенное количество», «исчисляемые элементы». И именно последние ограничивают лексические связи данных слов с названиями неисчисляемых объектов.

Подобные ошибки мы заметили и в таких словосочетаниях, как **клубок надежд, *калейдоскоп искусства, *поток поддержки* и др.

2. Ошибки, связанные с нарушением категории числа «образов множества», а также с нарушением категории одушевленности / неодушевленности их зависимых элементов

Как одна из лексических подсистем «образы множества» имеют категорию числа. Большинство из них используется в формах единственного и множественного числа, выражая соответственно совокупное или раздельное множество. Однако такие слова, как *бездна, гибель, пропасть, тьма, уйма* и др., употребляются только в форме единственного числа. Первые два слова вообще не имеют множественного числа. В значении метафорического множества в словах *пропасть, тьма, уйма* ослабляется предметное значение, вследствие чего развивается значительная отвлеченность и утрачивается форма множественного числа. У студентов-русистов нередко встречаются такие неуместные сочетания, как **гибели птиц, *пропасти денег, *бездны цветов, *уймы дел, *тьмы грибов* и др. Неправильно поэтому:

**Я занят по горло, у меня тьмы хлопот;*

**С утра накололи уже пропасти дров;*

**У деда моего денег гибели и под.*

Попутно нужно сказать, что одни «образы множества» употребляются как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, а другие – либо только с одушевленными, либо только с неодушевленными. Ошибкой является использование сочетаний **гора покупателей* вместо *куча покупателей*, **плеяда машин* вместо *бездна машин*, **созвездие фильмов* вместо *галерея фильмов* и др. Неправильно поэтому:

**Целая плеяда легковых машин новых марок будет выпущена заводом в этой пятилетке;*

**В праздничные дни в парках горы людей, яблоку негде упасть.*

3. Ошибки, возникающие при сочетании «образов множества» с

глаголами в составе предложения

Как уже было сказано, на уровне словосочетания большая часть «образов множества» может свободно сочетаться с существительными в позиции генитива. Однако на уровне предложения их сочетаемость часто обуславливается разными причинами, в частности семантикой глаголов. Проиллюстрируем это примерами:

**Над всей Европой нависло море гитлеровских полчищ;*

**Под солнцем живая, празднично пестрая армия людей льется.*

Здесь ошибкой является использование сочетаний **нависло море*, **армия льется*. Слова *море*, *армия* семантически несовместимы с глаголами соответственно *нависнуть*, *литься*. С последними грамматически и семантически связаны слова *туча*, *река*. Поэтому правильно будет:

Над всей Европой нависла туча гитлеровских полчищ;

Под солнцем живая, празднично пестрая река людей льется.

4. Ошибки, возникающие в результате незнания экспрессивно-стилистической окраски «образов множества»

Как известно, такие слова, как *банда*, *полчище*, *сборище*, *сброд*, *свора*, *скопище*, *шайка* и др., выражают резко отрицательную оценку и сочетаются, за редким исключением, с экспрессивными существительными с негативной семантикой. Студенты-русисты, однако, не вникая в эту экспрессивно-стилистическую особенность, строят сочетания типа **полчище учителей* вместо *море учителей*, **свора гостей* вместо *легион гостей*, **скопище танцующих* вместо *куча танцующих*. Такие сочетания в русском языке недопустимы. Неправильно поэтому:

**Гости шли со сворой сопровождающих;*

**У входа в театр толпились полчища зрителей.*

Разумеется, встречаются и сочетания *полчище облаков*, *полчище отглагольных существительных*, *полчище деревьев* и др. При этом слово *полчище* не выражает негативную оценку или несет в себе не очень явную негативную оценку.

Кроме того, в речи студентов-русистов нередко возникают ошибки из-за немотивированного использования «образов множества» в сочетаниях со словами высокого стиля: **море премьер-министров*, **куча членов ЦК*, **бездна командующих* и т.п. Как правило, названия лиц, обозначающие высокие государственные, политические и военные должности, реально не образуют совокупности со значением «неисчислимое множество», поэтому и не вступают в лексические связи с «образами множества».

Итак, на всех уровнях языковой системы существуют свои нормы, обязательные для всех владеющих данным литературным языком. Владение нормой употребления «образов множества» в русском языке, безусловно, обязательно и для китайских студентов-русистов. Вот почему в статье мы подробно остановились на типичных для них ошибках при употреблении «образов множества». Думается, что это, несомненно, поможет им в изучении русского языка как иностранного и будет способствовать усовершенствованию их знаний, умений и навыков в письменной и устной речи.

Я.М. Бендерский =====

(Израиль)

«ПЕРСТАМИ ЛЕГКИМИ КАК СОН...»

Вопрос: *Как ты понимаешь строчки Пушкина*

«Восстань, восстань, пророк России,

В позорны ризы облекись...»?

Ответ: *Восстань, истина, и посмотри на бедную Россию!*

Даже самое мимолетное упоминание о теме, легчайшее прикосновение к ее бледно-розовому нежному телу, малейший намек или тишайшее проговаривание-проборматывание наполняют русскую душу сладким нектаром и божественной амброзией. Посвященная в таинство душа взмывает в горние выси, подхваченная крылатыми конями Пегаса, и опускается на высоком Парнасе, где журчат священные источники Гиппокрены. Наслаждайся, душа, пением девяти Муз. И тело твоё поет, играет каждая жилка, трепещет каждая струнка, ты дышишь полной грудью.

Все говорит о том, что сегодня мы осмелились говорить о Поэзии.

Русская культурная традиция именно так, с трепетом и придыханием, с дрожью и состраданием, следуя высоким античным терминам и героическим образцам, повелевает говорить о поэтическом творчестве. Неизъяснимо высоко возносит молва (или толпа) поэтов – небожителей, помещая их на светлом Олимпе, где раздаются звуки кифар и юные богини ведут светлые хороводы. На Земле, по слухам, восторженные почитатели помещают поэтов в чистейший Храм, Башню из слоновой кости, герметически замкнутую сферу, откуда им так легко изливать на головы презренной черни и гармоничные звуки, и пророческие молнии, и праведный гнев:

Печной горшок тебе дороже,

Ты пищу в нем себе варишь.

Образованный русский человек, как предписывает литературная традиция, отмечает всякое важное событие жизни утвержденной для этой цели, отлаженной веками гладкой цитатой. Более того, многие и воспринимают саму реальность только сквозь знакомые знаковые строки, которые выявляют событие, освящают его, осеняют поэтическим крестом и вводят в поэтический ряд. К месту подобрали и научную подпорку, подтверждающую мысль: «Во всех случаях нельзя не обратить внимание на значение высказываний, которые можно назвать валидными, то есть ценностными для социума. Пушкинские валидные высказывания формируют национальное мировосприятие и восприятие современных событий, дают название эмоциональным переживаниям человека и ментальным актам» [Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004].

Вот как, к примеру, наступает зима для русского сознания:

Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Так вот, хоть наш дух и вознесся на поэтические вершины, но вот презренное тело не может закрыть глаза на досадные мелочи. Опустимся на грешную землю и заглянем в обычный класс, где идет урок по поэзии Александра Сергеевича.

Не встречались ли вы, мои милые любознательные читатели, с учеником, сердце которого не было поражено острой стрелой поэтического восторга, так как было прочно защищено другими обычными делами. Того, кто лишь мирно пасса на школьной площадке, щипал травку, насаженную Минпросом, и проходил программу по разделу «поэзия». Если не встречались, то значит Бог вас миловал. Вы не смогли поговорить с ним о явно несъедобном предмете, не были убиты произнесенными словами и остались при своем твердом убеждении о хороших традициях русской школы.

Реплика в сторону.

На уровне бытового иврита слова *стихотворение* и *песня* – это одно и то же слово *шир*. Ученики, даже сохранившие русский язык как родной, совершенно не чувствуют никакой разницы между плоской современной эстрадной песенкой и великим поэтическим творением. Ведь ясно сказано: и то, и другое – шир.

Если отнести данное замечание к обычной русской школе, то разница между этими понятиями пока еще видна, хотя зазор ничтожен – слова-то ведь разные. Но в последние годы ситуация здесь так быстро и резко меняется, что и разница в словах не поможет. Иди потом доказывай, что между песенным шлягером и балладой Лермонтова, между поэтом-песенником Таничем и просто поэтом Мандельштамом – непроходимая пропасть.

Таким образом, перед серьезным учителем словесности встает многотрудная тонкая и даже неподъемная задача – сохранить понимание поэзии.

Разные уровни восприятия связаны с иерархией понятий: текст – контекст – подтекст – метатекст. Начиная разговор о поэзии, следует ввести еще один уровень, еще одно важное для нас понятие – интертекст. Зачем, – не преминет спросить критически настроенный читатель, – зачем усложнять и без того громоздкую структуру? Что скрывается за этим понятием?

Для русского поэтического сознания знакомство с новым поэтическим творением – это прежде всего пробуждение памяти, вспышка ассоциаций, игра сравнений с прежними знакомыми лирическими строфами, подсознательный подсчет плюсов и минусов. Каждое новое поэтическое имя вписывается в незыблемый ряд: в русле поэтов «серебряного века», женская поэзия, что-то наподобие Бродского... То есть для нас не бывает поэтов в себе, самодостаточных и обособленных от поэтического цеха, – они все в плотном строю, на отведенной им полке.

Если вы согласны с данным спорным утверждением, то должны согласиться и со следующим горьким, но бесспорным – ученики еще не успели выработать такой интертекстовой сети. Любое стихотворение для них уникально и единично.

Значит, огромная и сложная задача понимания поэтического текста усугубляется еще одним камнем преткновения – невозможностью сравнивать. Мы можем только вздохнуть по тем забытым временам, когда дети еще сами что-то читали и не требовалось дополнительных усилий для создания интертекстовой связи.

Если свести наши размышления и сетования к краткому резюме, то не нужно быть пророком, чтобы предсказать: мы присутствуем при агонии поэтического понимания поэзии. Перед нами последнее поколение, которое без страха и сожаления закроет глаза ушедшему поэтическому веку. «Закат поэзии» – так вскоре будет названа большая научная монография. Может быть, она уже и пишется?

Если подойти к вопросу практически, то, вероятно, процесс еще не зашел так далеко, еще есть время выработать единую программу, методическую установку, но это следует сделать экстренно и безошибочно.

Не низводя очи долу, не проклиная торопливое время, не перекладывая ни на кого вину, нам следует смиренно и терпеливо зачинать новые традиции чтения и понимания поэзии. Начинать обучение поэтической технике (метафор, сравнений, рифмы, ритма, размера и т.д.), анализу поэтического синтаксиса, инверсий, пониманию поэтической лексики и прочее.

А теперь, не касаясь фундаментальных теоретических основ, забыв о грозных пророчествах и грядущих катаклизмах, обратимся к одному поразительному примеру, случившемуся на уроке литературы. Думается, что тот урок «смеховой терапии» наглядно показал – можно еще исправить положение. Не панацея, не универсальное средство, а только случай дал возможность увидеть свет в конце тоннеля. Для этого пригодилось странное, редко употребляемое воспитательное средство – смех. Очищающий, просветляющий, после него у одного открываются глаза, у другого замирает сердце и горят от стыда уши. А для третьего это повод вернуться и прочитать.

После начальной серии уроков по пушкинской лирике были подготовлены контрольные вопросы, которые должны были определить уровень понимания классом различных сторон поэзии Пушкина. Все казалось предельно просто.

Реплика в сторону.

Я уже 30 с лишним лет работаю в школе. Случались у меня разные уроки: шаблонные, унылые, откровенно слабые, неожиданно сильные, игровые, душевные, волнующие, запоминающиеся, прощальные..., но такого урока откровения, как урок разбора контрольных по лирике Пушкина, не было никогда. Я видел понимающие, смеющиеся, взволнованные, живые лица. Главное: каждое слово смаковалось, боялись пропустить любую реплику, все било наотмашь и попадало в точку; мы говорили на одном языке – жаль только, что общим для нас оказался язык ошибок, нелепостей и анекдотичных выражений. Я зачитывал классу только то, что они сами написали.

В конце концов я вынужден был прекратить урок, так как класс лежал на столах от смеха, особо эмоциональные упали под столы, задыхаясь от хохота. Ни одной фамилии не называлось, но почему-то каждая фраза сразу находила автора.

Такого удовольствия я им больше не доставлял, слишком сильным оказалось лекарство, но даже сегодня, спустя два года, мы постоянно возвращаемся к приятным воспоминаниям. И вот теперь, с согласия моих невольных соавторов, учеников 11-го класса, предлагаю несколько примеров. Не смеха единого ради, а ...

Задание первое

Приведено несколько отрывков неизвестных поэтов. Один из отрывков принадлежит перу великого А.С. Пушкина, остальные написаны поэтами пушкинской поры. Нужно найти пушкинский отрывок и объяснить, на основании чего сделан такой вывод?

* * *

*Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей.
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!*

* * *

Есть в светлости осенних вечеров

*Умильная таинственная прелесть.
Зловещий блеск и пестрота деревьев
Багряных листьев томный, легкий шелест.*

* * *

*Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине,
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным.*

В результате абсолютное большинство отвечающих не то чтобы не нашли заданный отрывок, они его просто не искали, так как не представляли себе, что может быть другой поэт, который смеет писать так, как Александр Сергеевич. И если перед тобой стихотворение под названием «Осенний вечер», ясно, что оно и есть искомое – Пушкин ведь так любил осень. Вторая часть вопроса и вовсе повисла в воздухе, потому что не требуется никаких доказательств. Пушкин, по определению, выше любого поэта! Вот дословные образцы ответов:

– Обычно Пушкин описывает природу, а также погоду тех мест, в которых он находится. Ему всегда удается передать изюминку тех мест, где он находится. Во всех его стихотворениях описываются прелести мира, и в некоторых они сравниваются с природой.

– Это стихотворение несет в себе какое-то оптимистическое пушкинское настроение. Набор слов очень соответствует его писаниям.

– Пушкин любил осень, а это бывает не так уж часто. Здесь он олицетворяет осень.

Задание второе

Какое из данных стихотворений Пушкина тебе больше всего понравилось?

– Больше всех из этих замечательных стихотворений мне понравилось «В глуши во мраке заточенья». В этих строчках описывается страдание о том, что поэт в унынье. Он хочет вырваться из плена, но не может.

– Мне понравилось «Пора, мой друг, пора». Поэт чувствует, что он устарел и вспоминает, как в расцвете молодости изливал грядущую славу. Пушкин – умный, образованный человек, который пишет чудесные рассказы. Рассказывает о жизни людей, и в культуре ему отвели немаловажную роль.

Задание третье

Как ты понимаешь данные отрывки из стихотворений Пушкина?

*Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он;
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

– Тот, кто ты думаешь, относится к тебе с уважением, но может сделать тебе очень плохо.

– Пальцами легкими как сон моих глаз коснулся он – и выпали бедные глаза.

– Прикосновение к глазам вызывает испуг пронзительных глаз.

*Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом –
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родись ты вдруг.*

- Это означает – находясь в шуме, закричи сам.
- Во всяком звуке или шелесте в воздухе есть что-то твое, частичка тебя.
- О том, как звук может вызвать в голове образ нового стиха.
- Поэтам часто не разрешают, не дают писать. А если он что-то и пишет, то приходится скрывать.
- В этом отрывке поэт говорит, что если ты свободная душа, то у тебя есть на все свое мнение.
- Мне кажется, что здесь описывается сцена родов.

*Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянно бряцал...*

- Как поэт пишет стихи, когда он вдохновлен этим делом. У него есть мысль, он прямо весь горит этим желанием.
- Поэта что-то подтолкнуло на написание стихотворения, и он не ожидал от себя такого напора чувств и эмоций.
- Вдохновенный поэт что-то пишет. Но пишет он чисто наброски.

Можете себе только представить, какие неожиданные ассоциации, какие бурные эмоции вызвали у моей аудитории другие отрывки. Ответы на них я опускаю, потому что они годятся скорее для театра абсурда, чем для анализа. Но вы вообразите:

*Надменный! Кто тебя подвигнул,
Кто обуял твой дивный ум...*

И последняя реплика.

Немецкий философ Э. Кант как-то сказал знаменательные слова (цитирую по памяти, а потому не претендую на академическую точность): меня всегда поражали две вещи – звездное небо и человеческие законы.

Мне бы хотелось добавить еще одну вещь, поразившую меня давным-давно, заставившую изучать ее долгие годы: гибкость, глубину и оригинальность детского мышления. Почему-то детский мозг, не обремененный чуждыми влияниями и эгоистичными расчетами, понимает дело так, как оно есть на самом деле, выдвигает такие версии, какие и в голову не придут взрослому. Так вот, эта самая гибкость мгновенно сумела оценить мой урок смехотерапии, правильно сориентироваться и отреагировать на нее звонким смехом.

Я не утверждаю, будто весь класс повально вдруг обратился лицом к поэзии, однако случайно выяснилось, что мир поэзии загадочен и непредсказуем, требует понимания и расшифровки. Часто стихотворение многослойно и таинственно, а анализ его – сложное, нетривиальное, запутанное, но интересное дело, доступное каждому. Надо только внимательно прислушаться и хорошо подумать.

Иванка Васева =====

РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последнее десятилетие XX века появились новые лингвистические дисциплины, воскресившие убеждение Вильгельма Гумбольдта, что национальный язык отражает национальную культуру и национальный характер. К ним относятся, в первую очередь, лингвокультурология и этнолингвистика.

Лингвокультурология рассматривает язык как основное средство выражения мысли, как важнейшее средство общения и сохранения национальной культуры, отражающей историческое развитие и традиции данного этноса.

В свете лингвокультурологии приобретают особое значение личные имена (а также и фамилии), так как они много говорят о прошлом, о разных этапах истории народа, о разных влияниях и о характере людей.

Личное имя – своеобразный паспорт национальной принадлежности человека. Латино-американские имена резко отличаются от скандинавских, славянских, романских и пр. В кругу славянских имен польские личные имена отличаются от чешских, русских, сербских и т.д.

Мало того, в одной и той же стране иногда существуют значительные различия в облике определенного имени в разных районах и диалектах. Например, имена с ударением на окончании (*Гоше, Санде, Ванко, Занко*) характерны для кюстендильской, радомирской, самоковской области Болгарии.

Общее славянское происхождение и общая православная религия объясняют наличие многих общих для болгар и русских личных имен. Наряду с этим разная историческая судьба и совсем различное географическое положение страны, соседство с разными народами объясняют разные влияния на лексику обоих языков, в том числе и на личные имена и национальную ономастику вообще. Они отражают национальную судьбу и национальную культуру на протяжении веков.

В системе современных русских имен, например, можно выделить:

1) старые русские княжеские имена, возникшие на общеславянской или на русской почве (*Ярослав, Всеволод, Владимир*);

2) старые русские имена, называвшие простолюдина по какому-либо характерному для него внешнему или внутреннему признаку (*Косой, Рябой, Буян, Молчан* и т.д.);

3) старые русские имена (*Сергей, Алексей, Семен*), которые в сфере церковного обихода после принятия христианства звучали так: *Сергий, Алексий, Симеон*;

4) канонические имена со времен принятия христианства: *Александр, Константин, Елена, Иаков* (рус. *Яков*), *Иоанн* (рус. *Иван*) и пр.;

5) заимствования из греческого и латинского языков (*Ксения, Лариса, Лев, Лавр, Христина, Филипп*);

6) заимствования из других европейских языков более нового времени (*Жанна, Марта, Артур*);

7) народные формы имен, производных от иноязычных, например: *Емельян* (от *Эмилиан*), *Авдотья* (от *Евдокия*) и т.д.

8) “революционные имена” со времен установления советской власти, например: *Вил, Вилен, Владилен* – от В.И. Ленин; *Нинель* – при обратном чтении “Ленин”; *Рада* – от словосочетания “рабочая демократия”; *Рем, Ревмир* и т.п. от “революция мира” – мировая революция.

Когда и как выбирали имя для ребенка?

В России раньше, до революции, священник перед обрядом крещения предлагал родителям на выбор несколько имен, которые значились в святцах (месяцеслове) на день рождения ребенка. Этим А.Н. Петровский – автор исключительно интересного “Словаря русских личных имен” – объясняет такое большое количество Иванов на Руси: в полных Святцах имя *Иван (Иоанн)* встречается 170 раз, т.е. почти через день. Отсюда и обобщенное имя России “дядо Иван” у нас, в Болгарии.

Иногда по просьбе родителей священник давал ребенку другое имя, например, славянские *Вера, Надежда, Любовь*.

После Октябрьской революции регистрацию новорожденных стали вести отделы записи актов гражданского состояния, и родители могли выбирать любое имя. Тогда появились многие заимствования (*Эрик, Эдуард, Ричард*), революционные имена-новообразования, о которых шла речь, и пр. И даже “родительские имена”, сочетавшие имя отца с именем матери, например, *Миолина* – от *Михаил* и *Ольга*.

В некоторых странах Западной Европы и в Америке нередко родители дают детям свои собственные имена. Например, мать *Божена* и дочь *Божена*, отец *Войтех* (*Войта*) и сын *Войта*.

В Болгарии по традиции обновляют имя дедушки и бабушки. Обычно первый ребенок получает имя свекра (или свекрови), второй или третий – другого дедушки или другой бабушки. Таким образом, через два поколения имя и фамилия повторяются. Например, *Методи Метев* – дедушку звали тоже *Методи*, но в кругу близких звали его короче *Мето / Метьо*. Сын Методия называет своего сына Методи и только отчество (которое существует только в документах) различает их. Потому в Болгарии много таких примеров: *Николай Николов, Никола Николов (Николчев), Нино Николов* и пр.; *Васил Василев, Васил Васев (Васьов), Петър Петров, Петър Пешев (Пешов), Станчо Станчев, Тошо Тошев* и пр.

Если свекровь умерла, а родился сын (второй или третий ребенок в семье), нередко его называли ее именем в форме мужского рода, например, от *Пенка* – *Пенчо*, от *Тотка* – *Тодор*. Но не обязательно обновляли имя умерших родителей.

Чтобы угодить обеим бабушкам, иногда дают дочке двойное имя: *Ана Мария, Мария Роза, Благоцвета, Добромила, Цветолюба*.

В редких случаях имя внука – сочетание имен бабушки и дедушки по отцовской или материнской линии, например, *Марин* от *Мария* и *Никола*.

Традиция обновления имен родителей, продолжавшаяся долгие века, свидетельствует о глубоком уважении болгар к ним, о патриархальных порядках в самом хорошем смысле этого слова.

В последнее время эти традиции, как и почти все традиции, уступают место вкусу родителей, которые нередко в имени ребенка сохраняют только “букву дедушки”. Например, дедушка *Гуньо* – внук *Габриел*, дедушка *Стоян* – внучка *Соня*.

Если же ребенок родился в день большого христианского праздника, в народе говорили “дошъл си е с името” (появился с именем) и называли его соответственно именем святого: *Христо* (Ботев) – родился в день Рождества.

Русские личные имена создают большие трудности не только при переводе на болгарский язык, но и при чтении и понимании русской литературы. Чем вызваны эти трудности?

1) В первую очередь, наличием в русском языке огромного количества производных – особенно уменьшительных от почти каждого имени. А.Н. Петровский сообщает, что *Мария* и *Иван* имеют более ста производных, но он приводит меньше – самые употребительные [Петровский 1980]. Их использовали, главным образом, в кругу семьи, друзей, товарищей.

Сравнительно редко сразу видно, от какого имени образован уменьшительный дериват, например, *Авдейка*, *Авдеюшка* (от *Авдей*).

Обычно в производящей основе происходят большие изменения, например:

а) остается только начальный звук *Иша* (от *Иван*), *Муся* (от *Мария*);

б) остаются 2-3 начальных звука: *Ага* (от *Агния*), *Алеха* (от *Алексей*);

в) остаются только конечные звуки: *Рита* (от *Маргарита*) и т.д.

Нередко повторяется 1 слог (*Вова* – от *Владимир*; *Тата* – *Тамара*) или появляются новые звуки – *Шура* (*Александр* – *Саша*, *Сашура*, *Шура*).

В словаре А.Н. Петровский приводит 44 производных от *Мария* (разг. *Марья*): *Марийка*, *Мариша*, *Мара*, *Маруня*, *Марюня*, *Маруля*, *Муля*, *Маруся*, *Муся*, *Мася*, *Масята*, *Марюта*, *Марюха*, *Марюша*, *Муша*, *Маня*, *Манюня*, *Манюра*, *Манюся*, *Манюша*, *Маша*, *Мака*, *Муня*, *Машура*, *Мура*, *Шура*, *Машара*, *Машута* и т.д.

В словаре приводится 20 производных от *Василий*, 19 – от *Иван*, 19 – от *Дмитрий*, 18 – от *Виктор*, 11 – от *Григорий*, по 16 – от *Нина* и *Валерия*, 15 – от *Ирина*, 14 – от *Екатерина* (*Катерина*) и т.д.

Вот некоторые производные от *Иван*: *Иванка*, *Ивана*, *Иванюха*, *Иванюша*, *Ивася*, *Ивасик*, *Иваха*, *Иваша*, *Иша*, *Ишута*; *Ваня*, *Ванюха*, *Ванюша*, *Ванюра*, *Ванюся* и т.д. От *Дмитрий* (разг. *Митрий*): *Дима*, *Димаха*, *Димаша*, *Димуха*, *Димуша*, *Димуля*, *Димуся*; *Митя*, *Митяй* и т.д.

Нередко трудно догадаться, от какого имени образованы, например, *Оня* (от *Семен*); *Гуня*, *Гуся*, *Гуша*, *Гуля* (от *Сергей*, *Сергий*); или *Люня*, *Люля*, *Люся*, *Олюся*, *Оленя*, *Леня*, *Леля*, *Ляля* – от *Ольга* и пр.

2) Вторая трудность – совпадение некоторых производных от русских мужских личных имен с болгарскими женскими именами. Например: *Иванка*, *Ваня*, *Ванюша* – от *Иван*; *Оля* – от *Олег*; *Яна* – рус. от *Ариан*, *Баян*, *Боян*, *Гаян*, *Гордиан*.

В русском нет женского личного имени от *Иван*, а *Иванна* (от *Иоанна*) употребляется редко.

3) Для болгарина непривычно полное совпадение в русском языке производных от мужских и женских имен (*Олег* и *Ольга*; *Александр* и *Александра*). Срв.: *Оля* и *Олюся* может относиться к *Олег* и *Ольга*; *Женя* – к *Евгений* и *Евгения*; *Шура* – к *Александр* и *Александра*; *Лера* – к *Валериан*, *Валерий* и *Валерия*, *Гликерия*.

4) Еще более трудно воспринимает болгарин полное совпадение некоторых производных от широкого круга мужских и женских личных имен, например: *Гена* – от *Геннадий*, *Евгений* и пр. и *Елена*, *Ольга* и пр.; *Леня* – от *Леонтий* и *Елена*, *Ольга* и пр.; *Ника* может относиться к 23 разным мужским именам (среди которых *Николай*, *Андроник*, *Вероник*, *Никита*) и к 13 женским (например, *Вероника*, *Доминика*, *Нина* и пр.); *Яна* может быть производным от 10 мужских и 7 женских имен (*Ариан*, *Баян*, *Боян*, *Гаян*, *Гордиан* и пр.; *Бояна*, *Гаяна*, *Лилиана*, *Мариана*, *Юлиана* и пр.); *Светик*, *Света*, *Светка* и пр. – от 7 мужских и трех женских имен (*Светозар*, *Светомир*, *Святослав* и пр.; *Светлана*, *Светозара*, *Святослава* и пр.).

Нередко совпадают производные от совсем различных по звучанию исходных личных имен, например, *Леня* и *Леля* – от *Олег*, *Ольга*, *Елена*.

5) В русской разговорной речи в качестве обращений к женщинам часто употребляются имена в форме мужского рода: *Нюр*, *Светик*, *Лидик*, *Лидок*, *Симок*; *Катюник*, *Катюнчик*, *Катюсик* и т.д.

При переводе таких имен на болгарский язык, как и мужских имен в форме женского рода (*Гуня, Гуля, Гуша* – от *Сергей, Яна* – от *Боян, Гаян; Шура* – от *Александр* и т.д.), следует употребить более популярное имя женского рода, если оно относится к женщинам (например, *Нюра, Света, Лида*) или мужского рода (*Серезжа, Боян*).

Болгарские личные имена тоже имеют производные, но их меньше.

От самого распространенного до недавнего времени имени *Иван* Ст. Илчев приводит около 40 производных, среди которых: *Иванко, Иванчо, Иванца, Ивануш, Иванаки; Иво, Ивко, Ивчо; Ивайло, Ивац, Ивашко; Ваньо, Вано, Ванко, Ванчо, Вани, Вандо, Вандьо, Ванто* и пр. [Илчев 1969: 28].

Некоторые старые производные от личных имен сохранились в фамилиях, например: *Васев* (от *Васьо*), *Метев* (от *Мето, Метьо*), *Гергов, Димов, Митев, Митров* и пр.

В списке болгарских личных имен Ст. Илчев выделяет:

1. старые славянские имена *Владислав, Владимир, Драгомил* и пр., которые чаще употреблялись в сокращенной форме: *Слав, Драго, Мир(к)о, Владо*;
2. имена ханов и бояр (*Крум, Борис, Симеон* и пр.);
3. христианские имена святых: *Йоан, Николай, Константин, Елена*;
4. греческие имена, часть которых переводится, например: *Доротей – Божидар; Теофил – Боголюб*; другая часть сокращается: *Емануил – Манол, Мано; Маньо, Манчо; Хараламби – Ламбо; Николай – Кольо*;
5. имена эпохи Возрождения: *Венелин, Александр*;
6. имена, связанные с Октябрьской революцией (*Ленин, Будьони, Петилетка*);
7. имена, связанные с популярными художественными произведениями: *Борислав, Албена, Емил* и пр.

Прибавим к этому большую группу имен, образованных от названий цветов и деревьев, лечебных трав: *Цветанка, Маргарита, Невена, Иглика, Аглика, Божура, Ружа, Босилка, Явор, Ясен; Биляна, Диляна, Калина, Аблена* и т.д.

В своем словаре Ст. Илчев останавливается и на семантике некоторых болгарских имен. С точки зрения лингвокультурологии, это самые интересные, характерные для Болгарии *пожелательные* и *защитные* имена. Это – некалендарные имена, не связанные с именами святых. В обоих случаях считается, что личное имя обладает магической силой: оно может предопределить характер и судьбу ребенка, может защитить его от болезней, несчастий, смерти.

К **пожелательным именам** относятся: *Живко (Живка), Здравко (Здравка); Арда, Струма, Искър* содержат пожелание быть похожим на эти неиссякающие реки; *Байко, Брайко, Браино* – пожелание вырасти большим, чтобы братья и сестры называли его “брайко, байко, бате”; *Първан, Виден, Велико(a)* – быть первым, выдающимся, великим; *Веселин(a), Ради(a), Добри(н), Мила(ка), Драго(a), Драган* и пр. – пожелание быть веселым, добрым, милым, радовать близких и т.д.

Защитные имена тоже связаны с верой в магическую силу имени.

В старину в семье было много детей и многие из них умирали. Поэтому родители часто называли детей *Стойо, Стойко, Стоенчо, Стоян*, чтобы они “стояли, оставались в живых”; *Кремен(a), Желязко*, чтобы были здоровые и крепкие. Личные “некрасивые” имена *Грозьо, Черньо* должны были защитить ребенка от сглаза.

Пожелательные и защитные имена красноречиво говорят об одной особенности национального характера болгар – об их активности, о желании внушить, подсказать судьбе, направлять ее, противопоставиться злу – болезни, смерти.

Приведенный материал показывает, что личные имена зависят не только от исторической судьбы народа и географического положения страны, но и – еще больше – от участия родителей и традиции при выборе имени и от национального характера

при его использовании в процессе коммуникации. Обилие и разнообразие производных от русских личных имен (главным образом, уменьшительных) свидетельствует об эмоциональности русских, об их склонности к экспрессивному выражению, о стремлении обращаться как можно ласковее к близким.

ЛИТЕРАТУРА

- Геров 1978 – *Геров Н.* Речник на българския език. Т. V. Кръстни имена. С., 1978.
Илчев 1969 – *Илчев С.* Речник на личните и фамилни имена у българите. С., 1969.
Маслова 2001 – *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.
Петровский 1980 – *Петровский А.Н.* Словарь русских личных имен. М., 1980.

Марина Шуманова =====

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СКАЗКЕ И ЕЕ СОХРАНЕНИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Сказка – один из древнейших видов словесного искусства. Она уходит корнями в народное творчество. Проходят века, происходят коренные изменения в жизни общества, появляется множество талантливых произведений литературы, но сказка продолжает жить. Каждое новое поколение приобщается к волшебному миру сказки и с радостным чувством осваивает азы народной мудрости, этики и эстетики. В сказке выражены копившиеся столетиями мысли и чувства того или иного народа. Поэтому проблема перевода сказки всегда будет актуальна. Перевод сказки – особо сложная область перевода, которая все еще достаточно не изучена.

Для того чтобы перевести сказку, необходимо найти такую форму, где повествование звучало бы так же естественно, как звучал бы голос матери или бабушки, когда они рассказывают сказку.

Автор и переводчик – взрослые люди, пишущие для детей, поэтому они иногда могут не принять во внимание возрастные особенности ребенка. Еще хуже, когда к ошибкам автора добавляются ошибки и неточности переводчика.

Все образы, мысли в тексте должны быть близки и понятны ребенку, который будет читать перевод. Когда оформляется текст сказки, переводчик должен считаться с тем, что детская литература отражает более ограниченную действительность. При этом ее не нужно ни расширять, ни уменьшать, ни ослаблять фантастические элементы в тексте.

Мир сказки – это мир народной мудрости, народных идеалов, его нравственных и эстетических ценностей. В сказках отражена историческая жизнь народов, их характер, психология, богатый и многокрасочный язык.

Сказка, как и любой другой художественный текст, является носителем, источником информации об определенном народе, о его культуре.

Уникальность и неповторимость любой культуры определяется фактом, что она впитывает в себя весь спектр природных, социально-экономических, этнографических и языковых факторов, присущих нации, поэтому сказка является носителем национально-культурной информации, представленной национальным языком. Национальный язык – строительный материал, основа для создания картин народной жизни. В языковых средствах утверждается национальная самобытность любого художественного произведения, тем более сказки.

В любом языке есть такие словесные единицы, в которых национально-культурный компонент заложен в самой их семантике. Это прецедентные имена, реалии, антропонимы и топонимы, обращения, ФЕ, пословицы и поговорки и др., т.е. безэквивалентная лексика. Е. Верещагин и В. Костомаров определяют ее так: “Безэквивалентная лексика – это слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующих в культуре Б, а также слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат” [Верещагин, Костомаров 1973: 53].

Несомненно, перевод должен учитывать специфические для каждой культуры способы интерпретации фактов, явлений и процессов, которые нашли место в сказке. В тексте перевода данные компоненты должны быть адекватно отражены, поскольку в них содержится информация о характерных чертах исходной культуры, то есть культуры народа, которому принадлежит подлинник. И вместе с тем перевод должен учитывать особенности нового реципиента, которому он адресован, что ставит вопрос о культурной адаптации текста перевода сказки. Все это определяет значимость проблем, связанных с сохранением и передачей национально-культурной информации, которая содержится в сказке.

Вопрос о передаче и сохранении национально-культурной информации сказки при переводе занимает особое место в паре родственных языков. В исследуемой паре русского и болгарского языков наблюдаются наличие как общих, так и дифференциальных черт, свидетельствующих о национально-специфическом видении мира каждым из упомянутых выше лингво-культурных сообществ.

Интерес современного человека к своему прошлому, истокам своей культуры заставляет его внимательнее всмотреться в язык. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах. Именно язык рассматривается как путь, по которому можно проникнуть в воззрения древних славян на мир, общество и самих себя.

Культура являет себя прежде всего в языке. Человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем. Например, в японском языке почти нет вульгарной, грубой лексики. По наблюдениям современного лингвиста В.И. Жельвиса, чеховское “дура” японцы переводят так: “подобное женщине паршивое насекомое”. Большие трудности испытывают японцы-переводчики при переводе целого ряда названий художественных текстов типа “Идиот” Ф. Достоевского, “Сукин сын” С. Есенина и др., утверждает В.И. Жельвис [Жельвис 1977].

Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует и языковые категории и концепты. В лингвистике конца XX в., согласно В. Масловой, стало возможным принять следующий постулат: язык не только связан с культурой – он растет из нее и выражает ее. Язык одновременно является и орудием сознания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры [Маслова 2001].

Язык – сложное явление. Чтобы отразить его сложнейшую сущность, Ю. Степанов представил его в виде нескольких образов, ибо ни один из этих образов не способен полностью отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как “дом духа” [М. Михайлов], т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека. Соответственно, с позиции седьмого образа язык, во-первых, – результат деятельности народа; во-вторых, – результат деятельности творческой личности и результат деятельности нормализаторов языка (государства, институтов, вырабатывающих нормы и правила). Поэтому в настоящее время идею **антропоцентричности языка** можно считать общепризнанной [Маслова 2001: 6].

С позиции антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, – это метафоры типа: *метель разыгралась, метель укутала людей, сережки*

берез, матушка-зима, идут года, ложится тень, травы шелковые, листья золотые, сахарные уста.

Формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре. Антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей.

Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. На основе этой идеи и возникла новая наука – лингвокультурология. Лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

Культура человечества представляет собой совокупность этнических культур, которые многообразны, потому что действия разных народов, направленные на удовлетворение одних и тех же потребностей, различны. Этническое своеобразие проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят в различных обстоятельствах и т.д. Например, считается, что важнейшая черта русских – коллективизм (соборность), поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность взаимоотношений. Эти особенности русской культуры отражаются в русском языке. Как считает А. Вежицкая, “русский язык уделяет эмоциям гораздо больше внимания (чем английский) и имеет значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения [Вежицкая 1996].

Понятие “культура” имеет множество определений в современных условиях, так как исследователи используют разные подходы. Один из них заключается в перечислении компонентов культуры и определении ее как совокупности этих компонентов. Разные ученые предлагают разные компоненты. Английский ученый Э. Тайлор считает, что культура в широком этнографическом смысле складывается из знания, верования, нравственности, обычаев и искусства [Тайлор 1989].

Э. Бенвенист называет культурой человеческую среду и все то, что, помимо выполнения биологических функций, придает человеческой жизни и деятельности смысл [Бенвенист 1974].

Современные исследователи считают, что цивилизация – это совокупность материальных ценностей, создаваемых человеком, а культура – это его духовная ценность.

Таким образом, под **культурой** подразумевается единый процесс создания, освоения, сохранения и передачи духовных ценностей общества, отражающих мировидение и миропонимание членов данного социума [Маслова 2001].

Ю. Степанов отмечает, что нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и наоборот. Можно лишь интерпретировать языковые знаки в категориях культурного кода. Например, при слове *грач* мы не можем языковую модель трансформировать на другую область культуры. Само слово содержит эту культурную информацию, но в качестве коннотации. Поэтому между языком и культурой существуют сложные взаимоотношения [Степанов 1985].

Культурная информация отличается своим общим характером, не связанным с национальной спецификой. Так, например, выражение *быть или не быть?* имеет философское, общечеловеческое значение. Оно получило широкое распространение в различных языках и не связано с определенной национально-культурной спецификой. С другой стороны, культурная информация может отличаться своим специфическим

характером, например: *во всю ивановскую (кричать, вопить, зевать)*. Поэтому правильнее говорить о национально-культурной информации. Под национально-культурной информацией мы подразумеваем **сведения о специфическом образе жизни, трудовой деятельности данного народа, о его специфических способах восприятия, понимания и преобразования мира и отношения между людьми в нем.**

Национально-культурная информация выражается как вербально (посредством языковых знаков), так и невербально. К невербальным способам выражения культурной информации относятся жесты, мимика, поведенческие акты и т.д. В данной работе мы рассматриваем лишь вербальные способы выражения культурной информации. Из них яркое присутствие в сказке имеют **реалии**.

Согласно определению С. Влахова и С. Флорина, “реалии – это слова или словосочетания, называющие характерные жизненные объекты (бытовые, культурные, объекты социального и исторического развития) одного народа, которые относительно чужды другому народу; как носители НАЦИОНАЛЬНОГО и/или ИСТОРИЧЕСКОГО колорита. Обычно у них нет точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, они не подлежат переводу “на общих основаниях”, а требуют к себе особого подхода при переводе” [Влахов, Флорин 1990: 33-34].

Антропонимы

Одним из лингвистических средств создания национальных характеристик в сказках являются антропонимы. Имена людей (антропонимы) образуют особую систему собственных имен. Овладеть ономастикой того или иного языка и народа – значит не только усвоить употребительные в нем имена собственные, но и одновременно воспринять сопровождающие их страноведческие ассоциации, т.е. овладеть закрепленным в них национально-культурным богатством. Появившись в тексте, имя соотносится со своей национальной принадлежностью. Например, имя *Иван* очень распространено в народных сказках, но используется также и нейтральный вариант (*Иван-царевич, Иван – крестьянский сын*), реже и другие ласкательные формы (*Ванюша, Ванечка* и др.). Например, “...Послушай, побегай в дозор, *Ванюша*”; “Кто стучится сильно так?” – “Это я, *Иван-дурак!*”

Среди женских имен в сказках также часто используются ласкательные имена: *Аленушка, Марфушенька, Машенька, Настенька*. Иногда в сказках встречаются и стилистически сниженные имена – *Настька, Ванька, Ванюха, Андрюха* и др.

При уважительном обращении русские используют имя и отчество – это характерная национальная отличительная черта русского народа. Например, *Настасья Вахрамеевна, Вольга Всеславьевич*. Обращения к людям по имени и отчеству нет ни в одном славянском языке, не говоря уже о других языках. Особой семантической нагрузкой отличаются и так называемые “говорящие” (значащие) имена и фамилии. Роман-сказка Н. Носова “Приключения Незнайки и его друзей” изобилует такими именами:

“В одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. В одном домике на улице *Колокольчиков* жило шестнадцать малышей-коротышек. Самым главным из них был малыш-коротыш *Знайка*, потому что он знал очень много. В этом же доме жил доктор *Пилюлькин*, который лечил коротышек от всех болезней. Жил здесь также знаменитый механик *Винтик* со своим помощником *Шпунтиком*; жил *Сахарин Сахаринич Сиропчик*, который прославился тем, что очень любил газированную воду с сиропом. Жил еще в этом доме охотник *Пулька*. Жил художник *Тюбик*, музыкант *Гуся* и другие малыши: *Торопыжка, Ворчун, Молчун, Пончик*,

Растеряйка, два брата – *Авоська* и *Небоська*. Но самым известным был *Незнайка*. Его называли так за то, что он ничего не знал” [Носов 1988: 5-7].

Прецедентные имена

Наряду с традиционными существуют и прецедентные имена. Прецедент – это случай, имевший место в прошлом и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода.

Из этого определения следует, что прецедент представляет собой некий факт, который служит эталоном, но это определение не разграничивает прецедент на вербальный и невербальный.

К прецедентным относим имена, связанные с данной национальной литературой (*Обломов*, *Плюшкин*; *бай Ганьо*), сказочные персонажи (*болгарские* – *Крале Марко*, *Хитър Петър* и русские – *Иванушка-дурачок*, *Емеля*) или же имена-символы, указывающие на совокупность качеств (в образе *лисы* ясно проступает ее хитрость, *медведь* – неповоротлив, *волк* – глуп, *заяц* – труслив и т.д.).

В детской литературе большую роль играют **имена** и **прозвища**. Часто это значащие имена, которые определяют характер, внешность или профессию персонажа и при переводе требуют полного соответствия.

В трилогии Н. Носова о Незнайке есть много таких имен: охотник Пулька (ловец Патронко), собачка Булька (кученце Рунтаво), доктор Пилюлькин (доктор Хапчев), музыкант Гуся (музыкант Гусльо), механик Винтик и его помощник Шпунтик (Винто и Болто) и другие. У героев этой книги странные, характеризующие их имена: Сахарин Сахаринич Сиропчик (Захарин Захаринов Сиропов) – он очень любил газированную воду с сиропом, поэтому его так и назвали; Незнайкой (Незнайко) малыша назвали потому, что он ничего не знал, а другого малыша звали Знайкой (Знайко), наоборот, потому что он знал очень много.

Узуальные прозвища

Имена героев, персонифицированные животные и предметы в болгарских сказках имеют фольклорные традиции и делятся на три группы в зависимости от их облика и происхождения, от чего зависит их использование в переводном тексте: 1) старинные имена типа *Баба Меца*, *Кума Лиса*, *Кумчо Вълчо*, на которые наложено табу, поэтому их редко используют в переводных текстах; 2) имена, образованные с удвоением: *Ежко-Бежко*, *Зайо-Байо*, *Косе-Босе*, *Меца-Мецана*, *Пат-Патаран*. Такие имена распространены во многих языках, поэтому их употребление возможно в переводе; 3) наиболее свободно употребляются в переводах имена с суффиксами для обозначения прозвищ: *Зайо*, *Вълчо*, *Мецана*, *Лисана*, *Таралежко*.

В русском и многих других языках не употребляются родственные названия – баба..., кума... Например, *лису* в русском языке называют *Лисой Патрикеевной*, *медведя* – *Михилом Ивановичем*, *Мишей*, *Мишуткой*, *Генералом Топтыгиным* (все имена мужского рода, потому что и *медведь* мужского рода). *Зайца* называют *Зайчиком-попрыгайчиком* или *косым*. *Косой* – это постоянный эпитет, данный зайцу в связи с его косоглазием [Илиева 1981].

Топонимы

Важным носителем национальных характеристик в художественном тексте являются и топонимы – названия географических объектов. Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурных ассоциаций. Например, *Балкан*, *Софийско равно поле*, *Странджа*, *Ропотамо*, *Искър*. В некоторых сказках можно встретить топонимы с прозрачной семантикой (*Солнечный город*, *Цветочный город*, *Яблочная площадь*, *река Арбузовая*, *Огуречная река*). Особого внимания заслуживает название населенного пункта *Змеевка* (от слова *змея* – хвърчило), образованного по

модели *Макеевка*. В болгарском языке названия городов на *-ка* (*Хвърчиловка*) не распространены, поэтому такое название переведено описательно – *Град на хвърчилата*.

Обращения

В русских сказках довольно часто можно встретить обращения типа *добрый молодец, красная девица, батюшка, матушка, голубчик*. Для болгарских же сказок подобные обращения не характерны.

Особенности перевода сказочных произведений заключаются в передаче их **образности**. Это первая трудность при переводе сказки. Если переводчик не сумел передать живой, эмоциональный образ оригинала, или если он заменил конкретный образ более сложным, более абстрактным, перевод получится неполноценным и не будет соответствовать оригиналу.

Для детей характерно **“очеловечивание”** всего живого и неживого мира, поэтому в детских книгах, особенно в сказках, персонификация занимает важное место. Животные действуют и разговаривают как люди, оживает неживая природа. Все это нужно отразить в переводе так же непосредственно, как это сделал бы ребенок.

Детское воображение не удовлетворяется обычной для нас, взрослых, реальной действительностью. Дети пересказывают эту границу, они любят фантастику, преувеличения и поэтому часто смешивают обычное и сверхъестественное. По этой причине Пеппи – Длинный Чулок может переместить с дороги корову или посадить вора на шифоньер.

Дети не привыкли думать абстрактно. Они **воспринимают слова в их прямом значении**, при этом получается эффектно и с юмором. Обычно взрослые не замечают метафоричность идиом. Дети же, наоборот, часто видят конкретное значение и не понимают переносного. В книге К. Чуковского “От двух до пяти” есть такой пример: однажды отец в присутствии своего маленького сына сказал о своем знакомом, что у него *денег куры не клюют (червив е с пари)*; ребенок воспринял эту фразу буквально и при первой же встрече с этим знакомым спросил, где у него куры. При переводе на болгарский ребенок должен был бы спросить: *“Къде му са червейте?”*

В репликах детей встречаются некоторые типично детские слова, которые писатели используют в своих книгах. Это затрудняет переводчика, поскольку при переводе нужно подобрать не только семантически подходящие слова, но и подумать, будут ли они понятны читателям перевода.

Переводчик должен хорошо знать детскую психику для того, чтобы он мог имитировать характерную для детей **свободу словообразования**. Например, от слова *забранено* дети образуют антоним *отбранено*. Кроме того, они образуют от мужского рода женский как: *жаворонок – жаворонка, собака – собак* и т.д.

Разница в грамматическом роде иногда создает дополнительные трудности. В одной детской песенке “Верблюду понравилась колхозная корова” из-за различия в грамматическом роде (*верблюды* – м.р., *корова* – ж.р.) между этими животными получается любовный интерес. Если переводить эту песенку на болгарский язык, где *камила* и *крава* одного рода, то при переводе необходимо изменить грамматический род одного из животных, т.е. вместо *коровы* взять другое животное, которое было бы мужского рода, например, *вол* [Илиева 1981].

Все эти особенности свидетельствуют о принадлежности сказки к данной национальной культуре.

При переводе сказки перед переводчиком возникают большие проблемы и, в частности, проблемы сохранения и передачи национально-культурной информации. Известный детский русский писатель Б. Заходер, который перевел много детских книг

и сказок с английского, в том числе “Винни-Пух”, “Алиса в стране чудес” и др., в своем предисловии к изданиям “Винни-Пуха” пишет: “Я научил Винни-Пуха говорить по-русски. Да, англичанина можно научить говорить по-русски. Но он все равно так англичанином и останется. А Винни-Пух... Что с ним произошло в пересказе Заходера? Может быть, он стал русским медвежонком? Или лучше было бы его назвать не Пухом, а, скажем, Топтыжкой? Нет, не получится. Ведь друг и хозяин Винни-Пуха не Вася Иванов или Петя Сидоров, а Кристофер Робин, да и вообще, читая эту книгу, мы – даже самые маленькие из нас – понимаем, что дело происходит не на Арбате и не на Невском проспекте. Винни-Пух, как и многие другие герои детских книг, которых Заходер научил говорить по-русски, а главное, научил жить среди нас, остался английским медвежонком. И в то же время перестал быть только английским. Как Пух, так и Алиса, не превратились в Топтыжку или Соню (Соня – именно так и назывался очень старый перевод “Алисы” – “Соня в Царстве Дива”), но они все-таки становятся и русскими тоже. В этом как раз и состоит чудо. Для того, чтобы понять, как все это оказывается возможным, надо самому быть поэтом. Да еще поэтом-переводчиком” [Заходер 1990].

Текст является инструментом в процессе межкультурной коммуникации. При этом тексту приходится “встраиваться” в новую парадигму: он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам – исходной культуре и культуре реципиента. Текст не только воздействует на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры.

Национальная специфика оригинала проявляется буквально во всем: в поведении героев, в их речи, в деталях быта, которые окружают героев, и т.д. Особенно ярко это выражено в произведениях, близких по стилю к фольклору, поскольку именно в народном творчестве ярче и глубже всего раскрывается самобытный дух народа. Именно к такому типу произведений относятся сказки, поэтому в них проблема сохранения национального своеобразия оригинала стоит особенно остро. Сказки изобилуют реалиями, которые создают ряд трудностей для переводчика. С одной стороны, существует опасность не найти необходимый фольклорный эквивалент в переводимой сказке, и текст перевода при этом получит книжно-литературное звучание. С другой стороны, чтобы сохранить национальное своеобразие оригинала, переводчик должен искать выразительные средства в поэтике народного творчества своей страны, которые могут внести элементы чужой национальной атмосферы.

При переводе сказки осуществляются сложные трансформационные процессы в целях сохранения специфических черт и посланий подлинника, а также адаптации его к новой иноязычной среде. Для реализации этих целей переводчики используют различные способы, среди которых выделяются:

- а) способ транскрипции и транслитерации;**
- б) способ субституции (приблизительный перевод);**
- в) способ интерпретации (описательный перевод).**

Рассмотрим каждый из этих способов.

а). При **транскрипции** и **транслитерации** переводчикам необходимо соблюдать правила, принятые для перевода антропонимов и топонимов, которые чаще всего переводятся именно этим способом.

Чтобы передать русские имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами на болгарский язык, нужно также применять метод транскрипции и ни в коем случае нельзя их адаптировать к болгарской культуре. Например:

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Аленушка да братец Иванушка [Русские сказки 1986: 228].

*Имало едно време един мъж и една жена, те си имали дъщеричка **Альонка** и синче **Иванчо*** [Руски вълшебни приказки 1998: 57].

В данном примере переводчику, по мнению С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин 1990], следовало бы эти имена оставить без изменения, применив лишь метод транскрипции по установленным правилам – *Аленушка* и *Иванушка* и тем самым сохранить типично русскую культурную информацию, заложенную именно в этих уменьшительно-ласкательных суффиксах. При такой передаче русских имен собственных (*Альонка*, *Иванчо*) теряется национальный колорит оригинала. Таким образом, передача имени в его исконной форме приобретает еще большую национальную окрашенность и ценность.

б). В переводческой практике довольно часто приходится прибегать к переводу при помощи **субституции**. Субституция вызвана необходимостью адаптировать текст перевода к восприятию читателя, принадлежащего к иному лингвокультурному сообществу. По своей сути субституты представляют собой языковые средства, несущие информацию о принимающей культуре. При субститутах в текст вводится элемент принимающей культуры (*лапти* – *цървули*, *пляска* – *хоро*). Иногда в качестве субститута используется родовое понятие вместо конкретного, частного (*сестрица* – *кака*, *лев* – *монетки*) или же переводчик прибегает к калькированию.

Приблизительный перевод всегда в какой-то степени неточен (например, *блины* – *палачинки*, *кътми*, *тиганици*), но переводчик старается свести “ошибку” к минимуму, отразив если не все, то хотя бы самые существенные семантические компоненты реалий оригинала. В поиске нужного слова он обычно выбирает из нескольких вариантов самый удачный.

Интересные реалии **калач** и **пряник**.

*Народу много, шумят, кричат, карусели вертятяся, разносчики **калачами** да **пряниками** торгуют* [Русские сказки 1986: 336].

Калач – 1. Пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой [СРЯ].

Народ много, хората шумели, крещели, въртележски се въртели, продавачи кравайчета и сладкиши предлагали [Руски вълшебни приказки 1998: 115].

Кравай – кръгъл обреден хляб с дупка в средата [Буров 1995].

Калач – реалия, неизвестная болгарскому реципиенту, да и современный русский читатель едва ли правильно воспроизведет лексическое значение слова *калач*. В лучшем случае он скажет, что *калач* – это круглое мучное изделие с отверстием посередине, поэтому субститут переводчиком подобран более или менее удачно, что нельзя сказать о передаче реалии *пряник*.

Пряник – сладкое печенье на меду, патоке или сахарном сиропе с добавлением каких-либо пряностей [СРЯ].

В примере *пряник* переводится как *сладкиш* (сильно подсладено тестено изделие – торта, паста и др.), который абсолютно не соответствует русскому *прянику*. *Сладкиш* – понятие общее, а *пряник* – конкретное.

В другой сказке другой переводчик передает реалию *пряник* как *курабийки*.

Курабия – вид сух тестен сладкиш, обикновено домашен; по-дебела бисквита. *Курабия* по крайней мере по форме напоминает пряник, поэтому данный аналог более удачный, чем *сладкиш*. Но самым близким к слову *пряник* можно считать болгарское слово *меденка*. Во-первых, это слово в большей степени сохраняет семантику русской реалии, во-вторых, оно не полностью нарушает специфический колорит текста.

Рассмотрим несколько вариантов этнографических реалий, к которым относится обувь. В болгарских сказках часто встречается реалия *цървули*, которую переводят по-разному.

*Тогава човекът утрепал царя на зверовете със секирата си и от кожата му си направил дебели **цървули*** [Каралийчев 1993, т. I: 83].

*Тогда человек убил царя зверей топором, из его шкуры смастерил себе **сапожки*** [Каралийчев 1984, т. I: 109].

Русский читатель перевода, даже если и не знает, из чего сделаны *цървули*, поймет это из контекста, как в данном примере. Вообще здесь очень неудачно переведено все предложение. Во-первых, читая уменьшительное слово *сапожки*, в подсознании сразу появляется юная особа, но никак не человек, убивший царя зверей. *Цървули* – болгарская реалия – это вид мягкой кожаной обуви, которая завязывается длинными завязками вокруг ноги.

В другом примере *цървули* передают русской реалией *лапти*. *Лапти* – обувь, плетенная из лыка, бересты или веревок, которую прежде носили крестьяне.

Замена реалии ИЯ реалией ПЯ приводит к недопустимому искажению национального колорита оригинала. “Возможно, *лапти* и *цървули* и устарели в одинаковой мере, что кроме национального они приобрели и исторический колорит, но это обстоятельство вовсе не сближает их по семантике, ни еще меньше – по колориту.” [Влахов, Флорин 1990: 100].

Пример:

*Воденичарят се полъгал, стегнал **цървулите** си и тръгнал подир лисицата* [Каралийчев 1993, т. I: 124].

*Мельник подумал – была не была! Обул свои **лапти** и пошел за лисой* [Каралийчев 1984, т. I: 165].

В следующем примере из русской сказки “Конек-горбунок” нужно перевести реалию *лапти* на болгарский язык. Как поступает переводчик? Он не переводит реалию, упуская ее вообще из текста перевода:

*А Иван наш, не снимая
Ни **лаптей**, ни малахая,
Отправляється на печь
И ведет оттуда речь... [Ершов 1990: 15].*

*А Иван не се вълнува –
Без дори да се събува,
Той се качва на пецта
И разказва с лекота... [Ершов 1982: 20].*

Переводить стихотворный текст намного труднее, и подобрать рифму тому или иному слову подчас бывает сложно. По какой причине в данном примере переводчик вообще не переносит в ТП реалию *лапти*, предположить трудно. Возможно, он решил, что реалия не привлекает внимания читателя, возможно, он просто не смог подобрать подходящую рифму, но в любом случае этот вариант самый неудачный из трех, приведенных выше примеров.

Очень часто переводчиков затрудняет русская реалия **крыльцо**, которая в различных переводах передается по-разному. Поскольку в болгарском языке нет точного соответствия этому слову, то чаще всего его передают в ТП приблизительно:

*Подлетела к царскому **крыльцу** золоченая карета, и выходит оттуда Василиса Премудрая... [Гетманец 1989: 45].*

*Свърнала каляската пред **широките** царски **порти** и от нея слязла не жабата, а самата Василиса Умница [Руски вълшебни приказки 1998: 104].*

Еще пример:

Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца [Гетманец 1989: 67].

Великаните я понесли на ръце, занесли я в Андреевия двор, оставили я пред портичката [Руски вълшебни приказки 1998: 15].

В обоих примерах *крыльцо* передается аналогом *порта, портичка*. В первом примере переводчик добавляет прилагательное *широките*, хотя в оригинале его нет, вероятно, решив придать большую значимость данной реалии и подчеркнуть, что это все же царский дворец.

В третьем примере *крыльцо* передается как *пруст*.

Выйди на крылечко, посмотри, не идет ли дождик! [Гетманец 1989: 29].

Там, на пруста, има едно окачено въжсенце! – викна Маша и мечката излезе да го вземе.

В описанном примере переводчик вообще изменяет ситуацию в контексте, *крылечко* переносит в болгарский текст как *пруст*. *Пруст* и во втором значении [Буров 1995] означает – открытая часть в доме перед входом в комнаты.

А вот как другой переводчик словом *пруст* передает русскую реалию *сени*.

Танюшка оглянулась – на пороге мужик незнакомый, с топором. И топор-то ихний. В сенках, в уголочке стоял. Только что Танюшка его переставляла, как в сенках мела [Бажов 1986: 19].

Танюшка гледа – непознат човек на прага с брадва в ръката. А брадвата – тяхната. В пруста стояла, в ъгъла, току-що я била вдигала, когато мела [Бажов 1990: 30].

Сени – помещение между жилой частью дома и крыльцом в деревенских избах [СРЯ].

Конечно, *крыльцо* и *сени* трудно передать на болгарский язык каким-либо аналогом, но все же *пруст* более подходит к русской реалии *сени*, чем к реалии *крыльцо*.

Как элементы речевого этикета **обращения** также несут национально-культурную информацию. Цель обращений – привлечь внимание и выразить учтивость или уважение к собеседнику, к его служебному, социальному или общественному положению.

В русских народных сказках чаще всего встречаются следующие обращения: *сестрица, братец, кума, куманек, матушка, батюшка, добрый молодец, красная девица, голубчик, голубушка*.

При переводе с русского на болгарский затруднения создают почтительные ласкательно-фамильярные обращения *батюшка, матушка*, например:

Тепло, Морозушко, тепло, батюшка [Гетманец 1989: 34]. .

Топло ми е, братко, Мразко, топло ми е [Руски вълшебни приказки 1998: 75].

Вот, батюшка, мой суженый [Гетманец 1989: 58].

Это, татко, намери си моят жених! [Руски вълшебни приказки 1998: 56].

Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить [Гетманец 1989: 49].

Скъпи татко, не жали, не тъгувай – ние сами ще пазим градината [Руски вълшебни приказки 1998: 27].

В первом примере обращение *батюшка* является ласково-фамильярным, поэтому при передаче переводчик также подобрал фамильярное обращение к собеседнику.

Во втором и третьем примерах почтительное обращение относится к родителю – отцу. Во втором примере переводчик передает это обращение нейтральным словом *татко*, не сохраняя при этом культурную информацию. Более подходящий вариант –

драги татко, как это видно из третьего примера, хотя здесь и в оригинале есть слово *дорогой*.

У русских почтительное обращение *матушка* бывает не только к матери, но и к деревьям, неодушевленным предметам и т.п. Особенно часто подобные обращения встречаются в сказках, например:

Речка, матушка, спрячь меня!
Яблоня, матушка, спрячь меня!
Печка, матушка, спрячь меня!
Речице, майчице, скрий ме!
Ябълчице, майчице, скрий ме!
Фурно, майчице, скрий ме!

В данных примерах та же ошибка, здесь обращение *майчице* является более сниженным, чем нейтральный, стилем. Такой перевод не только не соответствует оригиналу, но и делает его неправильным, тем самым не сохраняя культурную информацию исходной культуры. А всего лишь необходимо было заменить слово *майчице* на *драга*, *любезна* или *почтена*.

Интересный пример обращения в русской сказке “Морозко”:

Ой, тепло, голубчик Морозушко!
Ох, топло ми е, Мразко, топло ми е, гълъбче!

Для некоторых русских обращений с экспрессивной окраской нужно искать индивидуальные функциональные аналоги, связанные с контекстом, как в данном примере, хотя обращение *гълъбче* не очень подходит к сильному и властному существу, как Морозко. Здесь также более подходящим вариантом было бы обращение *драги*, *почтени*, где чувствовались бы уважение и страх к подобному существу.

в). Интерпретация как способ передачи культурной информации представляет собой попытку балансировать между двумя культурами (исходной и принимающей). В результате толкования значения культураносной единицы ИЯ в тексте перевода презентуются элементы исходной культуры, однако это осуществляется в адаптированном виде, чтобы читатель переводного текста имел возможность воспринять данное явление, а это, в свою очередь, позволяет переводчику сохранить коммуникативный эффект текста. Пример:

Шубу ему Прокопич справил, шапку теплую, рукавицы, пимы на заказ скатали [Бажов 1986: 65].

Прокопич му подарил кожухче, топла шапка, ръкавици, хубави плъстени ботушки [Бажов 1990: 73].

Пимы – 1. У северных народов СССР: меховые сапоги. 2. В Сибири и на Урале – валенки (зимние теплые сапоги, сваленные из шерсти) [СРЯ].

Плъст – вид плътна материя от сбити къси косми [Буров 1995].

Переводчик в принципе правильно передал русскую реалию *пимы* в соответствии с ее описанием в словарях обоих языков, но при использовании в тексте перевода *плъстени ботушки* тот национальный колорит, который дан в русском тексте, сразу исчезает. Русскую реалию *пимы* не каждый русский читатель знает, а вот слово *валенки* более знакомо даже болгарскому реципиенту, поэтому в данном примере можно было бы ввести в текст перевода реалию *валенки* и в крайнем случае дать ее объяснение под чертой.

Еще пример описательного перевода *слобода* – *край града*:

Сел опять в карету и поскакал в слободу [Гетманец 1989: 61].

Седнал пак в каретата си и препуснал накрай града [Руски вълшебни приказки 1998: 6].

Слобода – поселок или городской квартал в Русском государстве 11 – 18 вв. на государственной или частновладельческой земле, жители которого пользовались временными льготами в уплате налогов [СРЯ].

Нам кажется, что реалия *слобода* должна была перейти и в текст перевода, т.е. нужно было бы транскрибировать и написать объяснение под чертой. И хотя она пока не настолько известна болгарскому читателю, как, например, реалии *помещик*, *губерния*, *аул*, с помощью транскрибирования через известное время реалия *слобода* перешла бы к группе упомянутых выше реалий (*аул*, *губерния*, *слобода*), обозначающих административные единицы в русском государстве определенной эпохи.

Возможно, в описанном примере реалия *слобода* и не стоит на виду, возможно, она и не оправдана функционально, возможно, даже и не привлекает внимание читателя, но перевод *край града* означает на русском – окраина города. Так что же будет делать наш герой на окраине города, да еще и в карете, если читателю не объяснить смысл реалии *слобода*?

Если кому-нибудь не понравится предложенный нами вариант, то можно предложить и описательный перевод, например, *градский квартал* или же субститут *махала*. И все же реалия *слобода* должна быть объяснена, поскольку, если переводить ее посредством *махала* или *градский квартал*, болгарскому читателю не будет понятно, почему герой поскакал именно в этот квартал, а не в какой-нибудь другой. Значит, этот городской квартал (*слобода*) имеет особую значимость, значит, в нем есть что-то особенное, чего нет в других кварталах, и это должно быть объяснено читателю независимо от того, какой метод выберет переводчик для передачи такой, казалось бы, незначительной на первый взгляд реалии, как *слобода*.

Подводя итоги выявленных способов передачи русских и болгарских реалий, антропонимов, топонимов, говорящих имен, обращений в сказках обоих народов, можно сделать заключение, что самым частотным способом передачи в нашем материале является способ субституции, при котором в текст перевода вводится специфический элемент культуры реципиента для облегчения понимания той или иной реалии чужой культуры. При этом в тексте перевода появляются близкие исходной культуре элементы, но не совпадающие с ними.

Исходя из данного утверждения, весь описываемый нами материал при переводе теряет в какой-то степени свою национальную специфику, но это в любом случае лучше, чем если бы все описанные реалии были бы транскрибированы, а их объяснения даны под чертой. Тогда читатель перевода часто отвлекал бы свое внимание от текста, что в свою очередь снизило бы восприятие текста в целом, тем более, что объектом нашего исследования являются сказки, а сказки предназначены для детей.

Наши наблюдения показывают, что современные переводчики проявляют языковое чутье к переводу подобного вида литературы. Кроме того, они стремятся к художественному преобразованию национальной специфики оригинала и в целом добиваются интересных творческих решений, в чем мы и убедились, исследовав множество народных и авторских сказок русского и болгарского народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажов 1986 – *Бажов П.П.* Сказы. М., 1986.
Бажов 1990 – *Бажов П.П.* Малахитовото ковчеже. С., 1990.
Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
Буров 1995 – *Буров С.* Съвременен тълковен речник на български език. С., 1995.
Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

- Верецагин, Костомаров 1973 – *Верецагин Е.М., Костомаров В.М.* Язык и культура. М., 1973.
- Влахов, Флорин 1990 – *Влахов С., Флорин С.* Непреводимото в превода. С., 1990.
- Гетманец 1989 – *Гетманец М.Ф.* (сост.). В гостях у сказки. Харьков, 1989.
- Ершов 1990 – *Ершов П.П.* Конек-горбунок. М., 1990.
- Ершов 1982 – *Ершов П.П.* Конче гърбокочче. С., 1982.
- Жельвис 1977 – *Жельвис В.И.* К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Заходер 1990 – *Заходер Б.* Про всех на свете. М., 1990.
- Илиева 1981 – *Илиева Л.* Езикови особености на българската детска преводна литература. С., 1981.
- Каралийчев 1984 – *Каралийчев А.* Болгарские народные сказки. С., 1984.
- Каралийчев 1993 – *Каралийчев А.* Български народни приказки. С., 1993.
- Маслова 2001 – *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.
- Носов 1988 – *Носов Н.* Приключения Незнайки и его друзей. М., 1988.
- Носов 1978 – *Носов Н.* Приключенията на Незнайко. С., 1978.
- Руски вълшебни приказки 1998 – Руски вълшебни приказки. С., 1998.
- Русские сказки 1986 – Русские сказки. Ташкент, 1986.
- СРЯ – Словарь русского языка в 4-х томах. М., 1981.
- Степанов 1985 – *Степанов Ю.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Тайлор 1989 – *Тайлор Э.* Первобытная культура. М., 1989.

Истрате Петру =====
 (аспирант Института русского языка им. Пушкина, Москва)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФУТБОЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ РАЗНЫХ СИСТЕМ

В лингвистике принято разграничивать тематические и лексико-семантические группы слов. Согласно точке зрения Ф.П.Филина, существенное различие между ними заключается в том, что “отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями <...> Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития” [Филин 1973: 217]. Компоненты лексико-семантических групп взаимосвязаны на уровне синонимии, антонимии, родо-видовых отношений, в то время как в тематической группе семантических связей может не быть, как, например, между членами тематического объединения слов “части тела человека”; ср. *голова* и *кожа*, *зуб* и *локоть* и т.д. Однако в некоторых случаях тематические и лексико-семантические группы слишком ограничены по своему составу, вследствие этого принципиальные различия с лексико-семантическими группами нейтрализуются [подробнее см.: Тарланов 1995].

Анализ семантики футбольных терминов в системах разных языков (славянские языки: русский, украинский, чешский, польский, болгарский и румынский как романский и для автора родной) позволил разделить эти термины на следующие тематические группы: 1) обозначения “деятелей”, участников игры; 2) наименования футбольных объединений; 3) наименования способов и средств ведения игры; 4) обозначения видов и частей соревнований, а также способов проведения турниров; 5) судейские термины контроля за состязаниями; 6) термины, обозначающие спортивные объекты; 7) наименования зон и границ ведения игры; 8) названия достижений или неудач команд, футболистов; 9) названия способов и результатов подготовки игроков к соревнованиям; 10) обозначения любителей футбола. Рассмотрим каждую тематическую группу в отдельности.

1) обозначения “деятелей” футбола

Очевидно, в данную тематическую группу входят термины: **рус.** *игрок, капитан, судья, тренер*; **укр.** *грач, капітан, суддя, тренер*; **чеш.** *hrac, kapitan, soudce, trener*; **пол.** *gracz, kapitan, sedzia, trener*; **бол.** *играч, капитан, съдия, треньор*; **рум.** *jucator, capitan, arbitru, antrenor*. В соответствии с этим выделяется ряд лексико-семантических подгрупп:

а) наименования членов команды: **рус.** *игрок, футболист*; **укр.** *грач, футболіст*; **чеш.** *hrac, fotbalista*; **пол.** *gracz, piłkarz*; **бол.** *играч, футболист*; **рум.** *jucator, fotbalist*;

б) обозначения футболистов по их амплуа: **рус.** *вратарь, защитник, полузащитник, нападающий*; **укр.** *воротар, оборонець, півзахисник, нападаючий*; **чеш.** *brankar, obrance, zaloznik, utocnik*; **пол.** *bramkarz, obranca, pomocnik, napastnik*; **бол.** *вратар, защитник, полузащитник, нападател*; **рум.** *portar, fundas, mijlocas, atacant*;

в) наименования групп игроков одного амплуа: **рус., укр.** *атака, оборона*; **чеш.** *utok, obrana*; **пол.** *atak, obrona*; **бол.** *атака, отбрана*; **рум.** *atac, aparare*;

г) названия игроков, отражающие противоборство футболистов: **рус.** партнер, соперник; **укр.** партнер, суперник; **чеш.** partner, souper; **пол.** partner, przeciwnik; **бол.** партньор, съперник; **рум.** partener, adversar;

д) названия футболистов в зависимости от степени их профессионализма, уровня подготовки: **рус.** профессионал; **укр.** професіонал; **чеш.** professional; **пол.** profesjonalista; **бол.** професионалист; **рум.** profesionist;

е) названия игроков по их роли и значению в команде: **рус.** капитан, лидер, бомбардир; **укр.** капітан, лідер, бомбардир; **чеш.** kapitan, vedoucí, zavodník, kanonýr; **пол.** kapitan, lider, snajper; **бол.** капитан, лидер, голмайстор; **рум.** capitan, lider, golgeter;

ж) названия руководителей и должностных лиц футбольной команды: **рус.** тренер; **укр.** тренер; **чеш., пол.** trener; **бол.** треньор; **рум.** antrenor;

з) названия лиц, следящих за выполнением правил игры в ходе матча: **рус.** судья; **укр.** суддя; **чеш.** soudce; **пол.** sędzia; **бол.** съдия; **рум.** arbitru.

Самым обширным является лексико-семантическое поле “названия футболистов по их амплу”.

2) наименования футбольных объединений

Термины данной группы образуют по меньшей мере 5 лексико-семантических подгрупп:

а) названия футбольных коллективов-участников соревнований: **рус.** команда, клуб, сборная; **укр.** команда, клуб, збірна; **чеш.** mužstvo, klub, reprezentace; **пол.** drużyna, klub, reprezentacja; **бол.** отбор, клуб, национален отбор; **рум.** echipa, club, nationala;

б) названия команд, отражающие их противоборство: **рус.** соперник; **укр.** суперник; **чеш.** souper; **пол.** przeciwnik; **бол.** съперник; **рум.** adversar;

в) обозначения футбольных коллективов в соответствии с их успехами, достижениями: **рус.** лидер, победитель, чемпион, вице-чемпион; **укр.** лідер, переможець, чемпіон, вице-чемпіон; **чеш.** vedoucí zavodník, vítěz, mistr, vicemistr; **пол.** lider, zwycięzca, mistrz, wicemistrz; **бол.** лидер, победител, шампион, вице-шампион; **рум.** lider, castigator, campion, vicesampion;

г) наименования относительно замкнутых групп коллективов, играющих в национальных первенствах: **рус.** лига, дивизион (в чемпионатах СССР использовались термины группа, подгруппа); **укр.** ліга; **чеш., пол.** liga; **бол.** лига; **рум.** liga, divizie;

д) обозначения руководящих футбольных организаций: **рус.** федерация; **укр.** федерація; **чеш.** federace; **пол.** federacja; **бол.** федерация; **рум.** federatie.

Обратим внимание на тот факт, что в лексико-семантических полях реализуются логико-семантические (иерархические) отношения между терминами: **рус.** команда-клуб; **укр.** команда-клуб, переможець-чемпіон; **чеш.** mužstvo-klub, vítěz-mistr; **пол.** drużyna-klub, zwycięzca-mistrz; **бол.** отбор-клуб, победител-шампион; **рум.** echipa-club, castigator-campion (связь род – вид). Здесь же находят отражение синонимия и антонимия терминов: **рус.** защита-оборона, бек-защитник; **укр.** захист-оборона, бек-оборонець; **чеш.** obrana – defenziva, bek – obrance; **пол.** obrona – defensyw, obronca – defensor; **бол.** защита – отбрана, бек – защитник; **рум.** aparare – defensive, bec – aparator – fundas (синонимы); **рус.** атака – оборона; **укр.** атака – оборона; **чеш.** útok – obrana; **пол.** atak – obrona; **бол.** атака – отбрана; **рум.** atac-aparare (антонимы).

В дальнейшем мы будем описывать отношения, возникающие в лексико-семантических подгруппах, здесь же ограничимся лишь перечислением этих подгрупп.

3) наименования способов и средств ведения игры

К этой тематической группе относятся обозначения всех действий, из которых складывается игра футболистов и команд. Здесь выделяются следующие подгруппы:

а) обозначения технических действий с мячом полевого игрока: **рус.** удар, дриблинг, финт; **укр.** финт, удар; **чеш.** dribbling, fint, stre(l)ba; **пол.** drybling, strzal; **бол.** дрибъл, финт, удар, шут; **рум.** dribbling, fenta, sut, lovitura;

б) наименования командных тактических действий в защите: **рус.** защита, оборона; **укр.** захист, оборона; **чеш.** obrana, defenziva; **пол.** obrona, defensywa; **бол.** защита, отбрана; **рум.** aparare, defensiva;

в) названия командных тактических действий в атаке: **рус., бол.** атака, нападение; **укр.** атака, напад; **чеш.** utok, ofenziva; **пол.** atak, ofensywa; **рум.** atac, ofensiva;

г) обозначения способов организации командных игровых действий: **рус.** система игры; **укр.** система (i)гри; **чеш.** system hry; **пол.** system gry; **бол.** система на играта; **рум.** system de joc;

д) наименования тактических действий, которые осуществляются отдельными группами игроков: **рус., укр., бол.** пас; **чеш., пол.** pas; **рум.** pasa.

4) обозначения видов, частей соревнований и времени проведения турниров

а) названия состязаний между двумя командами: **рус.** игра, матч, встреча, дерби; **укр.** (i)гра, матч, зустріч, дербі; **чеш.** hra, zapas, utkani, derby; **пол.** gra, mecz, spotkanie, derby; **бол.** игра, матч, среща, дерби; **рум.** joc, meci, partida, intilnire, derbi/derby;

б) названия соревнований, в которых участвует обычно более двух команд: **рус.** чемпионат, первенство, кубок; **укр.** чемпионат, першість, кубок; **чеш.** mistrovství, prebor, sampionat, pohar; **пол.** mistrzostwo, czempionat, puchar; **бол.** шампионат, първенство, купа; **рум.** sampionat, cupa;

в) наименования составных частей матча: **рус., укр.** тайм; **чеш.** polocas; **пол.** polowa; **бол.** полувреме; **рум.** repriza;

г) названия составных частей турнира: **рус.** тур, полуфинал, финал, четвертьфинал; **укр.** тур, півфінал, фінал, чвертьфінал; **чеш.** kolo, semifinale, finale, ctvrtfinale; **пол.** koleika, polfinal, final, cwiarcfinal; **бол.** кръг, полуфинал, финал, четвъртфинал; **рум.** etapa, semifinala, finala, sfert de finala;

д) обозначения времени проведения турниров: **рус., укр., бол.** сезон; **чеш.** sezona; **пол., рум.** sezon.

5) судейские термины контроля за состязаниями

а) обозначения единиц учета: **рус.** автогол, гол, счет, очко; **укр.** автогол, гол, рахунок, очко; **чеш.** autogol, gol и branka, skore, bod; **пол.** autogol, gol и bramka, wynik, punkt; **бол.** автогол, гол, точка; **рум.** autogol, gol, scor, punct;

б) наименования итогов игры: **рус.** результат, победа, выигрыш, ничья, поражение, проигрыш; **укр.** перемога, нічия, поразка, проигрыш; **чеш.** vitezství, vyhra, remiza, porazka, prohra; **пол.** zwyciestwo, wygrana, remis, porazka, przegrana; **бол.** победа, печалба, реми, поражение, загуба; **рум.** victorie, meci nul, infringere;

в) обозначения способов учета достижений команд (в турнирах): **рус.** турнирная таблица; **укр.** турнірна таблиця; **чеш.** poradí; **пол.** tabela; **бол.** турнирна таблица; **рум.** clasament;

г) наименования определяемых судьями стандартных положений: **рус.** аут, пенальти, corner; **укр.** аут, пеналті, corner; **чеш.** aut, penalty, roh; **пол.** aut, karny, korner; **бол.** аут, дузна, corner; **рум.** aut, penalty/penalty, corner;

д) названия положений (правил), предписывающих определенные действия игрокам и судьям: **рус., укр., бол.** офсайд; **чеш., пол.** ofsajd; **рум.** ofsaid;

е) обозначения нарушений правил игры футболистами: **рус., укр.** фол; **чеш., пол.** fault; **бол.** фаул; **рум.** fault;

ж) наименования штрафных санкций: **рус.** карточка, дисквалификация; **укр.** карточка, дискваліфікація; **чеш.** karta, diskvalifikace; **пол.** kartka, dyskwalifikacja; **бол.** картон, дисквалификация; **рум.** cartonas, descaleficare;

з) названия способов осуществления судейского контроля за игрой: **рус.** судить, свисток; **укр.** судити, свисток; **чеш.** soudcovat, pist'alka; **пол.** sedziowac, gwizdek; **бол.** реферирам, свирка; **рум.** a arbitra, fluier.

б) термины, обозначающие спортивные объекты

а) наименования спортивных (футбольных) сооружений или их частей: **рус.** стадион, поле, штанга, перекладина; **укр.** стадіон, поле, штанга, перекладина; **чеш.** stadion, hrste, tys, brevno; **пол.** stadion, boisko, slupek, poprzeczka; **бол.** стадион, игрище, греда, напречна греда; **рум.** stadion, teren, bara, bara transversala;

б) названия футбольного инвентаря: **рус.** мяч, свисток, карточка; **укр.** м'яч, свисток, карточка; **чеш.** mic, pist'alka, kartka; **пол.** pilka, gwizdek, kartka; **бол.** топка, свирка, картон; **рум.** minge, fluier, cartonas;

в) названия атрибутов футбольной атрибуции: **рус., укр.** футболка; **чеш.** tricko; **пол.** koszulka; **бол.** фланелка; **рум.** tricou.

7) наименования зон и границ ведения игры

а) названия частей поля: **рус., укр.** центр; **чеш.** stred; **пол.** srodek; **бол.** център; **рум.** centru;

б) названия элементов разметки поля: **рус., укр., бол.** линия; **чеш., рум.** linie; **пол.** linia.

8) наименования достижений (неудач) команды или отдельного футболиста

а) обозначения достижений (неудач), проявляющихся в конкретном результате: **рус., бол.** победа, поражение; **укр.** перемога, поразка; **чеш.** vítězství, porazka; **пол.** zwyciestwo, porazka; **рум.** victorie, infringere;

б) обозначения достижений (неудач), выражающихся в самом процессе игры, в борьбе с соперниками на футбольном поле: **рус.** стиль игры; **укр.** стиль (і)гри; **чеш.** styl hry; **пол.** styl gry; **бол.** стил на играта; **рум.** stil de joc.

9) названия способов и результатов подготовки игроков к соревнованиям

обозначения способов подготовки: **рус., бол.** тренировка; **укр.** тренування; **чеш.** trenink; **пол.** trening; **рум.** antrenament;

10) термины, называющие любителей футбола

Данная тематическая группа имеет очень ограниченное число терминоединиц: **рус.** болельщик; **укр.** болільник; **чеш.** fanousek; **пол.** kibic; **бол.** запальянко; **рум.** supporter.

Перед нами тот случай (как и в девятой группе), когда тематическая группа и лексико-семантические подгруппы не различаются, совпадают. Упорядоченность элементов тематического поля оказывается в точности такой же, как и элементов лексико-семантического поля.

Из перечисленных тематических групп надо отметить в первую очередь группы 1-6. Они являются основными, поскольку содержат наименования самых важных, в том

числе – базовых, понятий терминосистемы. Однако роль “периферийных” групп тоже нельзя недооценивать. Будучи в целом небольшими по составу входящих в них языковых терминов, эти группы могут постепенно расширяться, потому что в специальной лексике происходит процесс превращения речевых терминов в языковые. Другим источником пополнения групп могут стать наименования новых понятий: например, в связи с тем, что способы подготовки футболистов к соревнованиям изменяются, совершенствуются, возникают и новые реалии, связанные с тренировочным процессом, и, соответственно, – обозначения этих реалий. Правда, вероятность появления новых терминов в основных тематических группах еще более высока. Особенно это касается групп «Наименования способов и средств ведения игры» и «Судейские термины контроля за состязаниями». Последняя тематическая группа представляется наиболее открытой, так как она должна включать в себя наименования всех нововведений в правила игры, а таких нововведений, инициаторами которых выступают руководящие футбольные организации, предлагается сейчас очень много. С другой стороны, не каждое новое понятие сразу же получает словесное оформление. Например, уже несколько лет действует правило, согласно которому вратарь не имеет права брать мяч в руки, если партнер сделал ему передачу ногой, тем не менее официального названия это правило до сих пор не получило. Таким образом, существуют факторы, препятствующие расширению тематических групп, а значит, и всей терминосистемы.

Предложенная классификация специальной футбольной лексики не лишена недостатков. Отметим наиболее существенные из них.

Не достигается полнота классификации: отражены не все тематические и лексико-семантические поля. К примеру, возможно выделение особой тематической группы «Методы борьбы с точки зрения их честности и корректности». В нее можно включить такие специальные названия, как *антифутбол*, *фэйр-плей*. Впрочем, данную тематическую группу можно рассматривать и как лексико-семантическую подгруппу в составе другого тематического поля – «Наименования способов и средств ведения игры».

Не всегда соблюдается чистота классификации: некоторые термины оказываются сразу в двух тематических полях. Среди таких терминоединиц: **рус., бол.** *победа, поражение*; **укр.** *перемога, поразка*; **чеш.** *vitezstvi, porazka*; **пол.** *zwyciestwo, porazka*; **рум.** *victorie, infringere* (тематические группы «Судейские термины контроля за состязаниями»; «Обозначения достижений или неудач команды, отдельного футболиста»).

Чаще всего с разными тематическими группами соотносятся и разные значения термина-полисеманта, ср. *желтая карточка* в значении ‘листок картона’ (тематическая группа «Названия спортивных объектов») и в значении ‘сигнал предупреждения’ (тематическая группа «Судейские термины контроля за состязаниями»); *защита* как ‘комплекс мер по обеспечению безопасности ворот’ («Наименования способов и средств ведения игры») и в значении ‘группа игроков’ («Наименования “деятели” футбола»). Заметим, причем, что, относя лексико-семантические варианты одного термина к разным тематическим группам, мы исходили из реальных языковых фактов, игнорирование которых было бы гораздо большей ошибкой.

В целом, выявляя тематические и лексико-семантические поля, мы старались точно отразить степень упорядоченности футбольных терминов разных систем.

ЛИТЕРАТУРА

- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.
- Даниленко В.П.* Русская терминология. М., 1977.
- Зарохович Л.А.* Англо-русский и русско-английский словарь футбольных терминов. М., 2002.
- Кикнадзе А.* Обожаемый интриган. За футболом по пяти материкам. М., 2001.
- Кондрашов Н.А.* Славянские языки. М., 1962.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
- Лейчик В.М.* Основные положения сопоставительного терминоведения // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж, 1988.
- Митрофанова О.Д.* Этимологический компонент термина и его семантические преобразования // Освоение семантического пространства русского языка иностранцами. Тезисы докладов международной конференции (7-9 апреля 1997 г.). Нижний Новгород, 1997.
- Российский футбол за 100 лет. Энциклопедический справочник. М., 1997.
- Рылов А.С.* Футбольная терминология. Словарь-справочник. Нижний Новгород, 1997.
- Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск, 1995.
- Филин Ф.П.* Заметка о некоторых терминах материальной культуры в древнерусском языке // Philologica. Л., 1973.
- Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // НДВШ. Филологические науки. 1960. № 1.
- Vraciu A.* Gramatica comparata a limbilor slave. Iasi, 1971.

Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. Hrsg. von Helmut Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer. Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C.H.Beck Muenchen. Muenchen 2002. 219 S. (= Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge. Heft 121.)

За последние три десятилетия русистика сделала большой шаг в изучении грамматической традиции русского языка до Ломоносова, развивая дальше научное направление, основы которого положены Б.А.Лариным [1] и Б.О.Унбегауном [2]. Был опубликован ряд грамматик [3], монографий, сборников и статей. Рецензируемая книга вносит новый, существенный вклад в разработку этой важной проблематики. Она содержит исследование и текст рукописной грамматики русского языка “Compendium Grammaticae Russicae”. Работа подготовлена известным славистом, профессором Боннского университета Гельмутом Кайпертом при участии его сотрудницы Андреи Гутерер. Проф. Кайперт давно уже занимается русским лингвистическим наследием XVIII века и является одним из ученых, благодаря которым данное научное направление развивается успешно [4].

Рукопись грамматики обнаружена проф. Кайпертом в Санкт-Петербурге, в Отделе рукописей Библиотеки РАН, где она хранится под шифром F.250. Рукопись неполная. В своем нынешнем виде она состоит из титульного листа, первой части (50 страниц) и второй части (64 страницы). Основной текст грамматики написан на немецком языке, иллюстративные примеры – на русском, кириллицей. Труд, очевидно, готовился к печати и предназначался для иностранцев, изучающих русский язык, о чем свидетельствует его заглавие на титульном листе: “III. Compendium Grammaticae Russicae oder Kurtze Einleitung zu der Russischen Sprache Denen Auslaendern zum Besten ausgegeben”. Рукопись анонимна, не локализована и не датирована.

Рецензируемая книга состоит из 3 разделов: Введение (с. 8 – 127), Текст (с. 129 – 200), Иллюстрации (с. 201 – 219). **Введение** представляет собой монографию, содержащую всестороннее систематическое описание грамматики: кодикологическое описание рукописи (§ 1), результаты работы по ее датировке и локализации (§ 2), по идентификации ее почерков (§ 3) и авторского коллектива (§ 4), по определению ее источников (§ 5), комментариев к ее содержанию (§§ 6, 7). Проблемам датировки, локализации и авторства рукописи проф. Кайперт посвятил долгие годы кропотливой работы [5]. В итоге он предлагает хорошо аргументированные, сделанные с максимальной осторожностью выводы. По его мнению, “Compendium” возник в 1731 г. или несколько раньше, но с идеей быть готовым к изданию в этом году. Во всяком случае, он предшествует другой грамматической работе – “Anfangs – Gruende”, которая, как справедливо предполагает проф. Кайперт, представляет собой сокращенный вариант “Compendium”-а. Над последним в качестве писцов и редакторов работало несколько человек, т.е. труд представляет собой коллективную работу. И не просто коллективную, а иерархически организованную, о чем можно судить по характеру примечаний в рукописи. У коллектива были большие административные возможности и полномочия, что наряду с другими, приведенными Г. Кайпертом фактами, указывает на Санкт-Петербургскую Академию наук как на место создания рукописи. С большой долей вероятности писцом второй части грамматики и

ответственным за труд в целом можно считать Мартина Шванвица, преподавателя немецкого языка в гимназии при Академии наук, что хорошо синхронизируется и с письменным свидетельством 1734 г. о том, что М. Шванвиц написал грамматику русского языка. Среди людей, по-видимому также причастных к изготовлению рукописи, проф. Кайперт называет В.Е. Адодурова, Лаврентия Блюментроста – президента Академии наук (его распоряжения записаны его секретарем Ф. Гмелиным), Й. Шумахера – библиотекаря и административного руководителя Академии, переводчика, большого знатока русского делового языка начала XVIII столетия. В. Адодуров, которому приписывается русская грамматика 1738 – 40 гг., выступал здесь, очевидно, в роли русского консультанта (требование об участии такого лица в проекте выражено специально), но можно согласиться с Г. Кайпертом, что, судя по немногочисленным исправлениям, В. Адодуров был причастен к работе над грамматикой с самого начала. Не ясно, кому принадлежат очень важные, записанные красными чернилами глоссы, выдержанные в духе лингвистических взглядов И. Пауса. Остается и ряд других не идентифицированных членов авторского коллектива, которых проф. Кайперт предлагает искать в кругу опытных русских переводчиков, работавших в 30-ые гг. XVIII в. над изданием “Санкт-Петербургских ведомостей” и “Примечаний” к ним, над русификацией “Teutsche Grammatika“ 1730 г. или подготовкой “Deutsch – Lateinisch- und Russisches Lexicon”. Таким образом, очевидно, в “Compendium”-е можно видеть академический проект грамматики русского языка, реализованный немецко-русским коллективом, и его действительно можно определить как первую академическую грамматику русского языка. Следует обратить внимание на активное участие немцев, в том числе и высокопоставленных деятелей Российской Академии наук, в этом проекте. Если учесть и другие грамматические и лексикографические труды, созданные немцами в России в начале XVIII в., их преподавательскую и научную деятельность, то становится очевидной большая роль немецких выходцев в становлении русской грамматикографии и в развитии русской лингвистики вообще.

С наименьшей тщательностью разработан в рецензируемой монографии и вопрос об источниках “Compendium”-а. Вопрос сложный, поскольку грамматика является оригинальным трудом, а не списком известного уже грамматического сочинения. По мнению проф. Кайперта, с наибольшей надежностью среди ее источников можно назвать петербургскую “Teutsche Grammatika”, изданную в 1730 г. М. Шванвицом в качестве учебника немецкого языка для гимназии при Академии, и грамматику Иоганна Вернера Пауса (Паузе) “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache” [6]. Первая определила в основных чертах структуру “Compendium”-а, во второй можно видеть основного “поставщика” его русского лингвистического материала. Авторы “Compendium”-а использовали и другие грамматические работы, по меньшей мере латинскую “Grammatika Marchica” – один из популярнейших в XVIII в. в Германии учебников латинского языка, введенный в конце 20-ых годов XVIII столетия и в петербургскую гимназию при Академии наук, и “Grammatica Russica” Г. Лудольфа 1696 г. Вероятно, среди источников были и польские грамматики – знакомство с ними чувствуется в терминологии. Польский язык присутствует также в “Орфографии” наряду с немецким и французским как язык сопоставления, может быть потому, что Шванвиц хорошо его знал. Выводы проф. Кайперта об источниках “Compendium”-а заслуживают большого внимания, потому что доказанная им ориентация рукописи на цитированные выше грамматики противоречит укоренившемуся в науке представлению о том, что русская грамматикография до Ломоносова базируется прежде всего на церковнославянской традиции. Конечно, считает проф. Кайперт, церковнославянские грамматики не могут быть оставлены без внимания, в особенности грамматика М.Смотрицкого и учебник Максимова 1723 г., но они оказывали влияние

скорее не прямым образом, а через посредство других источников, одним из которых в нашем случае безусловно была грамматика Пауса.

Иллюстрирующий материал в “Compendium”-е взят частью из других грамматических сочинений, частью из выпусков газеты “Ведомости” в период около 1730 г. Учтен и деловой язык того времени. В связи с ориентацией кодификаторов на язык “Ведомостей” проф. Кайперт ставит очень важный вопрос: в какой степени “Compendium” путем систематического отбора придает нормативность языковым фактам в “Ведомостях”, пропуская их, конечно, через фильтр существующей вариативности? Иными словами, в какой степени язык “Ведомостей” воспринимался авторами “Compendium”-а как образцовый? Чтобы ответить на этот вопрос, следует изучить язык газеты с точки зрения развития нормы литературного языка. Этот и многие другие вопросы, поставленные в рецензируемой монографии, раскрывают перспективы для новых исследований, и этим она особенно ценна.

“Compendium” вырастает из предшествующих ему грамматических трудов, но и сам оказывает влияние на последующее развитие русской грамматикографии. По всему видно, что он является важнейшим источником для “Anfangs-Gruende der Russischen Sprache / Первые начала русского языка” 1731 г. – первой русской грамматики, напечатанной в России и вышедшей в качестве приложения к Лексикону Вейсмана. Следы “Compendium”-а, причем в немалом количестве случаев, заметны в написанной на русском языке русской грамматике 1738 – 40 гг. и далее в грамматике Гренинга. Этот факт, со своей стороны, ставит снова вопрос о текстологии последних трудов. Грамматическая традиция с начала XVIII в., оформленная, по проф. Кайперту, в основном И. Паузе и *Teutsche Grammatika*, чувствуется даже у Ломоносова, а это наводит на мысль, что Ломоносов, вероятно, был лучше знаком с произведениями своих предшественников, чем это до сих пор предполагалось (с. 120 книги).

Основное место в монографической части книги занимает комментарий к тексту грамматики (с. 41-118). Он имеет целью раскрыть отношение “Compendium”-а к его источникам, показать процесс “заимствования”. Вместе с тем последовательно указывается на воспринятые дальнейшей грамматической традицией решения и в особенности на те из них, которые нашли отражение в “Anfangs-Gruende”, в грамматике Адодурова 1738 – 40 гг. и в ее шведском переводе у Гренинга. Таким образом, “Compendium” представлен в потоке движения грамматической мысли как момент этого движения. Комментарий чрезвычайно детален и информативен. Тщательный разбор всех пунктов грамматики рисует пеструю картину терминологической и лингвистической интерпретации фактов русского языка в доломоносовских грамматиках, богатства речевых и языковых практик, влияния разных грамматических традиций, и в первую очередь латинской, на русскую. Углубленный анализ, сделанный проф. Кайпертом, проливает свет на сложный процесс нормализации русского литературного языка того периода, на его факторы и принципы, на конфликтность и преемственность мнений. Один из важных аспектов кодификации в “Compendium”-е проявляет себя в сознательной и целенаправленной русификации (*zielstrebig bewusste Russifizierung* – с. 119 книги) объекта лингвистического описания. Лингвистический материал из “славяно-русской грамматики” Пауса использован выборочно, церковнославянские слова и формы устранены. Этот подход был облегчен в значительной степени уже существующей в последней грамматике оппозиции церковнославянское – русское, которую сам Паус расширил за счет включения в нее новых языковых явлений [7].

Второй раздел книги содержит текст “Compendium”-а. Воспроизведение текста сделано исключительно аккуратно, с максимальной передачей особенностей оригинала. Как уже было отмечено, рукопись грамматики не полная и имеет только две части:

орфографию (с. 1-50) и этимологию (с. 1-64, не закончена). Две остальные, выделяемые по традиции, части (синтаксис и просодия) отсутствуют. Грамматика написана на немецком языке. Везде русский материал дается и в переводе на немецкий язык, нередко приводятся параллели и из других языков. Во многих случаях отмечаются различия между церковнославянским и русским языками.

В “Орфографии” представлены буквы русского алфавита и их названия в немецкой, польской и французской транслитерациях. Далее следует описание звучания отдельных букв и фонетической системы русского языка. Специальное внимание уделено группам согласных, двойным согласным и чередованию согласных, т.е. явлениям, с которыми могут быть связаны трудности при усвоении иностранцами русского языка. За общим изложением орфографии следуют 4 главы: Об орфографии вообще (употребление прописных букв, передача иностранных слов, числовое значение кириллических букв и т.д.), Об орфографии в частности (паронимы), О знаках препинания, О сокращениях.

От второй части рукописи (“Этимология”) сохранились 4 главы: Об этимологии вообще, Об именах, местоимениях и причастиях, Об именах, О склонении. В первой главе восемь частей речи рассмотрены с точки зрения их изменяемости/неизменяемости, с точки зрения их вида (Species) и начертания (Figura), т.е. словообразовательного и морфологического состава, с точки зрения аналогии (регулярности их изменения), аномалии (нерегулярности их изменения) и числа. Во второй главе представлены категории рода, падежа и склонения. При этом выделено 7 родов (мужской, женский, средний, общий, всякий, недоуменный и преобщий) и 7 падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, сказательный). В третьей главе рассмотрены имена – существительные и прилагательные. Больше внимания уделено прилагательным. Специально отмечена предикативная функция кратких форм прилагательных. Подробно изложен вопрос о степенях сравнения с указанием на возможные чередования согласных. В четвертой главе даны основные правила склонения существительных и прилагательных. Выделено 5 типов склонений – 4 для существительных и 1 для прилагательных. Представлены парадигмы субстантивных типов. Любопытно, что при этом указана и принадлежность иностранных слов к каждому типу.

Глоссы на полях рукописи воспроизведены издателями “Compendium”-а в сносках. Чрезвычайно интересно проследить за ними, особенно в случаях, когда они “спорят” с основным текстом. Например, на полях страниц 22-24 есть красная глосса, в которой выражено несогласие с утверждением основного текста, что прилагательные в русском языке имеют три степени сравнения. В глоссе разъясняется, что русские прилагательные в отличие от церковнославянских не имеют сравнительной степени, но зато располагают тремя и даже более способами выражения превосходной степени. Сравнение в русском языке выражается сравнительной степенью наречий (с. 178 книги). Эта интерпретация “заимствована” далее в “Anfangs – Gruende”, присутствует в грамматике Гренинга и сказалась в “Российской грамматике” Ломоносова (с. 92 книги, сноска 124).

В конце рецензируемой книги приложено 15 фотокопий разных листов грамматики. Благодаря им можно получить непосредственное впечатление о рукописи, о многообразии почерков в ней, о способе работы авторского коллектива, о сложности ее исследования.

Издание “Compendium”-а восполняет один из пробелов в наших представлениях о доломоносовской русистике и в некотором отношении корректирует существующий на нее взгляд. Критическое прочтение текста грамматики, выявление ее источников и ее влияния на последующую традицию показало, что грамматические труды по

русскому языку доломоновского времени взаимосвязаны и в их цепочке “Compendium”-у принадлежит центральная роль. Проф. Кайперт проделал действительно огромную работу и с помощью своей сотрудницы А. Гутерер дал в руки русистам прекрасно изданный очень ценный источник истории русской грамматической мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Генрих Вильгельм Лудольф*. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б.А. Ларина. Л., 1937 (Материалы и исследования по истории русского языка, 1).

2. *В.О. Unbegaun*. Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers, VIII, 1958; *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatika Russica*. Oxonii A. D. MDCXCVI. Ed. By V. O. Unbegaun. Oxford, 1959; *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von V. O. Unbegaun. Muenchen, 1969 (= Slavische Propylaeen. Bd. 55).

3. *Б.А. Успенский*. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975 (опубликована грамматика В. Адодурова 1738 – 1740 гг.); *Weismanns Petersburger Lexicon von 1731*. Nachdruck von B. Scholz, G. Freidhof u.a. Teil I – II. Muenchen 1982 – 1983, Teil III: *Grammatischer Anhang*. Muenchen 1983; *J. Sohler*. Grammaire et Methode Russes et Françaises. 1724. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б.А. Успенского. 1-2. Muenchen, 1987; *L.Đurovič, A. Sjöberg*. Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка // *Russian Linguistics*, 1987, Vol. XI, 2-3, 255-287 (опубликован небольшой отрывок печатной русской грамматики, хранящийся в стокгольмском Государственном архиве под шифром Extranea 157:6,38); *Johann Ernst Glueck*. Grammatik der russischen Sprache (1704); Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Helmut Keipert, Boris Uspenskij und Viktor Zivov. Boehlau Verlag Koeln/Weimar/Wien, 1994 (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. N. F. Bd. 5 /20/); *A Dictionary of the Vulgar Russe Tongue*. Attributed to Mark Ridley. Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by G. Stone. Boehlau Verlag, Koeln/Weimar/Wien, 1996 (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. N.F. Bd. 8) [здесь в качестве введения к словарю дано краткое описание русского языка]; *Ф. Поликарпов*. Технология. Искусство грамматики. Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000; *Grammatica Russica Hamburgensis*. Kommentierte Edition der Handschrift Cod. Slav. 9 der Staats- und Universitaetsbibliothek Hamburg. Herausgegeben und kommentiert von M. Schmuecker-Breloer. Koeln/Weimar/Wien, 2001.

Наряду с грамматиками русского языка активно издаются и переиздаются и другие грамматические труды, бытующие на Руси и в России до середины XVIII в., а также ранние словари русского языка.

4. Г. Кайперт автор многих статей, посвященных вопросам русской языковой теории и практики XVIII – XIX вв. Им переизданы словарь Ф. Поликарпова (*Ф. Поликарпов*. Лексикон трязычный. *Dictionarium trilingue*. Москва, 1704. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. Muenchen, 1988) и грамматика Глюка (вместе с Б.А.Успенским и В. Живовым – см. примечание 3). По его инициативе и при активном его участии обработан для печати текст грамматики И. Пауса.

5. Работу над нею проф. Кайперт начал в 1988 г. Его предварительные наблюдения опубликованы в: *H. Keipert*. Русская грамматика Мартина Шванвица 1731

г. (Предварительные замечания о рукописи БАН F. N. 250) // Доломоносковский период русского литературного языка. Материалы конференции на Фагеруде, 20 – 25 мая 1989 г. Stockholm, 1992, 213-234.

6. Рукопись не опубликована. Хранится в Отделе рукописей библиотеки РАН в Собрании иностранных рукописей под шифром Q 192/I. Ее полное название “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache. Zum Nutzen sonderlich der Teutschen Nation aufgesetzt“ (1705 – 1729).

7. Подробнее об этой оппозиции в грамматике Пауса см. в: *В. Живов, Г. Кайперт. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6, с. 3-30.*

доц. д-р Цветана Ралева

Взгляд методиста на: *Сергей Влахов, Нов руско-български речник / Новый русско-болгарский словарь*. Под редакцией *Анны Липовской*. ИК «Парадигма». София, 2004.

Идеи и проблемы словаря

Этот новый словарь имеет старую историю. Для меня она началась в первые дни сентября 1969 года в Москве, на международной конференции преподавателей русского языка и литературы (впоследствии эта конференция стала известной как Первый конгресс МАПРЯЛ). В выступлении болгарского докладчика Сергея Влахова была изложена идея создания русско-болгарского словаря, в который были бы отобраны только слова, семантически непрозрачные для болгарина, т.е. полностью отличающиеся по форме от соответствующих болгарских слов. Идея была обоснована возможностью создания словаря для чтения, функциональный отбор и небольшой объем которого обеспечили бы удобство и быстроту пользования.

Идея показалась мне восхитительной. Действительно, многие исследования близости русской и болгарской лексики показывают, что доля слов, которые затруднили бы болгарина при понимании русского художественного текста, не превышает 40% и вовсе сходит на 20%, что касается публицистики. Составленный только из таких слов, русско-болгарский словарь был бы как минимум вдвое меньше по объему, на поиски слов уходило бы как минимум вдвое меньше времени, в результате чего почти не нарушалась бы непрерывность восприятия текста, что стимулировало бы мотивацию болгар читать на русском языке. **Применение этого принципа мультиплицировало бы эффект оптимизации чтения** по отношению ко всем близким в лексическом отношении языкам. Как просто! И почему до сих пор никто не догадался создать такой словарь?

Ответ на этот вопрос содержался в дальнейшем изложении С. Влахова на упомянутой конференции. Прежде всего докладчик остановился на отсутствии критериев установления степени близости русских и болгарских слов – правда, объективно существующей, но в принципе преодолимой трудности. Гораздо сильнее охладило мой энтузиазм второе соображение докладчика. Речь шла о неизбежном нарушении лексической системы языка, об опасности ее одностороннего представления в словаре, основанном на такой дифференциации слов. Понимая основательность такого опасения, я все-таки восприняла это соображение как отступление от смелой новаторской идеи и перестала надеяться – до той минуты, когда, год спустя, в 1970 году, взяла в руки только что вышедший в свет "Малък руско-български речник" (Малый русско-болгарский словарь), объемом в 20000 слов. Более чем скромное название не привлекло бы моего внимания, если бы не имя автора, которое воскресило надежду увидеть "старую" заманчивую идею все-таки реализованной.

Идея и в самом деле была реализована, но не только. Было найдено решение тех проблем, которые казались почти непреодолимыми. Был создан новый тип двуязычного словаря. Последовало новое издание (1979 г.), а в 2004 г. 50 000 заглавных слов составили основу Нового русско-болгарского словаря. О нем и речь.

Словарь как справочник пользователя читающего

Новым этот словарь назван на основании своих качественных характеристик, унаследованных от Малого словаря и развитых далее. Был найден способ применить стержневую идею словаря – дифференциацию русских слов по отношению к болгарским, – не исказив соотношения близкой и неблизкой в обоих языках лексики и в конечном итоге никак не нарушив лексическую систему русского языка, а тем самым и болгарского. Был создан поистине оптимальный справочник.

Быстрота нахождения слова при чтении обеспечивается *макроструктурой* словаря. Каждая страница "срезана" на две неравные части, отделенные горизонтальной линией. В *верхней части* страницы находится дифференциальная лексика, т.е. слова, полностью или в какой-то степени отличающиеся по форме от соответствующих болгарских слов, а значит – семантически непрозрачные для потребителя в его качестве читателя русского текста и нуждающиеся в семантизации, в данном случае через перевод на болгарский язык. Близкая же (по форме и значению) лексика, т.е. слова, понятные болгарину без перевода, "изъята" из верхней части страницы и расположена в *ее нижней части*, под чертой, тоже в алфавитном порядке. Если на двух страницах, ограниченных колоннитулами, не оказалось ни одного близкого или одинакового слова, эти страницы остаются гомогенными, т.е. имеют классический вид, без разделяющей поперечной линии (напр. с. 116-117), на других страницах под чертой может быть только одно или несколько слов (напр. с. 120-121). В большинстве же случаев нижняя часть страницы преобладает над верхней по количеству слов (напр. с. 560-561), хотя занимает меньше места. Этот парадокс объясняется *микроструктурой* словаря.

Стержневая идея о делении словника на близкую и дифференциальную лексику (по терминологии, принятой в методике) породила соответственно и новую интерпретацию словарных статей.

В *верхней части* страницы словарные статьи имеют все основные характеристики двуязычного словаря: левую (русскую) часть с информацией о лексических, грамматических, а при необходимости и стилевых особенностях, с ударением и необходимыми транскрибированными фонетическими особенностями и правую (болгарскую) часть, которая содержит болгарский коррелят или толкование каждого значения заглавного слова, возможные синонимы коррелята и иллюстративные примеры. О примерах стоит сказать отдельно.

При полном отказе от цитат (за исключением пословиц, поговорок и т.п.) в словарной статье представлены преимущественно конструктивные примеры:

бред... 1. Бълнуване; *больной в бреду* болният бълнува. 2. (*прен. разг.*) Дивотии, безсмислено бръщолевене, налудничави приказки... || **Бред сивой кобылы** (*прост.*) дрън, дрън, ярина; бабини деветини; врели-некипели.

Конструктивные примеры не только дают представление о функционировании слова в устном или письменном тексте, но и соотносятся с тем иллюстративным материалом, который автор условно называет "потенциальными примерами". Это болгарские слова, данные в круглых скобках и, по словам автора (стр. 9), "дополняющие, уточняющие, суживающие или расширяющие основное значение", как, впрочем, и связанную с ним лексическую и синтаксическую сочетаемость, например:

надеть... *что...* облека (дреха; НЕ дете, *срв. одеть*)

одеть... *кого...* облека (детето с палто *или* на детето палто, *срв. надеть*)

длинный... дълъг (път, ден; *спец.* вълни; *прен.* език)

долгий... дълъг (разлъка, ден; *ез.* гласни; продолжителен (мълчание). *Вж.*

длинный

Потенциальные примеры можно найти и в более ранних русско-болгарских словарях, созданных С. Влаховым или при его участии. Здесь впервые этот подход проведен с исключительной последовательностью. Как видно, целью потенциальных примеров является адекватное понимание значения слова, т.е. это забота о потребителе как о человеке читающем. Но не только.

Словарь как справочник пользователя говорящего и пишущего

Отсылка к слову (**одеть**), которое, вместе с заглавным словом (**надеть**), дополняет более широкое значение болгарского слова (**облека**), ориентирует пользователя на выбор дополнения при продукции речи – говорении или письме.

Вместе с исчерпывающей информацией о слове, о которой было сказано выше, словарная статья в верхней части страницы приобретает все характеристики большого учебного словаря, одинаково пригодного для пользования при рецепции и продукции речи. С той немаловажной разницей, что при чтении поиск слова происходит быстрее, так как ограничивается верхней частью страницы.

Обобщим: словарную статью в верхней части страницы имеют только слова, отличающиеся по форме от своих болгарских коррелятов (**карандаш**), а также русско-болгарские омонимы (**стол**), обнаруживающие формальную близость с соответствующими болгарскими словами при разных значениях:

карандаш... Молив (черен, цветни; химически; също за боядисване, гримиране и др.)

стол... 1. Маса (НЕ стол, *срв.* стул)...

К верхней части страницы потребитель будет обращаться как за значением непонятного при чтении слова, так и за уточнением свойств того слова, которое он собирается написать или сказать в контексте, будь эти свойства порождены системой языка или языковой нормой, в плане русского языка или в сопоставлении с болгарским (разница в лексической или грамматической сочетаемости и т.д.).

Эти свойства, знание которых необходимо для активного употребления слова, пользователь найдет и в нижней части страницы, где расположена семантически прозрачная лексика. На первый взгляд это просто список слов без перевода или толкования. Тем не менее мы имеем основание говорить о словарной статье, хотя и уместившейся, как правило, в одну строку:

лиша/ть(ся), -ю(сь), -ешь(ся) (*В.*), (*Р.*) *несв.*

разноязычный (население; текстове)

Так, на основании этих двух словарных статей, потребитель узнает:

- орфографию и место ударения заглавных слов;
- спряжение и вид глагола, управление переходного глагола (**лишать**), управление возвратного глагола (**лишаться**) без предлога, в отличие от соответствующего болгарского глагола, который требует предлога – лишавам се *от*;
- типичную лексическую сочетаемость прилагательного (**разноязычный**), подсказанную потенциальными примерами, правда, в данном случае аналогичную с сочетаемостью соответствующего болгарского прилагательного, но ведь аналогия тоже требует подтверждения, так как ее ожидание, как известно, не всегда оправдывается [см. Гочева 1999].

Теперь можно по-новому оценить смысл сохранения "понятных" слов в словаре дифференциального типа. Что это сохранение дает? "Только" ли полноту лексической системы? Немного нужно, чтобы установить: респект к системе не является самоцелью, он великолепно сопряжен с прагматизмом лексикографа, убежденного в том, что система существует не сама по себе, но ради своих функций.

Итак: вы хотите узнать русский эквивалент слова, которое собираетесь употребить? Существует большая вероятность, что это слово будет близким или одинаковым по своей графике с болгарским словом. Поэтому загляните сначала в нижнюю часть страницы на соответствующую букву. Нашли? Тогда обратите внимание на характеристики слова, приведенные в словарной статье: род, число, падеж, которым слово управляет и т.д. Так вы не только будете знать, какое слово употребить, но и избежите возможности ошибок в грамматике слова или в его сочетаемости – синтаксической или лексической. Не нашли искомого слова в нижней части страницы? По всей вероятности, это означает, что оно не относится к близкой лексике и вам следует обратиться к другому источнику информации – учителю или болгарско-русскому словарю.

Обобщим: в то время как дифференциальность оптимизирует процесс чтения, наличие в словаре близких слов обеспечивает полноту лексической системы при продуцировании речи. Остается сказать, как в словаре решена проблема о критериях степени близости. Хотя этот вопрос не затрагивается в предисловии, можно установить два принципа его решения: это традиция опираться на языковое чутье и опыт лексикографа-билингва и предельная требовательность к признанию близости как в отношении формы слова, так и при сопоставлении семантической структуры близких слов, т.е. при малейшем допущении сомнения в семантической прозрачности слова оно относится к дифференциальной лексике и описывается в верхней части страницы. Ответственность за такое решение, как и за тщательность обработки слов, разделила с автором его требовательный единомышленник Анна Липовска, под редакцией которой выходит Новый русско-болгарский словарь.

Словарь как источник идей для обучения лексике

Проблематика создания словаря дала толчок возможному решению методической проблемы: что делать с многочисленной близкой лексикой при обучении болгар русскому языку. По традиции этой лексике уделяется внимание только в том случае, если слово имеет какие-нибудь особенности при функционировании в речи.

Во всех остальных случаях как учитель, так и учащиеся, рассчитывают на легкое и быстрое запоминание "похожего" и "одинакового". Очень скоро пренебрежение этой проблемой дает о себе знать. Удельный вес этой лексики в языке слишком большой, чтобы все слова запоминались только на основании мимолетной встречи в тексте, даже неоднократной. В результате близость либо переоценивается и в русской речи болгар появляются болгаризмы (явная интерференция), либо недооценивается и болгары из-за неуверенности воздерживаются от употребления многих "общих" для обоих языков слов (скрытая интерференция), их речь становится более чистой, но менее точной, а значит – и менее информативной.

Наша попытка [Гочева 1993] сосредоточить внимание учащихся на близкой лексике была связана с заданиями классифицировать слова (в том числе близкие или только близкие) по разным признакам, т.е. с превращением тренировочных упражнений, как правило неинтересных, в проблемные задания, мотивирующие учеников. Проблематика словаря позволила пойти дальше – организовать лексическую работу на базе лексикографического проекта. В учебнике семиклассники знакомятся с идеей создания дифференциального словаря для чтения и, на базе предложенного в учебнике списка близких слов, которые встречались до этого момента в учебном процессе, убеждаются в трудности реализации этой идеи. Каждый ученик сам должен решить, какие из слов этого списка понятны без перевода и поэтому их можно "выбросить" из словаря для чтения. Результаты у разных учеников бывают каждый раз разными – одно и то же слово оказывается то узнаваемым, то нет. И как только ученики

убеждаются в трудности, почти невозможности создания такого словаря, они открывают в учебнике страничку, смоделированную (опять же на материале изученных слов) по образцу словаря С. Влахова и узнают, как автору удалось решить эту проблему. Следующие задания урока уводят учеников дальше в мир лексикографических поисков и находок, а как побочный эффект имеют непроизвольное усвоение близких слов, на материале которых моделировалась в классе исследовательская деятельность. И не только.

Лексикография и обучение

Идеи Нового русско-болгарского словаря, трансформированные в разные виды обучающей деятельности, породили интерес к возможностям лексикографического подхода при обучении. Эти возможности были апробированы в учебниках русского языка для болгарской школы в серии повторительных лексических уроков под названием "Твой друг словарь". Опора на принципы разных видов словарей оказалась поразительно плодотворной для вовлечения учащихся в обучение, которое они воспринимают в неожиданном и удивляющем их ракурсе. Так, например, они превращают болгарско-русский словарик, предложенный учебником (опять же из изученных слов) в русско-болгарский, для чего приходится сделать картотеку, превратить ее в список и т. д. На материале другого списка, предложенного в учебнике, учащиеся узнают, что такое обратный словарь, сопоставляют его со списком тех же слов в обычном алфавитном порядке, объясняют место одного или другого слова в двух параллельных списках, а предлагаемые задания приводят их к выводу о том, что "в конце слова скрыта его грамматика", дописывают стихи, пользуясь небольшими списками, построенными по принципу обратного словаря... Учатся замечать, как много информации можно извлечь из маленькой статьи толкового словаря (на материале изученных слов), далее убеждаются в том, что кроссворд – это просто "толковый словарь наоборот" (так как исходим из толкования, чтобы назвать слово), решают кроссворды на базе заданных толкований, сами составляют кроссворды, задавая условия в виде составленных всем классом элементарных толкований... Повторяют изученные слова, решая, какие из них годятся для включения в картинный словарь (вспоминая, как побочный результат, значение слов), сами составляют картинный словарь, записывая эти слова в отдельной тетради, изображая их значения, а также вписывая слова и на западном языке, который они изучают... И так далее – список типов словарей открыт. А компьютеризация школ позволяет превращать задания подобного типа в компьютерные игры, и увлечение лексикографической деятельностью приобретает новые возможности. Вряд ли нужно объяснять, что при этом нет необходимости снабжать каждого ученика словарем – т.е. что речь идет не о работе со словарями, а о моделировании лексикографической деятельности, в которой ученик оказывается то пользователем словаря, то "лексикографом", проникая в неожиданно захватывающий мир серьезных проблем и их прикладной значимости. Лексика при этом усваивается с легкостью, которая еще больше стимулирует изучение языка.

Лексикографический подход в обучении расширяет предмет научных поисков и достижений методики [Гочева 2000], порожденных в результате идей С. Влахова и их оригинальной практической реализации. Поэтому выход в свет Нового русско-болгарского словаря я считаю выдающимся событием, и не только для лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Влахов 1970 – *Влахов С.* Малък руско-български речник. С., 1970.
- Гочева 1999 – *Гочева Е.* Лексически минимум. Активний словарь русского языка. С., 1999.
- Гочева 2000 – *Гочева Е.* Чуждоезиково обучение. Теория и практика на учебника. С., 2000.
- Гочева и др. 1993 – *Гочева Э., Андреева С., Сосенко Э., Катаева М., Чернявская Т.* Русский язык для 7 класса. С., 1993.

проф. д-н Эмилия Гочева

ПРОФЕСОР СТЕФАНА ДИМИТРОВА – ЗАБЕЛЕЖИТЕЛЕН УЧЕН И ЧОВЕК

Дълги години съм имал щастието да общувам на езиковедското поле с проф. Стефана Димитрова, която винаги ме е учудвала и учудва най-дълбоко със своята изключителна компетентност на лингвист от най-висока класа, осведомена по всички клонове на граматиката в теоретичен и практичен план, по общо и сравнително езикознание, по езикова семантика, по детска реч, по пресупозиция на езика, по социолингвистика, по лексикография, по езикова демагогия и др. Десет години сме били заедно съвместители в катедрата по руски език на Шуменския университет “Епископ Константин Преславски”, оглавявана от нея умело и най-авторитетно. Там израснаха редица млади учени с богата лингвистична продукция под нейното непосредствено и най-благоотворно въздействие. Именно Шуменският университет ѝ присъди най-заслужено почетната титла “Доктор хонорис кауза”.

След 1985 година, когато напуснахме Шуменския университет, съм слушал нейни лекции по руска и американска лингвистика в Полша, Русия, Чехия и у нас, а вече няколко години сме заедно членове на Специализирания научен съвет по езикознание при ВАК, където тя често изнася много задълбочени рецензии и изказвания за дисертации и хабилитационни трудове на различни езици и с твърде сложна проблематика. В Охайо (САЩ, 1994 г.) излезе нейният капитален труд “Исключения в руском языке”, за който публикувах рецензия, която завършвам с думите:

Труд Димитровой многоаспектен и может быть полезен и для лингвистов, и для компаративистов, и для методистов, и для стилистов. Нет сомнения, что его издание – очень радостное явление в русистике, а тот факт, что он опубликован в США, является признанием его ценности [“Russian Language Journal”, Michigan 1995, № 162-164, p.361].

Трябва да прибавим, че проф. Димитрова е член на Асоциацията на американските русисти.

Може уверено да се каже, че всичко, до което се докосва нейното перо или което е обект на нейното устно слово, поражда с всестранното познаване на разисквания проблем. И това, което е много рядко при учените, – проф. Димитрова притежава завидния талант не само да пише убедително и задълбочено, но и да говори увлекателно и сладкодумно по най-сложни въпроси на лингвистиката.

Разбира се, че Стефана Димитрова като аспирантка на световноизвестния учен в Москва проф. В.Звегинцев е имала щастливата възможност за висока езикова школа (неговият портрет е винаги на стената в кабинета на Димитрова в Института за български език), но и самата тя се оказва рядко талантлив езиковед, който продължава да работи много плодотворно в различните клонове на лингвистиката. По семантика тя води спецкурс със студентите от Руска филология в Софийския университет “Св. Климент Охридски” и в Пловдивския университет “Паисий Хилендарски”, участва с ценни статии в различни езиковедски сборници по лингвистика на текста, по езиков менталитет, в юбилейни сборници, посветени на кръгли годишнини на университети и на наши известни езиковеди, в различни езиковедски списания у нас и в чужбина. Навсякъде, където се представя като лектор за една или няколко години (в Полша и в

Германия), проф. Димитрова оставя ярки следи като голям учен и като благородна личност. От нея се учат всички, които правят някакви начални или напреднали стъпки в езикознанието. Тя винаги е най-висок образец на Учен и Човек и България може да се гордее, че проф. Димитрова ни представя на всички езиковедски форуми у нас и в чужбина (бил съм свидетел, например, как в Полша тя е изнасяла основния доклад и се е изказвала най-компетентно по почти всички други доклади), че нейните многобройни трудове са фундаментални по разработка на научната проблематика, по богатство на мисли, по познавателна стойност на съдържанието, по яснота и прегледност на езика, по оригиналност на езиковедските идеи.

Дано Съдбата бъде милостива и ѝ отпусне още много години здраве и плодотворен живот за радост на всички нейни благодарни ученици и последователи!

доц. д-р Константин Попов

ПРОФЕССОРУ ИГОРЮ СТЕПАНОВИЧУ УЛУХАНОВУ 70 ЛЕТ

Игорь Степанович Улуханов – выдающийся русский ученый, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук. Его имя известно русистам многих стран мира, в том числе и болгарских, которые с глубоким уважением к его творческому делу и к высоким достоинствам его личности отмечают его семидесятилетие.

И. С. Улуханов родился 31 мая 1935 года в Москве. Он окончил филологический факультет Московского государственного университета и поступил на работу в Институт русского языка АН СССР. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему „Славянизмы в древнерусском языке XI – XVII вв. (глаголы с неполногласными приставками)”, в 1975 году – докторскую диссертацию, посвященную сложным и важным проблемам словообразовательной семантики в русском языке. В 1985 году И.С. Улуханову присвоено звание профессора, в 1986 году ему поручено было возглавить отдел истории русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. И.С. Улуханов возглавляет Комиссию по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, он является одним из соавторов *Закона о языках народов Российской Федерации* и *Программы развития языков народов России*.

И.С. Улуханов – автор более 300 работ по истории русского языка, исторической лексикографии, словообразованию, морфологии, морфематике, морфонологии, этимологии. Широта его научных интересов и исканий вполне соответствует его большим творческим возможностям и таланту.

Историко-лингвистические разыскания занимают важное место в исследовательской деятельности И.С. Улуханова. Вслед за диссертацией последовал целый ряд глубоко содержательных работ, посвященных истории некоторых заимствований из церковнославянского языка (т.н. старославянизмов или церковнославянизмов, славянизмов), определению причин их семантического преобразования, установлению их взаимодействия с соответствующими единицами в древнерусском литературном языке. Среди них такие работы, как „О судьбе славянизмов в древнерусском литературном языке” (1968 г.), „Глаголы с приставкой *предь-* в древнерусском языке XI – XVII вв.” (1966 г.), „Причины семантических преобразований славянизмов” (1966 г.), „Предлог *предь* в русском языке XI – XVII вв.” (1965 г.), „Славянизмы и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI – XIV вв. (глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *предь-*)” (1969 г.), „Славянизмы и народно-разговорная лексика в памятниках древнерусского языка XV – XVII вв. (глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *предь-*)” (1974 г.) и др. На основе обширного материала, извлеченного из древнерусских памятников разных жанров и временных периодов, И.С. Улуханов убедительно устанавливает основные сферы и нормы употребления „славянизмов и русизмов в отдельных разновидностях древнерусского литературного языка, а также в деловой речи”.

Оригинальной и интересной является статья И.С. Улуханова „Некоторые вопросы техники переводов с греческого, сделанных на Руси” (1975 г.). В ней ученый сопоставляет окказиональные глаголы с приставкой *пре-* (типа *препокоити*, *препродати*) с соответствующими греческими глаголами и доказывает, что подобные

глаголы с приставкой *пре-* возникли благодаря стремлению переводчиков передать структуру греческого слова, а также риторические приемы греческих авторов.

Подлинным историзмом отличается книга И.С. Улуханова „О языке Древней Руси” (1972 г.), в которой в сжатом виде раскрыты важные процессы взаимодействия церковнославянского и древнерусского языков, функциональное распределение книжно-славянского и народно-литературного типов древнерусского литературного языка. В 2002 г. эта содержательная книга вышла вторым, исправленным и дополненным изданием.

Историческая лексикография – важная область научных интересов И.С. Улуханова, который активно участвует в создании фундаментального академического „Словаря древнерусского языка”. Изданы уже шесть томов этого бесценного Словаря.

И.С. Улуханов – известный специалист в области словообразования. Настольными стали его новаторские труды „Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания” (1977 г., переизданная в 2001 г.), „Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация” (1966 г.), „Словообразовательная мотивация в русском языке” (2004 г.), „Избранные труды по словообразованию” (на немецком языке). Эти замечательные монографии являются важным вкладом в лингвистику.

Учение о синхронии и диахронии в словообразовании получило дальнейшую разработку в статьях И.С. Улуханова „О некоторых промежуточных явлениях в словообразовании. К соотношению синхронии и диахронии” (1972 г.), „Мотивация и производность. О степенях словообразовательной мотивированности слов” (1992 г.).

Научный интерес к проблемам исторического словообразования находит выражение уже в ранних работах И. С. Улуханова. Так, например, в статье „Глаголы с приставкой *предъ-* в древнерусском языке XI – XVII вв.” (1966 г.) он выделяет пять типов глаголов с приставкой *предъ-* с точки зрения их морфемной структуры, определяя убедительно общее деривационное значение приставки *предъ-* (как предшествование). И.С. Улуханов обосновал важный принцип общего подхода к словообразовательной системе русского языка как к системе динамической, реализованной в его статьях „О состоянии и перспективах изучения исторического словообразования русского языка” и „Основы построения исторического словообразования русского языка” (1994 г.).

В академической „Русской грамматике” И.С. Улуханов совместно с В.В. Лопатиным разработал и представил первое целостное описание словообразовательной системы русского языка в контексте взаимосвязи понятий словообразования и морфематики. Им совместно с В.В. Лопатиным написаны разделы „Словообразование” в академических грамматиках русского языка (1970 г. и 1989 г.). С именем И.С. Улуханова связаны обоснованные методы анализа и описания словообразовательных явлений русского языка, разработанные приемы реконструкции словообразовательных единиц, установленные виды словообразовательной мотивации, раскрыты новые закономерности сочетаемости морфем и ряд других творческих достижений. Это определяет заслуженное место И.С. Улуханова среди тех лингвистов, которые проложили современные пути развития словообразования, продвинули вперед его изучение в практике преподавания, стимулировали новые исследования дериватологов не только в России, но и в ряде других стран.

И.С. Улуханов активно участвует в национальной и международной научной жизни. Его доклады, научные сообщения, выступления всегда вызывают большой интерес, обогащают новыми идеями, выводами.

Научная общественность в России и в других странах дает высокую оценку научному делу И.С. Улуханова, многочисленные оригинальные труды которого являются большим вкладом в русистику и славистику.

И.С. Улуханов ведет большую плодотворную работу в России и за рубежом. Он выступал и выступает с лекциями в университетах Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, Кореи, Польши, Словакии, США, Финляндии, Чехии. Под его руководством написаны диссертации более 20 российских и зарубежных лингвистов. Он автор большого количества компетентных и объективных рецензий на диссертации, книги, учебники, словари.

Деятельность И.С. Улуханова является такой многогранной, что обратить внимание на все ее стороны просто невозможно. Но нельзя не подчеркнуть главного. И.С. Улуханов – человек ярких добродетелей. Своей почтенностью, своим высоким профессионализмом и чувством ответственности, своей глубокой преданностью научному и преподавательскому делу И.С. Улуханов служит примером истинного ученого, учителя, человека. Он пользуется заслуженным авторитетом среди своих коллег, студентов, аспирантов, друзей.

Болгарские русисты глубоко уважают и любят И.С. Улуханова. Они от всего сердца желают ему крепкого здоровья, творческого долголетия, новых научных достижений, большого человеческого счастья.

проф. дфн П. Филкова

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА КОЖИНА
(к 80-летию со дня рождения)

В августе 2005 г. отметила свой юбилей Маргарита Николаевна Кожина, известный в России и за рубежом ученый-лингвист, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор Пермского университета.

М.Н.Кожина родилась 1 августа 1925 г. в г. Кыштым Челябинской области в семье ученого-лесоведа. В 1948 г. окончила Пермский государственный университет (ПГУ). После обучения в аспирантуре в Институте языкознания Академии наук (Ленинградское отделение) и успешной защиты кандидатской диссертации возвращается в Пермь. Вся последующая научно-преподавательская деятельность Маргариты Николаевны связана с Пермским университетом, где она, работая на разных преподавательских должностях (от ассистента до профессора), читала лекции по лексике, синтаксису, стилистике, истории русского литературного языка, различным спецкурсам. После защиты в Московском университете в 1971 г. докторской диссертации на тему «Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи» 22 года руководила кафедрой русского языка и стилистики ПГУ, а затем работала и до настоящего времени работает профессором этой же кафедры.

Широк круг научных интересов М.Н. Кожиной: коммуникативно-функциональное направление в лингвистике, речеведческий аспект теории языка, функциональная стилистика и комплекс связанных с ней научных дисциплин, таких как стилистика текста, история русского литературного языка, социолингвистика, риторика, прагматика и др. Одной из первых в советском языкознании уже в начале 60-х гг. XX в. – в пору господства структурального направления – М.Н. Кожина обращается к разработке вопросов функционирования языка, к речеведческой проблематике – направлениям, которые впоследствии, как известно, привели к изменению парадигмы лингвистики. Несомненной заслугой М.Н. Кожиной является преобразование традиционной стилистики, создание теории и формирование по существу новой научной дисциплины – функциональной стилистики (учения о функциональных разновидностях языка) с оригинальным обоснованием совокупности экстралингвистических стилеобразующих факторов функциональных стилей на базе комплексного междисциплинарного подхода. Это научное направление обеспечено первым в стране учебником М.Н.Кожиной «Стилистика русского языка». В трудах М.Н.Кожиной определены основные понятия и категории этой научной дисциплины, специфика и речевая системность функциональных стилей, художественно-образная конкретизация, методы анализа стилей (в частности, стилостатистический и комплексный), расширен объект исследования стилистики за счет всестороннего изучения научной речи, инициировано и обосновано развитие ряда направлений стилистики: исторической (диахронической), сопоставительной; речеведения, понимаемого в качестве комплекса наук, изучающих речь; исследованы проблемы взаимодействия смежных научных дисциплин (в частности для определения динамики текстообразования в научной сфере), позже определены функциональные семантико-стилистические текстовые категории.

Работы М.Н. Кожиной предполагают изучение речи с глубоким учетом социальных и психологических факторов, поскольку речевая деятельность рассматривается как «погруженная в жизнь». Можно поэтому утверждать, что уже в начале и середине 1960-х гг. М.Н. Кожина предвосхитила дискурсивный анализ.

В 1980-90-е годы М.Н. Кожина развивает по существу новое направление – функциональную стилистику текста. Предметом исследования явилась стилистическая организация целого речевого произведения как представителя некоторого текстотипа, рассматриваемого в единстве его поверхностно-речевой и содержательно-смысловой сторон при учете широкого когнитивного, коммуникативного и социокультурного контекста. Именно специальное изучение экстралингвистической детерминированности текста, его коммуникативно целесообразной организации в той или иной сфере общения и междисциплинарный подход отличают эту концепцию от других исследовательских подходов в стилистике, лингвистике текста и лингвопрагматике. При этом функциональная стилистика текста существенно дополняет их, поскольку глубинные пласты структуры речевого произведения не могут быть вскрыты без включения в анализ широкой ситуации общения, иначе говоря, базовых для текстообразования социально-психологических явлений. В данной концепции само понятие экстралингвистических факторов приобретает новый, нетрадиционный смысл. М.Н. Кожина показала, что важнейшие характеристики процесса человеческого познания оказываются не просто внешними факторами, влияющими на формирование смысловой стороны текста, но и содержательными компонентами самой смысловой структуры текста.

Замечательный организатор науки, М.Н. Кожина создала пермскую школу функциональной стилистики, широко известную в России и за ее пределами. Итогом многолетнего исследования авторского коллектива под руководством М.Н. Кожиной явилось трехтомное издание «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв.» (1994, 1996, 1998), отмеченное премией Минвуза. А в 2003 г. под ее редакцией впервые в отечественном языкознании создан уникальный «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» (М.: Изд-во Флинта – Наука), отличающийся концептуальностью (коммуникативно-функциональной, речеведческой ориентацией) и системностью, как было отмечено в ряде зарубежных рецензий.

Новые исследования М.Н. Кожиной содержат масштабные идеи, относящиеся к общим вопросам функциональной стилистики и к разработке основ речеведения как целостной интегральной теории речи.

М.Н. Кожина опубликовала более 200 научных работ, в том числе 7 монографий. Учебник по стилистике выдержал 3 издания, переведен на иностранные языки, награжден бронзовой медалью ВДНХ. Многие из ее трудов отмечены рецензиями ведущих ученых в центральных и зарубежных журналах. По инициативе и под редакцией М.Н. Кожиной издано 20 выпусков межвузовских сборников, ряд монографий.

М.Н. Кожина много лет работала членом Головного Совета по филологии при Министерстве образования, является активным членом редколлегий международных журналов *Stylistyka*, «Стил». С 90-х годов она участвует в разработке международной научной программы «Синтез славянской стилистики» (с центром в Польше). Под ее руководством подготовлено и защищено 23 кандидатских диссертаций и 4 докторских; в настоящее время она готовит двух докторантов.

Наше удивление и глубокое восхищение вызывает творческая деятельность и ее плодотворность, которая проявляется не только в новизне идей, в программных статьях

М.Н.Кожиной, опубликованных в международных журналах и отечественных изданиях, но и в работах ее сегодняшних учеников.

Мы, коллеги и ученики Маргариты Николаевны, желаем ей здоровья и насыщенной творческой жизни.

*Кафедра русского языка и стилистики
Пермского государственного университета*

АКАДЕМИК Ю.Д. АПРЕСЯН УДОСТОЕН ЗВАНИЯ ПОЧЕТНОГО ДОКТОРА СОФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В начале 2005 года кафедрой русского языка факультета славянских филологий в Ученый совет Софийского университета им. Св. Климента Охридского было внесено предложение о присуждении почетного звания *Doctor Honoris Causa* выдающемуся российскому ученому-лингвисту академику Российской академии наук Юрию Дерениковичу Апресяну.

Филологам всего мира он известен своими работами в области структурной лингвистики, теоретической семантики, синтаксиса и лексикографии. Акад. Апресян руководит исследовательской работой по созданию систем машинного перевода, а также других систем автоматической обработки текста.

Огромно его научное влияние на лингвистов многих стран, в том числе и на лингвистов Болгарии. Труды Ю.Д. Апресяна неизменно включаются в состав библиографии, рекомендуемой всем студентам-филологам; их изучение является обязательным элементом подготовки аспирантов, преподавателей, научных работников в нашей стране. Акад. Апресян руководил работой болгарских аспирантов, среди которых в свое время была и профессор Софийского университета Ирина Червенкова.

В 1987 г. в Институте болгарского языка при БАН Ю.Д. Апресян провел семинар на тему «*Лингвистический процессор Этап-1, Этап-2*». Тогда же он прочитал цикл лекций по семантике в Софийском университете.

Несмотря на свою огромную занятость, акад. Апресян с готовностью отозвался на приглашение кафедры русского языка и принял участие с пленарным докладом и циклом лекций в юбилейной научной конференции, посвященной Владимиру Далю, которая проводилась в Софийском университете в 2001 г.

21 октября с.г. в переполненном Актовом зале Софийского университета состоялась торжественная церемония по присвоению звания Почетного доктора (*Doctor Honoris Causa*). Во вступительной речи зам. декана факультета славянских филологий доц. д-р Р. Божанкова говорила об исключительных заслугах акад. Ю.Д. Апресяна в области семантики и лексикографии. Зам. ректора Софийского университета проф. дфн Александр Федотов в соответствии с традицией произнес торжественное слово на латинском и староболгарском языках и вручил соответствующий диплом. Акад. Апресян был также награжден Почетным знаком Софийского университета с синей лентой.

В начале своей академической речи, посвященной теоретической семантике и системной лексикографии, акад. Ю.Д. Апресян выразил глубокую признательность руководству и всей научной общественности Софийского университета за оказанную честь.

Во время своего пребывания в Болгарии акад. Апресян прочитал еще одну лекцию, на тему «*Семантические правила*». Вместе с ним гостем кафедры русского языка была и проф. дфн М.Я. Гловинская, которая выступила с лекцией на тему «*Неконвенциональная оценка в русских речевых актах*». Лекции были прочитаны в созданном в прошлом году Центре русского языка при факультете славянских филологий Софийского университета. На гостей Центр произвел очень приятное

впечатление, и они выразили готовность инициировать дарение со стороны специализированного московского издательства «Языки славянской культуры» для библиотеки Центра.

В рамках культурной программы пребывания выдающихся российских ученых в Болгарии были осуществлены посещения исторических достопримечательностей Софии, Пловдива и окрестностей, а также природных феноменов Витоши и Родопских гор.

Представленные авторами тексты их лекций публикуются в данном номере журнала.

д-р Анна Липовска

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУСИСТОВ В ОЛОМОУЦЕ

С 6 по 8 сентября 2005 г. в стенах философского факультета Университета им. Палацкого в Оломоуце состоялась XVIII конференция из цикла **Оломоуцких дней русистов**, которые регулярно организуются оломоуцкой русистикой уже с 1976 г. Хотя первоначально речь шла о семинаре для выпускников-русистов, преподавателей средних школ и вузов, с 90-х годов XX века можно говорить уже о сугубо научном мероприятии, которое проводится под эгидой МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы) и Чешской ассоциации русистов (ЧАР).

В Оломоуц съехалось около 130 специалистов из 19 стран мира. Самым большим численным составом отличались делегации стран бывшего Советского Союза – Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Литва, Латвия, довольно много ученых приехало из Польши, Словакии, Венгрии и Чешской Республики. Своих представителей направили в Оломоуц также Германия, Бельгия, Австрия, Болгария, Сербия и Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина, Тайвань.

Торжественное открытие конференции состоялось в актовом зале философского факультета Университета им. Палацкого при участии представителя посольства Российской Федерации, председателя Чешской ассоциации русистов Йиржи Клапки, представителей Университета им. Палацкого и философского факультета. Место в почетном президиуме занял и один из представителей современной истории оломоуцкой русистики и основоположник Оломоуцких дней проф. дфн Мирослав Заградка.

После торжественного открытия и пленарного заседания работа конференции продолжалась в шести секциях, посвященных разным вопросам **лингвистики** «Русский язык – настоящее, прошлое, будущее», **лингводидактики** «Русский язык в межкультурном общении – современность и перспективы», **литературоведения** «Возможности интерпретации русской литературы» и **фразеологии** «Актуальные вопросы фразеологии».

В **лингвистической секции А** было заслушано 20 докладов, которые можно разделить на два общих тематических блока. Во-первых, выступающие занимались разными языковыми фактами разных языковых уровней, начиная с фонетического и кончая синтаксическим. Во-вторых, общим знаменателем докладов была проблематика лингвистики текста. Рассматривались тексты разных жанров и функционально-стилистической принадлежности, в частности научного, публицистического и делового.

В лингвистической секции Б было прочитано также 20 докладов, причем внимание докладчиков привлекали прежде всего прикладные аспекты изучения языкового материала. Говорилось о динамических тенденциях развития языка, психо- и социолингвистических исследованиях, теории речевой коммуникации, языковом этикете, о статусе русского языка как особого славянского интерязыка в постсоветский период. Часть докладов была посвящена проблемам транслатологии – теории и практике перевода.

В **лингводидактической секции** прозвучало 22 доклада, охватывающих три основных тематических круга. Во-первых, разные картины мира и их место в процессе иноязычного образования, проблематика компетенций, межкультурной коммуникации;

во-вторых, современные подходы к коммуникации, проблема методической ошибки в формировании продуктивных умений, проблемы интерференции; в-третьих, учебные тексты, аудио- и видеотехника в процессе обучения РКИ, новые учебные комплексы польских и венгерских авторов.

В **литературоведческих секциях** А и Б, которые в ходе работы объединились, выступило 35 докладчиков. В центре внимания оказалась проблема интерпретации, ее адекватности и неадекватности, объективности и необъективности, квазиинтерпретации, авторской интерпретации, проблема перевода как вида интерпретации на материале произведений русской и мировой литературы. Затрагивались проблемы метаморфозы литературных произведений средневековья, анализировались произведения Гоголя, Пушкина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Соловьева, Ахматовой, Солженицына, Мандельштама, Ерофеева, Пелевина, говорилось о разных феноменах, мотивах, например, о мотиве поцелуя в произведениях К. Бальмонта.

Актуальным проблемам **фразеологии** было посвящено 24 доклада. Обсуждались, в частности, вопросы, касающиеся фразеологизмов и паремий, крылатых слов, национальной специфики фразеологизмов, сравнения фразеологизмов; затрагивались проблемы фразеологической номинации в разных стилях речи, фразеологических инноваций и неологизмов.

Большинство докладов и выступлений отличалось высоким уровнем профессиональной подготовки, имело сравнительный характер и сопровождалось оживленной дискуссией. В программу конференции вошла экскурсия в Дворец оломоуцкого архиепископа. Конференция закончилась торжественным банкетом.

По словам участников, многие из которых приезжали в Оломоуц не в первый раз, хорошая организация конференции предоставила им возможность рабочих и личных встреч. Хорошей атмосфере всего мероприятия содействовал и *genius loci* города, а также прекрасная солнечная погода сентябрьских дней.

д-р Ладислав Воборжил (Оломоуц)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ХЕЛЬСИНКИ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»

С 13 по 14 мая 2005 г. Российский центр науки и культуры в Хельсинки стал местом проведения международной научно-практической конференции под названием: **«Русский язык как иностранный: проблемы изучения, преподавания, оценки в свете общеевропейских компетенций владения иностранным языком»**. Кроме Российского центра науки и культуры в организации конференции принимали участие Отделение славистики и балтистики Хельсинкского университета и Ассоциация преподавателей русского языка Финляндии.

В работе конференции участвовало свыше 100 специалистов из 12 европейских стран (Российская Федерация, Польша, Финляндия, Дания, Латвия, Литва, Эстония, Чешская Республика, Венгрия, Румыния, Италия, Германия). Всего было заслушано 50 докладов и сообщений.

После официального открытия была проведена демонстрация он-лайн связи в прямом эфире с московской Ассоциацией дополнительного образования как способа использования мультимедийных центров при обучении иностранным языкам. Работа

конференции была разделена на четыре пленарных заседания (*Лингвистические основы оценки уровня владения иностранным языком и общие вопросы тестирования, Новые типы пользователей РКИ и описание их коммуникативных потребностей, Русский язык делового общения, Разные типы пользователей РКИ*), чередующихся с параллельными заседаниями в секциях (*Актуальные проблемы тестирования, Особенности преподавания русского языка в школе, Создание учебных материалов, Проблемы формирования лингвистической компетенции*). В конце первого дня работы участников конференции принял посол Российской Федерации в Финляндии Владимир Гринин.

Целью конференции был обмен опытом в области преподавания РКИ, создания учебных материалов, формирования коммуникативной компетенции и ее составляющих. Подавляющее большинство выступлений было посвящено вопросам системы тестирования и сертификации по РКИ и разработке тестовых материалов. В частности, речь шла о сертификационных программах, разработанных для иностранцев, получающих образование в вузах РФ и желающих поступить на работу или получить гражданство РФ (Программа ТРКИ – уровни А1 – С2, Программа «Русский язык повседневного общения» – уровни А1 – В 2, Программа «Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция» – уровни В1 – С1 и Программа «Гражданство РФ» – уровень В1). Об успешном внедрении данных программ тестирования за рубежом РФ (наряду с аналогичными сертификатами, напр. Бритиш Каунсил) докладывали прежде всего представители Польши. Большинство выступлений сопровождалось плодотворной и оживленной дискуссией.

В заключение была отмечена актуальность обсуждаемой проблематики и необходимость создания единого реестра существующих программ тестирования. В связи с этим внимание было обращено на отсутствие согласованности в деятельности отдельных центров по разработке тестовых материалов и сертификации, что могло бы привести в будущем к вытеснению данных программ программами, разработанными нерусскими центрами. Поэтому необходимо обратиться к Федеральному агентству по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации с просьбой информировать соответствующие государственные структуры, ответственные за образование и программы сертификации. С подобной просьбой необходимо обратиться в Совет Европы, проводящий регистрацию языковых сертификатов отдельных стран.

д-р Ладислав Воборжил (Оломоуц)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЛИНГВИСТИКЕ НА САЙТЕ «БАЛКАНСКАЯ РУСИСТИКА»

Современные исследования в области лингвистики характеризуются заметной экспансией междисциплинарности, которая стала источником новых направлений и методик. Несмотря на то, что лингвистику XXI века характеризует в большей степени экспланаторность, чем дескрипция языковых явлений, в задачу лингвистики входит продолжение сбора и описания фактов, а также формирование, размещение и постоянное обновление лингвистической информационной базы данных в интернете. Кроме того, представляется необходимым подробное рассмотрение и обобщение результатов работы российских и зарубежных авторов. Если раньше исследователи занимались в основном фактами языковой системы, то теперь наблюдается все большее обращение к тексту и речевым актам. О развитии и ценности междисциплинарности в лингвистике свидетельствует выход в свет большего числа разнообразных трудов, охватывающих различные уровни языка. В последние годы возрос интерес к прагмалингвистике, логическому анализу языка, культурным концептам, когнитивизму, функциональной и коммуникативной грамматике. Эти и подобные им темы затрагивались на страницах лингвистических журналов и в диссертациях, а сегодня они получили широкое распространение и в интернете. Выход в свет многочисленных электронных журналов и сборников статей, электронных библиотек свидетельствует о растущем интересе лингвистов к новым информационным технологиям.

Наиболее очевидным успехом "Балканской русистики" является распространенность многоязычия на ее страницах. Статьи печатаются на русском, английском, сербском, болгарском, хорватском, французском, испанском и др. языках. За два с половиной года совместными усилиями болгарских и сербских ученых (П. Градинарова, А. Градинаровой, К. Петровой, А. Николовой и Й. Айдуковича) создана библиотека по русистике, насчитывающая свыше 2000 докладов, книг, учебников и линков к статьям в формате PDF или Word for Windows.

Далее мы коротко обобщим материалы по лингвистике, размещенные на страницах "Балканской русистики" в последнее время. Надо отметить, что многие темы настолько обширны, что представить их здесь полностью невозможно.

По мнению А.Е. Кибрика ("Современное состояние лингвистики"), главными вопросами теории языка являются: Как устроен язык, языковая деятельность? Чем ограничивается языковое разнообразие? Чем обусловлена бесконечность языкового варьирования? В XXI веке лингвисты сконцентрируют свое внимание на изучении человека – "самого сложного научного объекта, существующего во вселенной". О.Г. Ревзина в статье "Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка" излагает свою точку зрения. Лингвистика, по ее мнению, тяготеет к соединению с психологией и социологией; когнитивистика отказывается от дихотомий язык-речь, синхрония-диахрония, синтаксис-семантика, лексика-грамматика; теория дискурса отказывается от естественнонаучной модели; лингвистика стала междисциплинарной наукой о человеке. Н.В. Перцов выступает за полный пересмотр лингвистической терминологии ("О парадоксах лингвистических понятий и терминологии"). С.К. Шаумян в статье "Семиотическая лингвистика как объяснительная наука" указывает на

то, что впервые семиотическая лингвистика была представлена в его книге "A Semiotic Theory of Language" в 1986 году, а современное состояние семиотической лингвистики – в книге "Semiotic Linguistic as an Explanatory Science" (2005).

Работа Н. Алмаева посвящена динамической теории значений и когнитивному моделированию ("Dynamic Theory of Meaning: New Opportunities for Cognitive Modeling"). По мнению автора, вопрос не в том, "как моделировать?", а в том, "что должно быть смоделировано?". Разным подходам к формализации семантики генитивной конструкции посвящена статья В.Б. Борщева и Б. Парти ("Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации"). Авторы стремятся к интеграции лексической и формальной семантики, а также контекстной информации в рамках теоретико-модельного подхода. О.А. Михайлова в диссертации "Ограничения в лексической семантике русского слова" выделила денотативно-ограничительный компонент в структуре лексического значения и определила онтологическую природу этого компонента и его составляющих. Научная новизна работы состоит в выявлении лингвокультурологического основания системной организации лимитирующих сем и в установлении связи между типами лимитирующих сем и семантико-синтаксическими позициями пропозициональной структуры. В.А. Плунгян в статье "Грамматические категории, их аналоги и заместители" выделил и типологически описал категорию антитезу, дал классификацию перфективных значений и выделил три типа перфективных систем в языках мира, построил единую типологическую классификацию для семантической зоны залога и актантной деривации, выделил несколько периферийных синтаксических конструкций "с удвоением" в русском языке, а также описал эвиденциальные конструкции в языке догон. В докладе "Модальность как сценарий" Е.В. Падучева рассматривает один нетрадиционный тип контекста – сценарий. Автор отмечает, что различия значений порождают их контексты, т.е. одна и та же языковая единица может быть употреблена в высказывании в составе разных сценариев. Выявлением метафорических осмыслений коррупции посвящена статья А.Н. Баранова ("Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов"). Работая над статьей, автор с 2002 по 2004 г. провел две серии глубинных интервью с политиками, чиновниками федерального уровня, предпринимателями мелкого и среднего бизнеса, экспертами по коррупции.

Большой интерес в "Балканской русистике" представляют прагмалингвистические исследования, касающиеся феноменов манипуляции, речевой стратегии и диалогического дискурса. Е.В. Денисюк в диссертации "Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект" изложил лингвопрагматические параметры описания манипуляции как речевого воздействия и структурно-содержательную модель манипулятивного коммуникативного события. В работе "Рекламный текст и проблемы манипуляции" Е.С. Поповой приводятся основные характеристики рекламного дискурса и текста, а также выявляются механизмы манипулятивного воздействия в современной рекламе. В статье "К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя" Г.Г. Матвеева рассматривает структуру, речевые сигналы, нюансы смысла, способы изучения и перспективы выделения стратегии скрытого воздействия отправителя текста на его получателя. Понятие "речевая стратегия" занимает ключевое место в теории скрытой прагмалингвистики и является единицей исследования, обладающей содержательной и формальной стороной. В работе "Грамматика диалога: основные категории" Л.Л. Федорова исследует способы построения человеческого диалога, выявляет закономерности связи реплик и задает модель общения, пригодную для практических приложений. И.Е. Папулинова в диссертации "Языковая манифестация жестов рук в диалогическом дискурсе (на материале русского, немецкого и английского

языков)" провела системное исследование вербализации жестов рук на материале трех языков с использованием фреймового когнитивного подхода.

В докладе под названием "Можно ли проверить дискурс фракталом?" Н.Н. Белозерова указывает на значение фрактального измерения в лингвистических явлениях и моделях. По мнению автора, параметр *фрактальность* помогает объяснить, "каким образом связываются в единый динамичный процесс отношения референта к объекту, отношение знаков друг к другу (линейное или многоуровневое) и отношение знаков к интерпретатору", а также понять взаимосвязь культурных и лингвистических факторов. Е.И. Шейгал и Ю.М. Иванова в статье под названием "Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации" анализируют феномен стратегической коммуникации как особого типа дискурса. В качестве примера авторы рассматривают предвыборные теледебаты в США. Стратегическая коммуникация анализируется с учетом конфликта целей говорящих, наличия в дискурсе системы стратегий воздействия и использования для разрешения данного конфликта имеющейся в культуре игровой коммуникативной формы. Особый аспект дискурс-анализа феномена лоббирования затронут в статье Е.В. Савич под названием "Макротекст в его линейной развернутости: дискурс-анализ кампании лоббирования". В докладе И.М. Кобозевой и Л.М. Захарова "Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка" дана оценка современного состояния изучения и описания дискурсивных слов. В упомянутой работе авторами предлагается и на конкретных примерах демонстрируется проект создания звучащего электронного словаря дискурсивных слов русского языка.

В исследовании "Ритмическая организация суггестивного текста" С.В. Болтаева разработала и апробировала методики анализа лексико-ритмической организации текста внушения и предложила алгоритм анализа. Автором "разработана алгоритмизированная методика фоноритмического анализа текста, построенная на учете статистики и опирающаяся на результаты лексико-ритмического анализа, позволяющая выявить звуковой рисунок ключевых слов, определить композиции звукобуквенных ритмов в их взаимосвязи с лексическими". Кроме того, в работе представлены "варианты графических изображений текстов, на основе которых выводятся формульные структурные схемы текстов внушения, выявляются композиционные ритмы и их динамика".

А. Чудинов в нескольких статьях осветил основные направления в современной российской политической лингвистике. Исследователи в данной области занимались в основном описанием отдельных элементов политического языка, хронологическими рамками исследования, уровнями языка, нормативными подходами, отдельными политическими жанрами, идиостилиями политических лидеров, дискурсивным изучением коммуникативных ролей, методами исследования политического языка и речи и т.д. Проблеме языковой личности в политическом дискурсе посвящена статья Д.В. Шапочкина. Автор пришел к выводу, что языковая личность в политическом дискурсе включает характеристику толерантности политического деятеля и характеристику его коммуникативно-когнитивных стратегий. В.М. Амиров в диссертации "Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации" впервые попытался сопоставить агитационную продукцию трех предвыборных кампаний, разделенных почти вековым промежутком. Они представлены как свертхтексты, содержание которых описано как совокупность идеологем, мифологем и императивов, "объединенных в мифологический сюжет с помощью приемов, реализующих стратегии устрашения, самовосхваления и лести".

Из докладов, посвященных проблемам психолингвистики, отметим работу И.А. Секериной под названием "Метод вызванных потенциалов мозга в американской

психолингвистике и его использование при решении проблемы порядка слов в русском языке". Данный метод получил широкое распространение в американской психолингвистике с 1990 гг. и применяется "при изучении всех этапов понимания языка, включая восприятие звуков, слов и псевдослов, словосочетаний и предложений, анафоры, связанного текста, а также при определении нагрузки на рабочую память". Е.И. Горошко в докладе "Особенности ассоциативного поведения человека в необычном психофизиологическом состоянии (стресс)" анализирует связь языкового сознания носителей русского языка с состояниями стресса, "которые могут влиять на протекание ассоциативных процессов и на формирование образов языкового сознания, овнешняемых с помощью вербальных ассоциаций". Впервые типология ассоциативной множественности представлена в диссертации М.А. Даниэля ("Типология ассоциативной множественности"). В работе автор указал на основные типологические параметры ассоциативности и объяснил феномен ассоциативной интерпретации показателя аддитивной множественности. Автором сформулировано и обосновано положение о том, что ассоциативность является структурно-семантическим подтипом репрезентативной множественности. В диссертации особенно подчеркивается необходимость внесения существенных корректировок в типологию местоименных систем.

В докладе "Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты)" А.В. Кирилина обсуждает понятие "гендер", исследует взаимосвязь языка и пола его носителей, а также рассматривает соотношение категории грамматического рода и экстралингвистической категории "пол". С одной стороны, "многое из того, что требовали феминисты, – изменение в официальном письме форм обращения, реферирование не только к мужчинам, но и к женщинам, и т.п. – по умолчанию присутствовало в русском узусе: тетрадь ученика (цы), родился (лась) и т.д.", а с другой стороны – в российской лингвистике отсутствовала соответствующая дискурсивная практика.

В статье "Основные понятия и категории коммуникативной стилистики текста" Н.С. Болотнова определяет и систематизирует основные понятия и категории коммуникативной стилистики текста. Это новое направление функциональной стилистики комплексно (т.е. с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов общения) анализирует целый текст как форму коммуникации и явление идиостиля. Название газеты впервые исследуется в диссертации Т.И. Кравец ("Название газеты: ономаσιологический и стилистический аспекты"). Газетный текст рассматривается как элемент единого целостного текста.

В статье "Опыт составления словаря славянской сравнительной фразеологии" Ж. Финк представила концепцию словаря, цель которого – показать сходство и различие сравнительной фразеологии девяти славянских языков. В словаре исходным языком является хорватский, а целевыми языками – словенский, македонский, болгарский, украинский, русский, польский, чешский и словацкий. Выбор хорватских фразеологизмов в основном зависел от частоты употребления и, до определенной степени, фиксации фразеологизмов в лексикографических источниках.

Из докладов, посвященных вопросам фонетики, выделим "Логико-коммуникативные функции интонации" С.В. Кодзасова. Автор указал на то, что долгое время в центре внимания российских интонологов находились тональные конфигурации или так называемые ИК. В фокусе современных исследований находятся просодические оформления коммуникативного членения, актуализационный статус термов и типологии оппозиций, информационные и дискурсивные аспекты интонации и т.д. Весьма эффективной в выработке электронной информационной базы по интонации является методика, основывающаяся на комплексном анализе. Пример

применения такой методики анализа дается в статье "База данных 'Интонация русского диалога': Вопросительные реплики" С.В. Кодзасова, А.А. Бонч-Осмоловской, Л.М. Захарова, И.М. Кобозевой и О.Ф. Кривновой.

В статье "Лингвистические методы исследования в области (межкультурной) коммуникации" М.Б. Бергельсон сосредоточилась на вкладе лингвистических подходов к изучению коммуникации как собственно языковой деятельности. Автор включает в сферу своих интересов самые различные аспекты межкультурной коммуникации: лингвистику, психологию и социологию. П.И. Донец в статье "Об исследовательской единице межкультурной коммуникации" делает попытку определить базовую исследовательскую единицу теории межкультурной коммуникации.

А.П. Сквородников в работе "К становлению системы лингвоэкологической терминологии" пишет, что независимо от того, когда произойдет признание лингвоэкологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, необходимым является разработка лингвоэкологической терминологии и словаря лингвоэкологических терминов.

В нескольких статьях по лингвистической контактологии автором данного обзора представлена теория межславянских языковых контактов и концепция контактологического словаря адаптации русизмов в восьми славянских языках. Два доклада посвящены разработке контактологической терминологии: "О понятии 'язык-посредник' на материале словарей сербского, болгарского и македонского языков" и "Основные понятия лексической контактологии на материале русизмов в славянских языках". К примеру, под понятием контактема подразумевается активированный и/или отображаемый элемент доминирующего языка-источника в языке-адресате на определенном языковом уровне.

И.Г. Лебедев и В.М. Константинов разрабатывают вопросы этимологии русских названий птиц отечественной фауны ("Значение и этимология некоторых русских названий хищных птиц и сов фауны России").

А.С. Кравец в статье "Структура смысла: от слова к предложению" занимается выявлением элементарных структур смысла в языке. Слова обогащаются смыслом и возвращаются вновь в систему языка. Аккумулируя новые смыслы, система языка постоянно обогащается за счет речевой деятельности.

М.Л. Ремнева пришла к неожиданным и сенсационным открытиям. Журналисту "Российской газеты" она сообщила, что "знаменитой древнерусской диглоссии не было вовсе!" и что многих шокировало ее заявление о том, "что язык наших предков не имел такой сложнейшей системы временных форм, как, скажем, старославянский. Древние русичи использовали обычные глаголы в формах на -л, как и мы сегодня. А все изнуряющие студенческие мозги "плюсквамперфекты" и "аористы" – из диалектов".

Новые материалы по русистике найдут место в электронном журнале "Балканская русистика". Кроме функции электронного журнала, "Балканская русистика" играет роль инструмента систематизированного поиска. Уникальность проекта состоит в полном охвате информации с точки зрения как спектра освещаемых тем, так и использования большого количества источников на разных языках. Редколлегия и в дальнейшем заинтересована в том, чтобы "Балканская русистика" имела высокий рейтинг и обеспечила дополнительный приток аудитории.

дфн Йован Айдукович (Белград)